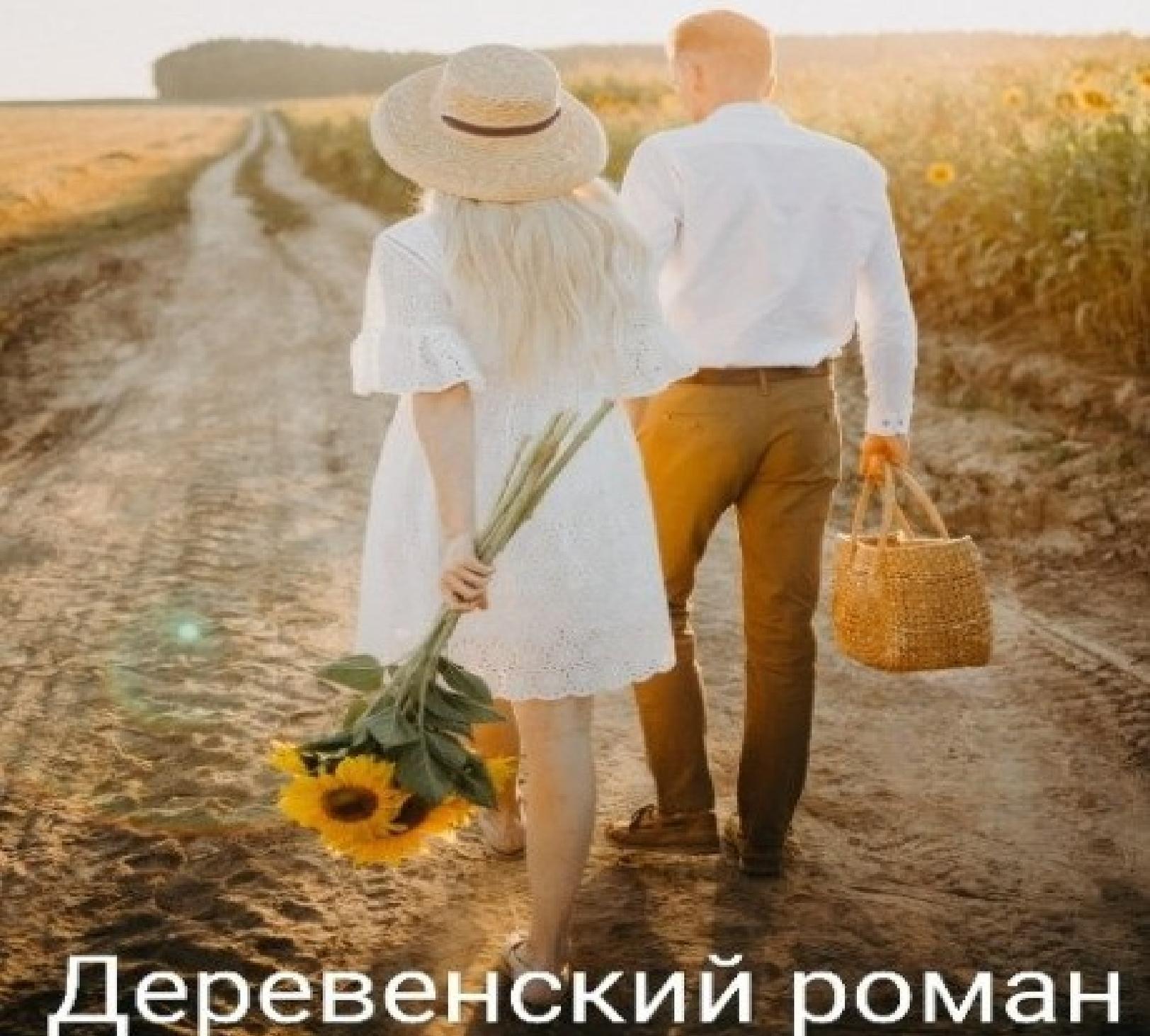

Анелия Чадова

Деревенский роман

Всё началось с того, что двое братьев нашли послание в бутылке, в котором было указано, где зарыто сокровище. Чтобы его добыть надо пробраться в заброшенный сад умершей деревенской ведьмы. Говорят, дух её пса сторожит тот клад. А тут ещё и новые хозяева дома объявились. И тоже странные. Жизнерадостный старик и его угрюмый племянник.

Пацаны клад всё же нашли. Но вот как его преподнести матери?

А тут ещё и эти новые односельчане повадились ходить к ним в гости...

Деревенский роман

Анелия Чадова

Глава 1

Двое пацанов лет девяти — десяти сидели в кухне и с аппетитом поедали пирожки с горохом и картошкой, запивая парным молоком. Оба щурились от удовольствия и счастья. Мама дома, поэтому у них полноценный и горячий (ну, не совсем уже горячий, всё же они те ещё сони) завтрак. Мать уже работала в их маленьком огороде. И пацаны время от времени бросали взгляды в открытое настежь окно. Лето было в самом разгаре и работы по дому — много. Хотя, её много в любое время года, но всё же зимой они больше отдыхают, чем в остальные месяцы. Что делать пацанам зимой? Уроки учить, да мамке по дому помогать. Всё. А вот летом, весной и осенью — работы хоть отбавляй. Огород полей, прополи, двор замети, кур покорми, на рыбалку сбегай, грибов собери. Но пацаны не жаловались. Всегда с охотой помогали матери. Как-то так получилось, что они рано поняли, что матери трудно воспитывать их одной. Денег вечно ни на что не хватает. Да и не ангелы они, откровенно говоря. Оторви и выбрось — это про них. Но в то же время они были ответственными и дружными. А ещё они были погодками, хотя их чаще всего принимали за близнецов. Отличались они только веснушками да цветом глаз.

Лёшка — эдакое солнышко: пшеничные волосы на солнце блестят рыжеватым цветом, всё лицо украшают крупные веснушки, а глаза — насыщенно серо-зелёные. Пашка — сероглазый блондин. Причём, даже брови у него белые, а вот ресницы — густые, длинные и чёрные. В остальном же все черты лица и гримасы у них абсолютно одинаковые. Лёшка старший, он уже окончил третий класс и жутко гордился, что такой взрослый. Пашка — второй. Оба брата учатся средне. Быть может, если бы прилагали больше усилий, то радовали бы мать хорошими оценками, но они считают, что не это главное в жизни. Надо мамке помогать, а не за учебниками сидеть!

Все в деревне знают, что пацаны с удовольствием выполняют любую работу, если им за это хорошо заплатить. И не важно — деньгами или продуктами, пацаны согласны на всё. Но деньгам всё же радовались больше, конечно же.

Быстро поев, они помыли за собой кружки, надели кепки и выбежали во двор. К матери постарались подойти чинно, хотя энергия так и просилась на свободу. Ещё бы! Всю ночь спокойно дрыхли без задних ног.

Мать, что пропалывала грядки картофеля, разогнулась и, покривившись от боли в пояснице, приветливо им улыбнулась.

— Вы поели? — ласково спросила она, обласкав каждого из них любящим взглядом.

— Да! — хором ответили пацаны. — Было очень вкусно! — Переглянулись и звонко рассмеялась.

Мать вторила им.

— Мам, давай поможем! — перешёл сразу к делу старший. — Ты скажи, что делать, мы мигом всё сделаем!

Родительница только устало покачала головой.

— Знаю я вашу помощь, — без упрёков и злости начала говорить она. — Мы тогда совсем останемся без картофеля. А так, хоть на первые месяцы хватит. Я тут сама справлюсь, а вы лучше сходите на рыбалку. Сушеная рыба заканчивается. Да и жаренной давно не ели.

Пацаны переглянулись и в унисон утвердительно кивнули.

— Только возьмите с собой пирожков, чтобы я не переживала, что вы там голодные. И к вечеру обязательно вернитесь! — продолжила она давать им наставления.

— Хорошо, мам! Не переживай, мы будем осторожными и внимательными, — на полном серьёзе постарался её заверить старший. — Пашка, иди червей накопай, да прикормку сделай. А я пока воды натаскаю, чтобы к вечеру нагрелась на полив, — обратился он к младшему, хмуря от задумчивости свои рыжеватые брови.

Пашка важно кивнул и убежал выполнять поручения брата.

— Алёша, я сама потом, — попробовала возразить мама, с умильной улыбкой глядя на старшенького. Всё же ей несказанно повезло, что они у неё такие понимающие!

Лёшка лишь отмахнулся. Знает, что мать встаёт на рассвете, чтобы больше успеть. Раньше у них ещё и корова была, поэтому работы было в два раза больше. Увы, тогда они слишком малы были, чтобы самим сено заготавливать. Да и сейчас, откровенно говоря, они для этого ещё малы. И это злило его. Он хотел приносить пользу. Он хотел быть настоящей опорой для матери. Не получалось. Он был всего лишь ребёнком...

Взяв два восьмилитровых ведра, он стал потихоньку набирать воду из колонки и наполнять старую чугунную ванну, что стояла у них в саду между яблоней и грецким орехом. Работа продвигалась медленно, потому что мать поглядывала на него обеспокоенно — боялась, чтобы он не набирал полные ведра, переживала, что ему будет тяжело. Да и грыжу может заработать. Лёшка в силу своего возраста не очень понимал, что такое грыжа, но после первой же лекции матери, больше не стал тягать тяжелые ведра, хотя и очень хотелось. Но огорчать мать он не любил. Одно дело, когда она расстраивается из-за их троек в школе, другое, когда переживает за их здоровье.

Пашка справился быстро, поэтому пришёл брату на помощь. У младшего было всего одно ведро. И пыхтел он над ним, как ежик. Лёшке всё время приходилось ворчать на брата, чтобы тот не набирал много воды. Тот «агакал», но тут же забывал о наставлениях старшего.

Управившись, пацаны умчались в дом. В старый Лёшкин рюкзак положили пакет с пирожками, пару уже помытых помидоров и огурцов, двухлитровую бутылку воды. Прихватили и старенький кнопочный мобильный телефон, предварительно проверив уровень зарядки. Всё в порядке.

Лёшка отправил брата в сарай за удочками и сачком, а сам торопливо зашагал к матери.

— Мы собрались. Телефон с собою взяли, — промолвил он с какой-то потаённой печалью глядя на родительницу.

Она улыбнулась ему. Вытерев ладонь об подол старых шортов, взлохматила его отросшую челку. Обняла за шею и притянула к себе. Лёшка с готовностью прижался к её груди. Зажмурился. Стыдно было, что опять убегает, по сути, бездельничать, когда она здесь остаётся работать. Обнял её за талию крепко-крепко, мысленно прося прощение за лень.

Она же прижалась губами к его рыжеватой макушке.

— За братом приглядывай. Туда, где глубоко, не ходите, — дала она последние наставления.

— Хорошо, мам, — прохрипел Лёшка.

— И чтобы к ужину были дома.

Прибежал Пашка со всем снаряжением. Чмокнул мать в подставленную щеку и первым поспешил к калитке. Лёшка догнал его и забрал рюкзак. Пошли вместе, по дороге болтая, вернее мечтая, как они наловят много-много рыбы, чтобы на дольше хватило. И не только на жарёху, но и чтобы засушить. А ещё пацаны мечтали о рыбных котлетах. А какие вкусные

пельмени с рыбным фаршем... В общем, фантазий было много.

Утро только начиналось, но жители деревни уже всюю работали на улице. Собаки задорно лаяли, коты лениво шурились на солнце. И бабочки летали по улице от цветка к цветку, наверное, наперегонки с пчёлами.

Громко здороваясь со всеми подряд, братья притихли, когда проходили мимо крайнего дома на улице. Бросая любопытные взгляды в заброшенный двор, который, поговаривали, кто-то купил, они вышли за пределы улицы и побежали к своему облюбленному месту. К нему пришлось идти сквозь заросли камыша. Лёшка ворчливо всё время напоминал брату, чтобы тот смотрел под ноги. Змеи уже во всю гуляли на просторах, поэтому надо быть бдительными. А ещё они оба мечтали поймать фазана. Слышали от деревенских мужиков, что те вкусные. Вот и пацанам хотелось попробовать. Они даже ловушки ставили, но безрезультатно. Подумывали и на зайцев ставить ловушки, да только кто его разделявать будет? Точно не они с мамкой.

Вообще в деревне к ним нормально относились. Конечно, приходилось слушать и охи с вздохами, что они растут безотцовщиной. И такие причитания злили, особенно Лёшку. Он скрипел зубами, смотрел исподлобья и огрызался в ответ. Старушки частенько читали нравоучения их матери на тему того, что ей надо сойтись с кем-то. Та только отмахивалась. Нет, она не была бесхарактерной. Могла и послать лесом, но чаще предпочитала всех игнорировать. Лёшка понимал, что если бы у мамки появился мужик, то им, возможно, и стало бы легче жить. Но в деревне не было достойных мужиков. Семьянины, пьяницы, лентяи. Зачем ей такие? Нет, ещё одну обузу ей на шею не надо. Ей и их с лихвой хватает.

Папка их помер, когда Лёшке было семь. Он плохо помнит его. Пашка ещё меньше. Но Пашка сам по себе мягче и ласковее. Он часто скучает по отцу. Лёшка — нет. В мозгу чётко отпечаталось воспоминание, как пьяный отец замахнулся на маму, когда та отказалась давать денег на очередную бутылку водки. Он и помер от водки. Лёшка не очень понимал, как это. Но зато прекрасно понимал, алкоголь — зло.

Родственники со стороны отца обвинили во всём их мать и оборвали всякое общение. Лёшке даже не жалел об этом, наоборот, выдохнул с облегчением. Ему не нравились лживые улыбки бабушки. За глаза она всегда поливала их грязью. Когда Лёшка был помладше, и при нём полевала, думая, что он ничего не понимает. Он понимал, поэтому волком на неё смотрел и в гости ходил только по приказу отца.

Пашка скучал, потому, что те хоть иногда, но покупали им сладости...

Место их никто не занял. Две рогатки выглядывали из воды. На поверхности воды шли круги. Иногда на поверхность высывались головы рыб. Лёшка предвкушающе улыбнулся. Устроился на своём бревне и, нанизав червя на крючок, закинул в реку. Пашка повторил за ним.

— А ещё можно маму попросить уху из голов сварить, — шёпотом, произнёс младший, боясь спугнуть рыбу.

Лёшка кивнул, хмурясь.

— Она и так их не выбросит. Не переживай, — успокоил он брата.

— Эх, шашлыка бы, — мечтательно протянул Пашка. — Помнишь, как вчера вкусно пахло от соседей? Я думал, что слюной подавлюсь.

Лёшка лишь тяжело вздохнул. Ему тоже хотелось мяса, но ныть он не привык.

— Вот бы найти клад, — не унимался Пашка. — Тогда мы бы мясо много-много купили... И маме бусики.

Лёшка хмыкнул. Бусики. Нет, их маме надо дарить только золото! Сосед, дядя Ваня, говорит, что это самый дорогой подарок.

— И сапоги, — опечалившись, добавил старший.

— Ага, — согласился младший.

Замолчали.

Такие разговоры у них случались часто. Мечтатели, что поделать.

Лёшка дожидаться не мог того момента, когда вырастет и сможет работать. Тогда он будет покупать мамке всё-всё! Вот только рос он медленно...

— Лёх, смотри, что это там? — всматриваясь куда-то влево от себя, где были густые заросли камыша.

Лёшка поднялся на ноги и осторожно подошёл поближе. Присмотрелся.

— Бутылка пустая, — разочарованно выдохнул он, спустя минуту. — Видно, кто-то бухал здесь на днях.

Он сел на место, а Пашка наоборот встал. Помешкав, младший всё же пробрался к бутылке, тихо ворча, что испачкал не только обувь, но и ноги. Точно теперь придётся лезть в воду после рыбалки. Поплавать, освежится. Вдруг, раки уже появились? Авось, повезёт их надрать. Мамка любит их. Да и они тоже.

Перед тем, как потянуться за пузатой бутылкой, Пашка несколько минут придирчиво рассматривал её и место вокруг. Бутылка наглухо была закрыта, а внутри неё явно что-то было. Вспомнив все истории про пиратов и сокровища, Пашка ещё больше воодушевился и, удостоверившись, что опасности поблизости нет, взял стеклянную тару. Довольный собой и находкой, он, гордо задрав подбородок, стал вылезать из зарослей камыша. Однако делая последний шаг на твёрдую поверхность, он поскользнулся на влажной земле и, взмахнув руками, начал терять равновесие. Сначала не понял даже, что упадёт в воду, только озадаченно глянул на брата, который уже подорвался со своего места и подбегал к нему. Глаза у Лёшки при этом такие перепуганные были, что заставили младшего осознать происходящее. А в следующую секунду он оказался в воде, но свою находку всё же не выпустил из руки.

Больно ударившись копчиком и кистью руки при падении, он с ужасом осознал, что приземлился на край обрыва. Миг — и он заскользил по противному илу дальше. Скрывшись под водой полностью, в первое мгновение он оцепенел от страха и только спустя пару секунд начал активно работать руками и ногами, пытаясь всплыть. Маленькое сердце бешено стучало в груди, а лёгким не хватало воздуха, но он не сдавался. В голове набатом билась только одна мысль: мамка заругает его!

Ему казалось, что под водой он провёл уже целую вечность перед тем, как почувствовал хватку на своей руке. Кто-то настойчиво тянул его вправо. Краем мозга Пашка понимал, что это брат, и он старается ему помочь, но паника овладела ним настолько сильно, что наоборот противился Лёшке, а не подчинялся. В какой-то момент Пашке даже показалось, что они оба останутся навсегда на дне этой реки. И вновь в его голове поселились мысли о матери: она будет сильно плакать, если они не вернутся домой...

Каким чудом Лёшке удалось вытянуть их на мелководье, для младшего осталось загадкой. Брат смотрел зло, ртом глотал воздух, стараясь надышаться, а потом отвесил ему подзатыльника. Пашка, дышащий и кашляя ещё активнее брата, лишь обиженно шмыгнул. Вину свою осознавал в полной мере, поэтому и спорить не стал. Только старался удержать неожиданно набежавшие слёзы.

Сидя на берегу и трясясь то ли от озноба, то ли от пережитого страха, Пашка тыльной стороной кисти вытер мокрые щеки и опустил голову вниз.

— И стоила она того? — прорычал Лёшка, ложись спиной на примятую траву. — Отползи от края. Я тебя больше не буду вылавливать!

Пашка подчинился. Плюхнулся рядом с братом, поглядывая на него настороженно. Молчали. Только слышно было пение птиц да их учащённое дыхание. Когда адреналин в крови стал утихать, Пашка почувствовал боль не только в руке, но и в копчике. Скривившись, он взглянул на свою верхнюю повреждённую конечность. Кожа на ладони и выше была стертой и кровоточила. Рана хоть и не глубокая, но болючая. Пашка опять шмыгнул носом и обратил внимание на брата. Тот, лёжа, смотрел на него.

— Болван, — устало резюмировал Лёшка.

— Извини, — буркнул младший, признавая свою вину.

Вздыхнув, старший поднялся на ноги и сходил за бутылкой воды. По пути сорвал пару листьев лопуха, осматриваясь по сторонам в надежде, что подорожник тоже где-то близко растёт. Не увидел. Промыв раны брату, положил на них кусочки лопуха и, приказав сидеть смирно на своём месте, всё же отправился за подорожником.

Шёл и всё время оглядывался на брата. Тот действительно послушно сидел, склонив голову. Лёшка сомневался, что так уж сильно младший сожалеет. Не впервой влезают они в передраги. Правда, такой опасной у них ещё не было. Лёшка сам струхнул сильно. До сих пор поджилки тряслись. Но ругать брата не стал. Да, отчитал. Ну, так ему как старшему положено это делать. А ругань — это прерогатива матери. Но Лёшка ей не собирался о случившемся рассказывать — нечего её пугать. А про раны брата они что-нибудь солгут. Ложь во благо — не преступление!

Лёшка быстро нашёл искомое, вернулся к брату и заменил листы на его ранах. Опять протяжно выдохнув, он сел на своё место и взял удочку в руку. Проверил наживку, опять забросил поплавок. С сомнением смотрел на водную гладь. Рыбу они знатно распугали. Подбросил подкормки. Пожевал нижнюю губу, думая, как наловить рыбы хотя бы на ужин.

— Лёх, а в бутылке какой-то свёрнутый лист. Давай откроем, а? — несмело и тихо заговорил Пашка.

Лёшка от неожиданности вздрогнул всем телом. С укором глянул на младшего.

— Выбрось ты её, — сквозь зубы сказал он.

— А вдруг там карта сокровищ? — не унимался Пашка. — Давай откроем, а?

— Делай, что хочешь, — махнул на него рукой Лёшка, возвращая своё внимание поплавку. Тот спокойно плавал на водной глади.

Пашка мучился с пробкой и так и эдак, а достать не мог. Была мысль разбить бутылку, да только мусорить не хотелось. Устав сражаться с неподдающейся пробкой, он с мольбой посмотрел на брата.

— Лёх, помоги, а, — жалостливо протянул он.

Лёшка вздохнул так, будто всю жизнь своими плечами подпирает небосвод. Одарив брата негодующим взглядом, он забрал стеклянную тару и спустя пару минут всё же с хлопком открыл её. Протянул обратно брату.

Пашка с воодушевлением и нетерпением достал скрученный лист желтой бумаги и развернул его. Нахмурившись, начал вчитываться в корявый и едва понятный почерк.

— Лёшка! Здесь сказано, где сокровища зарыты! — громким шёпотом выказал свою радость младший.

— Что? — переспросил тот. Он тоже был радостным, только по другой причине: первую рыбёху, пусть и не крупную, но поймал!

— «В первый день полнолуния, первого летнего месяца пойдёшь в первый двор на улице Первого мая и там, в саду, возле первого дерева вишни, зарыт клад», — прочитал Пашка. — Лёх, а когда у нас полнолуние, а?

Старший задумчиво нахмурился.

— Надо у мамки спросить, — спустя пару мгновений ответил он.

Глава 2

Пашка брёл за старшим братом задумчивый и решительный. Время от времени он поглядывал на брата исподлобья. Твёрдо был уверен, что будет стоять на своём до последнего. Если старший всё же откажется идти вместе с ним, сам пойдёт! Клад он найдёт. Никому другому он не достанется!..

Мать улову обрадовалась. Сразу же принялась чистить рыбу. Мальчишки же пошли за крапивой и лопухами — домашнюю живность же надо чем-то кормить. Потом нарвали щавеля для зелёного борща. А там уже и время ужина. Мама рыбки нажарила, отварила картофеля. Ещё и несколько огурцов с помидорами нарезала.

Пацаны ели за обе щеки. Рыбку мать пожарила так, что тонкими косточками можно было хрустеть. И, конечно же, хорошо посолила её. Ели, облизывая пальцы, и чуть ли не мурлыча от удовольствия.

Людмиле только и оставалось, что любоваться их довольными лицами. И, естественно, гордиться, что они у неё такие помощники и добытчики. Сама тоже ела, но больше отварной картофель, да овощи.

Вкуснейший ужин запили свежесваренным компотом вприкуску с оладушками, пусть уже и остывшими, но не менее вкусными. Потом мальчишки помыли посуду, давая маме посидеть на качели и отдохнуть. Быстро справившись с нею, присоединились к родительнице. Посидели, поболтали. Посмеялись. Куда же без этого? А после вновь за дела: помидоры и болгарский перец полили, во дворе замели.

Время к закату. Обычно в это время пацаны убегали гулять, но сегодня остались дома. К этому моменту они уже осторожно выпытали у мамы, что сегодня первый день полнолуния.

Братья сидели у себя в комнате, обдумывая, что взять с собой на «дело» и как сбежать из дома, чтобы не разбудить маму.

Лёшка сомневался. Ему казалось, что вся эта история с кладом просто чей-то розыгрыш. Но в тоже время хотелось найти клад, чтобы порадовать родительницу — хоть немного, но им стало бы жить легче. Он даже уже успел придумать, что маме можно подарить. По правде говоря, об этом он задумался в первую очередь.

Он замечал и её усталость, и грусть, и обречённость во взгляде, которую она усиленно старалась прятать. И он не понимал, почему видит в её глазах эти чувства, ведь у них не всё так плохо. А ещё ему думалось, что с кладом им не понадобится и взрослый мужик в доме: нужных рабочих можно будет нанять...

Мама уснула после одиннадцати часов ночи, сидя на диване перед телевизором с крючком и пряжей в руках. Удостоверившись, что она крепко спит, Лёшка из её рук аккуратно забрал недовязанную шаль и отложил её на тумбочку. Укрыл маму лёгким пледом и сделал громкость на телевизоре на минимум.

Вернулся в их с братом комнату. Дождались, когда до полуночи осталось всего пятнадцать минут. Пашка первым вышел на улицу. Лёшка ещё раз проверил свой рюкзак со всем необходимым и кивнул брату головой, мол, пошли.

Фонари бледно светили, собаки лаяли, где-то пела какая-то ночная птица. Вдали слышался смех молодёжи — обычная деревенская ночь.

Братья шли тихо и быстро, постоянно оглядываясь по сторонам. Два сердца бились в унисон в ускоренном ритме. Ночной воздух освежал, а далёкий лай собак пугал. Пашка всё

ближе шёл рядом к брату, будто ища у него поддержки и защиты. Лёшке же и самому было не по себе. Никто из них ещё никогда не выходил за пределы двора в такое позднее время. Но отступить никто из них не собирался.

Возле нужного двора остановились резко. Переглянулись. Выдохнули. Лёшка поправил лямки рюкзака. Пашка переступил с ноги на ногу. Оглянулся назад. Перевёл свой настороженный взор на брата. Можно смело предположить, что он уже готов предложить вернуться домой. И он даже рот открыл, но тут же его захлопнул. Нет. Как бы страшно не было, надо идти до конца!

— Пошли! — шёпотом скомандовал старший, дёрнув его за руку.

Пашка крупно вздрогнул. Неуверенно кивнул. Опять выдохнул. Махнул рукой и уже решительно пошёл за братом.

Они подошли к большому дереву, что росло сразу за двором. В его тени и спрятались от всевозможных любопытных глаз. Первым лез Лёшка. Пока лез, шипел и тихо ругался, но смог преодолеть препятствие. У Пашки получилось не так удачно. Он умудрился поцарапать и руку, и ногу. Упал к тому же, когда спрыгивал с забора. Лёшка помог ему подняться на ноги. Отряхнул коленки.

— Всё норм? — едва слышно спросил он у младшего.

— Да, — прокряхтел Пашка.

Осмотрелись, чтобы понять куда идти. В потёмках это было трудно сделать, поэтому мальчишки растерялись. Столько деревьев. И к какому им надо идти? Как найти правильное? Не копать же под каждым!

— Что делать будем? — поникшим голосом задал вопрос младший, дёрнув Лёшку за руку.

Тот глянул на него сурово, жаль, в темноте этого видно не было. Отдёрнул свою верхнюю конечность, опять поправил лямки рюкзака.

— Искать, — твёрдо изрёк он. Задумался. Оглянулся на забор. — Ствол у вишни тонкий, по крайней мере, тоньше, чем у абрикосы и ореха. Здесь таких не много. Я разглядел таких всего пять. Начнём с той, что растёт у забора. Если неудача, то пойдём к той, что ближе к дому.

— А если в доме кто-то есть? — совсем тихо прошептал Пашка.

— Не должно. В любом случае, будем вести себя тихо и осторожно, — как вердикт произнёс старший. — Я копаю первым.

Пашка только кивнул, соглашаясь с ним.

Аккуратно ступая, они подошли к нужному дереву. Снова осмотрелись. Лёшка достал из рюкзака сапёрскую лопатку, что до этого лежала у них без дела в сарае. Рюкзак отдал брату, сам принялся копать. Правда, перед этим обошёл дерево по кругу, присматриваясь к земле. Ровная была, без рыхлостей, но и очищена от сорняка. Правда, этому он не придал значения — так был погружён в свои мысли.

— Кажется, здесь нас будет ждать неудача, — пробормотал он.

— Почему?

— Не видно никакой горки. Или же клад закапывали давно, — начал рассуждать вслух старший.

Пашка горестно вздохнул.

— Или его выкопали до нас, — едва слышно обронил он, понурился головой.

— Не падай духом, брат! — воодушевлённо приказал старший, уже орудуя лопаткой.

Копал не сильно глубоко, но вокруг вишни, боясь задеть её корни. Копал довольно долго, с перерывами и гневным бормотанием под нос. Клад всё не находился. Это злило и разочаровывало.

Пашка хотел пару раз предложить, чтобы он тоже покопал, но видя злость брата, не решался. Глядел на его силуэт в темноте жалостливо и виновато. Кусал губы и всё посматривал на тёмный дом, что пугал до дрожи.

Раньше здесь жила старая бабка. Она была такой древней и безобразной, что Пашка даже смотреть в её сторону не осмеливался. Как только замечал на горизонте её маленькую и сторбленную фигурку, так и бежал куда подальше. А ещё его пугал её горб на спине, пусть и маленький, да глаза, пусть и маленькие, как бусинки, но такие чёрные, что и зрачка не отличить. Губы у неё были сморщенными, а оскал на все два ряда белых и ровных зубов. На пальцах были не ногти, а самые настоящие когти! Ещё и загнутые, отвратительного желтоватого цвета. Как замечал эту руку, что крепко держала кривую клюку, так и дышать переставал.

И собака у неё был ей под стать. Тощий, что аж рёбра выпирали, сторбленный и злой. Рычал на всех. Поговаривали, что и кидалась на людей. На Пашку, слава богу, не бросалась, лишь презрительно глазела.

В саду у неё много вкусок росло, да только никто из сельских ребят не отваживался лезть за фруктами или ягодами — не дай бог проклянет!

Бабка померла позапрошлой осенью. Дом больше года пустовал, как и сад, но никто из местных подростков так и не решался в него лезть. До сегодняшней ночи. Кстати, а собака куда-то пропала. Кто-то говорил, что видел её за оградой, то есть в этом саду, но кто именно — не понятно. И вот они, два не самых смелых брата, отчаялись на этот шаг, в надежде найти клад. Конечно, оба понимали, что их шанс ничтожно мал, но он есть! Надо рисковать...

Лёшка ничего не нашёл. Настроение упало у обоих. Если бы ещё знать им на какую глубину копать. Но, с другой стороны, старушка была древней и немощной — откуда у неё силы закапывать клад глубоко?

Пошли к вишне, что росла у дома, останавливаясь через каждый шаг. Всё же страх, что собака ещё жива и шастает здесь был велик.

Подожли. Постояли, прислушиваясь к ночной тишине. Кажется, они по прежнему в этом саду до сих пор одни.

Лёшка устало вздохнул.

— А вдруг это всё туфта? — озвучил он свои пессимистические мысли.

— Здесь проверим и уйдём домой, — шёпотом ответил Пашка. Голос его дрогнул: клад очень хотелось найти.

— Ладно, — махнул рукой старший. Перехватил лопату удобнее.

— Давай я, — предложил младший.

— Сам, — отмахнулся Лёшка.

— Ты же устал, — не стал сдаваться Пашка.

— Не ной, — скривившись, прошипел старший. — Смотри по сторонам, если что, говори — будем бежать отсюда.

Пашка кивнул, давая понять, что понял его.

Земля здесь была мягче — легче поддавалась. Лёшка уже весь вспотел. Руки начали болезненно ныть. И ему уже совсем не верилось, что они что-то найдут. Он бы и бросил всё,

да расстраивать брата не хотел. Знал, что Пашка может и всплакнул. К тому же, в большей степени хотелось найти клад, чтобы деньги отдать маме и, конечно же, купить ей замечательный подарок.

Неожиданно лопатка врезалась во что-то твердое. Лёшка застыл. В неверии глянул на брата. Тот поднялся на ноги, шагнул ближе.

— Что там? — на грани слышимости спросил Пашка, вытянув шею, будто мог что-то рассмотреть.

— Сейчас узнаем, — так же тихо отозвался Лёшка. Надежда придала ему силы. Работать лопатой стало легче. И спустя уже минут десять, он достал из земли небольшой сундучок, который был закрыт на малюсенький замочек.

— И как будем открывать? — шёпотом задал вопрос Пашка, присев рядом с братом и с воодушевлением рассматривая их находку.

— Домой возьмём, там откроем, — постановил старший. — Пора уходить отсюда, пока нас кто-то не заметил. Ты несёшь рюкзак, я — сундук. Погнали.

До забора добежали в считанные секунды. Первым перелез Пашка, предварительно перекинув рюкзак. Потом Лёшка бросил брату сундук, а уже после и сам перелез. Отряхнулись. Похватали вещи и побежали к своему дому. Подгоняла радость от находки и предвкушения. Что же там внутри?

Забежали в сарай. Спрятали там все свои вещи. Довольные переглянулись.

— Умываемся и спать, — скомандовал Лёшка. — Утром вскроем сундук.

Пашка спорить не стал, хотя любопытство и съедало.

Стоило пацанам помчаться вверх по улице, как из старого и тёмного дома вышел старик. С первого взгляда можно было понять, что когда-то он был высок и статен, но годы взяли своё. Опираясь на трость, он остановился на скрипучем крыльце. С довольной улыбкой устремил свой взор на забор.

Следом за стариком вышел другой мужчина, лет на тридцать моложе первого. При ходьбе он хромал. Выглядел хоть представительно, но недовольно. Кажется, его брови, что уже давно встретились на переносице, больше никогда не расставались.

Он остановился плечом к плечу со своим улыбчивым родственником. Две противоположности, что внешне, что и по характеру.

— И зачем ты это всё затеял? — угрюмо поинтересовался тот, что помоложе.

Старик беспечно пожал плечами.

— Мальчишки хорошие. Мать у них прекрасная женщина. Правда, гордая слишком. Помощь от посторонних не принимает. Я долго думал, как им помочь. Вот придумал. Надеюсь, их мать не поймёт, а они лишнего ей не сболтнут.

Молодой укоризненно покачал головой.

— Решил на старости лет благотворительностью заняться? — недобро хмыкнул он.

— Чтобы ты понимал. Сухарь! Лучше бы присмотрелся к их матери. Красавица, какую ещё поискать! — ворчливо проговорил старик.

Молодой бросил на него недовольный взгляд. Промолчал. Развернувшись, похромал обратно в дом.

Старик проводил его хмурым взором, сокрушительно покачал головой. Ему было жаль, что единственный племянник стал таким нелюдимым. Отшельником. А ведь раньше был добродушным и улыбчивым малым. Имел свой бизнес, дом, друзей и стадо поклонниц,

жаждущих его внимания. Теперь же у него остался только он, дряхлый старик, счёт в банке, партнёр по бизнесу, да этот дом, на покупку которого постоял именно он, старик. Племянник хотел на Север уехать. Нет, убежать от прошлого и себя. Старик не позволил. Просто испугался, что до самой своей смерти больше не увидит его. Племянник не стал спорить. Всё же они были больше, чем просто дядька и племянник. Они были как отец и сын. И так почти всю жизнь. Вернее, всю взрослую жизнь племянника...

У старика осталась только надежда, что со временем сердце племянника оттаёт от той корки льда, что покрыла его, хотя веской причины на то не было. Просто враз изменился. Закрылся в себе...

Людмиле, как всегда, пришлось вставать с рассветом. Заглянув к мальчишкам, улыбнулась — сладко сопели её сыновья. Тихонько прикрыла дверь.

На ходу заплетая длинные и густые русые волосы в тугую косу, прошла в ванную. Оттуда — в кухню. Завтрак приготовила себе и пацанам, помыла посуду и ушла в огород, чтобы пока не жарко успеть прополоть кукурузу.

День начался, как и все прошедшие до этого дня. И это радовало. Мальчишки что-то шушукались между собой, спорили, но Людмила предпочла не влезать. Сами разберутся.

Лето уже всюю шло навстречу осени это пугало её. Минувшей зимой пацаны чаще обычного болели. Денег на лекарства было потрачено в разы больше, чем она рассчитывала. Накопить смогла мало, а впереди очередной учебной год. На какие средства всё нужное покупать? А ведь ещё уголь надо купить, заготовить консервацию на зиму. Всё надо. Порой руки опускаются. Выть по ночам хочется в подушку. Да только слабости такой она позволить себе не может. Справится. Ей нельзя сдаваться. Ни в коем случае нельзя опускать руки. Ради своих сыновей она обязана быть сильной...

Соседи на днях говорили, что новые жители появились у них в селе. Людмиле не особо интересно было это знать. Вообще сплетен не любила. Но этой новости обрадовалась: авось новым односельчанам что-то нужно будет связать? Лишняя копейка её семье не помешает. Но это будет в лучшем случае под зиму, а пока надо придумать, где денег зарабатывать, чтобы всё нужное на холодное время года купить.

— Хозяюшка! — донёсся до неё мужской старческий голос.

Людмила выпрямилась, приложив руку к пояснице и скривившись от боли. Вытерла пот со лба, сдунула волосы, что полезли в глаза.

Возглас повторился. Неужели кто-то её зовёт?

Вытерев потные ладони об подол лёгкого сарафана, стянула платок с головы и побрела на передний двор. Выглянула. Действительно, по ту сторону калитки стоял улыбчивый старик. Седой весь, даже кустистые брови пепельного цвета, а глаза — тёмные, цепкие.

— Доброго здравия, красавица, — поздоровался с нею старик.

Людмила в удивлении приподняла брови. Привидение Бухенвальда и то краше неё. Замученная, потная, взлохмаченная — ведьма огородная, а не красавица. У старика явно проблемы со зрением. Или льстец ещё тот.

— И вам не хворать, — осторожно поздоровалась она в ответ, предполагая, что к ней пришёл новый односельчанин. Вот только зачем?

Подошла к калитке. Дед следил за её приближением с нескрываемым интересом. И во взгляде его тёмных глаз Людмиле почудилось, что ему нравится то, что он видит.

Станный старик.

Он причмокнул. Кивнул своим мыслям. Глянул на неё лукаво, но добродушно.

— Чего угодно? — поинтересовалась она по-деловому, не имея никакого желания вести долгие и ненужные светские беседы. Не для сельской жизни они.

— Позвольте представиться. Леонид Захарович. Недавно приехал в ваше село, в крайний дом на этой улице, — отвесив ей галантный поклон, заговорил старик.

— Людмила, — кратко представилась она. Насторожилась она почему-то. Да и не любила повышенного внимания к своей персоне.

— Да-да, знаю, знаю уже. Мне сказали, что вы мастерица на все руки. Не сможешь ли старику? — ещё больше расплываясь в дружелюбной улыбке, начал он свою подготовленную речь.

Идея с кладом была, конечно, хорошей. Да только не утерпел он — пришёл лично знакомиться с этой прекрасной женщиной. Она ему сразу понравилась. С первого взгляда, когда он случайно увидел её возле магазина. Шла она и улыбалась так тепло, будто весеннее солнышко одаривало всех вокруг своими первыми ласковыми лучами. Он не растерялся, начал расспрашивать у местных старушек о ней. Те всё и поведали...

— Чем могу, обязательно помогу, — кивнув, согласилась Людмила.

— Ой, как прелестно! Видите ли, красавица, мне бы к осени связать свитер. Тёплый, да чтобы стильный был. А ещё, если, конечно, можно, и кардиган на пуговицах и с карманами, — воодушевлённо зашебетал он.

Людмила в первые мгновения даже не поверила своим ушам. Вот так удача! Буквально совсем недавно она думала об этом, мечтала, и всё так быстро сбылось. Со всеми бы мечтами так.

— Конечно, можно, — обрадовано отозвалась она, открывая калитку. — Проходите. Сейчас мерки снимем и модели обговорим.

— Нет, — в отрицательном жесте замахал одной рукой старик. — Это не мне. Племяннику хочу на день рождения подарок сделать, — мягко пояснил он.

— Мерки его знаете? Предпочтения? Ой, что же я вас держу на улице?! Проходите. Киселём угощу, да поговорим, — встрепенулась Людмила.

— Спасибо, красавица, за приглашение, да только отказаться должен. Ушёл из дома, не предупредив. Волноваться обо мне, старике, начнёт мой племянник. Вы лучше сами приходите сегодня к нам после обеда. Мы точно будем дома. Там и мерки нужные снимите, и посмотрите на него, авось, придумаете, что ему подойдёт, — внёс встречное предложение Леонид Захарович.

Людмила в изумлении пару раз хлопнула ресницами. Оглянулась на дом.

— Мы отнимем у вас всего несколько минут, — пылко заверил старик. — И мальчиков своих можете взять. Увидят, что все слухи о нашем доме — нелепица. А то слышали мы, что о нём говорят, — изобразив горестный вздох, добавил он, не забыв соорудить и скорбное выражение лица.

— Ладно, — сдалась Людмила, отвечая улыбкой на его актёрскую игру.

— Вот и замечательно, — просиял старик.

Он ушёл, тяжело опираясь на трость. Людмила с сочувствием проводила его фигуру взглядом. Ей всегда было жаль стариков. Особенно тех, о ком никто не заботился. Была б у неё возможность, забрала бы всех к себе...

Дальше день пошёл своим чередом. Правда, поведение сыновей всё же настораживало. Однако пока лезть к ним с расспросами она не спешила.

В обед решила поговорить с ними о визите к новым жителям села. Рассказала всё как есть. Сыновья странно переглянулись и синхронно отказались, сославшись на дела по дому, да и вообще. Людмила настаивать не стала. Сказав сыновьям помыть посуду, пошла переодеваться. Хватит и так уже показала себя замухрышкой.

Надела лёгкий сарафан длиною по щиколотки, переплела косу. Взяла с собой всё необходимое и, уже привычно повязав платок на голову, попрощалась с мальчишками.

Шла по улице, здороваясь со встречными соседями и всеми прочими. В уме уже

перебирала варианты свитеров и кардиганов. Ей хотелось бы связать что-то красивое и стильное. Не детское, не женское, не для стариков, а именно хорошую вещь для взрослого мужчины. И желательно для стройного, а не для владельца пивного живота или беременного бегемота.

В общем, в мечтах она улетела как всегда далеко, поэтому в нужный двор она заходила с мечтательной улыбкой на лице и с ярким блеском в светлых глазах. Строители, что сегодня с утра приехали делать капитальный ремонт, провожали её кто удивлённым, кто восторженным взорами, улыбками и задорными приветствиями. Она же в ответ сдержанно кивала.

Прошла к крыльцу, осторожно поднялась по ступенькам. Остановилась. Перевела дыхание и постучала. По ту сторону двери тут же послышался стук трости об деревянный пол. Через пару мгновений ей открыл улыбчивый старик.

— Людочка, — промурлыкал он по-отечески ласково, раскрывая двери шире. — Проходите, я вас уже заждался.

Людмила смутилась, хотя и постаралась скрыть это. Кивнула. Неуверенно перешагнула порог. С интересом осмотрелась.

В этом доме она была только однажды — в далёком детстве. И была вместе со своей бабушкой, которая дружила с бабой Мотей, что жила здесь. Потом, после смерти бабушки, она редко встречалась с нелюдистой старушкой. К тому же, поверила рассказам других людей, что здесь живёт ведьма. Уж очень отталкивающей была внешность у бабы Моти. Вернее, у Матильды Львовны. Только когда Людмила выросла, то вспомнила рассказы своей бабушки о то, что её подруга в молодости была знаменитой балериной. Что стало с ней дальше — увы, воспоминаний не осталось.

Людмила несколько раз ходила к старушке, чтобы предложить свою помощь, но та отмахивалась от неё. Затаила обиду — это понять было легко. Стало совестно. Она даже извинилась перед бабой Мотей, но тщетно. Гордая старушка предпочла доживать свой век в полном одиночестве, если не считать её старую дворовую собаку по кличке Гера...

Дом изнутри оказался ещё в худшем состоянии, чем снаружи. Неприятно пахло сыростью и ветошью. Все ставни были раскрытыми, с пола убрали ковровые дорожки. Оставили только дубовый стол посреди зала.

— Хотите холодного чаю? — учтиво предложил Леонид Захарович, движением руки указывая на графин со стаканами, что стояли посреди стола.

— Нет, спасибо. Мне бы побыстрее закончить, чтобы вернуться домой, — пояснила она свой отказ.

— Понимаю, красавица, — улыбнулся старик. — Племянник в саду работает, идемте туда.

Людмила кивнула и последовала за ним, стараясь идти в шаге от него. При этом не забывала рассматривать двор, что уже успели очистить от сорняка, да и сад уже избавили от прошлогодней травы. Теперь то тут, то там лежали небольшие кучи бурьянов. Искомый объект нашёлся на хорошо вычищенном месте за домом. Мужчина, одетый в майку-алкоголичку и спортивные штаны на резинке, что грозились сползти с его тощей задницы на бёдра, стоял к ним спиной. Бедром он опирался на металлический стол, гремел чем-то, но молчал, что удивительно. По своему опыту Людмила знала, что мужчины не умеют работать молча. Они ворчат, бурчат или громко матерятся, жалеют себя или проклинаят всё на свете.

— Игнат, отвлекись на минутку, — обратился к нему Леонид Захарович.

Мужчина замер. Осторожно что-то положил на стол и медленно развернулся. На вид он оказался чуть старше самой Людмилы. Высокий, худощавый и хмурый, как суровый зимний вечер. Сведённые на переносице брови не встали на своё место, даже когда он остановил свой сумрачный взгляд на Людмиле.

У неё не появилось желания приветливо улыбнуться ему, но пришлось. Клиент всё-таки. — Здравствуйте, — поздоровалась она первой.

Игнат промолчал. Лишь на старика совсем не по-доброму посмотрел.

— Я говорил тебе о Людмиле, — напомнил Леонид Захарович своему неприветливому родственнику.

— А я сказал, что мне ничего не надо, — удивительно мягким и глубоким голосом отозвался тот.

— Не упрямясь. Порадуй старика, — по-отечески ласково попросил первый.

Игнат вздохнул, принимая своё поражение. Переступил с ноги на ногу, вставая спиной к столу и опираясь на него. Расставил руки в сторону.

— Меряйте, или что вам там надо делать, — апатично скомандовал он, смотря куда-то мимо Людмилы.

Она досадно поджала губы. Если бы не возможность заработать, она бы ушла. Не любила грубиянов и эгоистов. А этот Игнат производил именно такое впечатление.

Достав из вязанной сумки мерник, ручку и небольшой блокнот, уверенно подошла к мужчине, что решил претвориться статуей. Остановившись в шаге от него, задрала голову вверх. Шпала, а не мужчина.

Вздохнув, принялась за дело.

Старик ушёл, сказав, что подождёт её в доме. Рабочих здесь, за домом, не было — словно избегали племянника старика. Так что они остались одни. И вроде бы можно испытать неловкость, но Людмила оставалась спокойной. Как мужчина он её не привлёк. Хотя после неудачного замужества ей вообще никто ни разу не приглянулся. Людмиле хватало сыновей — самых лучших и любимых. Но, что она успела заметить неожиданно для себя, ей понравилось, как пахнет от этого сумрачного мужчины: деревом и мужской туалетной водой. И, конечно же, потом, но как-то не резко, а едва уловимо.

И ещё грело душу то, что Игнат подошёл (почти) под параметры её мечтаний. Вещи должны получиться красивыми.

— У вас есть какие-то пожелания? — задала она стандартный вопрос, тем самым разрушая их безмолвие.

Игнат смерил её сумрачным взглядом с высоты своего совсем не маленького роста.

— Что дед скажет, то и делайте, — явно нехотя отмахнулся он от неё недружелюбным тоном.

— Как скажите, — улыбнулась Людмила в ответ. Он напомнил ей обиженного ребёнка. — Повернитесь ко мне спиной.

Увлечённая записыванием параметров в блокнот, она не заметила, как новый односельчанин скривился при исполнении её приказа. А потом ей пришлось вставать на носочки, чтобы дотянуться до разворота его плеч. Просить его присесть не хотелось. И так чувствовалась себя мартышкой рядом с жирафом. Не хватало, чтобы он начал насмехаться над нею из-за их разницы в росте. Хотя, взрослые ведь все уже. Такие подшучивания остались позади, в школьной поре. Но Людмила до сих пор помнила о них и остро реагирование на любое замечание насчёт своего маленького роста.

— Я всё, — через пару минут заявила она с внутренним облегчением. Стала быстро складывать свои вещи в сумку и, не прощаясь, направилась к углу дома.

— Я провожу, — буркнул Игнат, заставив её вздрогнуть и обернуться.

Он подходил к ней сильно хромая и кривясь при каждом шаге. Это было настолько неожиданным, что Людмила не сразу смогла отвести глаза. Нет, краем сознания она отметила про себя, что он всё время опирался на стол, будто магнитом его к нему тянуло. Но и предположить не могла, что виной тому не природная лень, присущая практически всем мужикам в селе, а больная нога.

Игнат не обратил на неё внимания. Поравнявшись с ней, пошёл рядом. Довёл до дома, тяжело поднялся по ступенькам и открыл перед ней дверь, при этом грозно зыркнув на любопытных рабочих.

Людмила спрятала улыбку в уголках рта. Угрюмый тощий медведь, а не мужчина. Хотя, на медведя он и не похож. Даже не лохматый. Стрижка короткая, щетины на лице нет, грудь тоже без волос. Даже подмышками всё гладко. Что диво дивное в их краях. И да, она успела про себя отметить всё!

Мужики в селе не видят необходимости избавляться от волосяного покрова на лице и в других местах. Не современный народ. Прошлый век. Нет, позапрошлый. Её покойный муж тоже был похож больше на лешего, чем на современного мужчину. А ведь в юные годы щеголял стилигой и красавцем. В него была влюблена добрая половина девчонок в селе. Людмила и сама влюбилась в Геннадия с первого взгляда. Уж лучше бы и не глядела она в его сторону...

Леонид Захарович встретил их лучезарной улыбкой. Пригласил к столу, на котором красовался пирог и банка с молоком.

Людмила отрицательно мотнула головой.

— Мне пора домой, — напомнила она, улыбнувшись.

Старик разочарованно вздохнул. Она же попрощалась и буквально сбежала. В маленьком и тёмном помещении ей было некомфортно находиться с сумрачным Игнатом. Он давил на неё не только своим тяжёлым взглядом, но и высоким ростом. Словно непреодолимая скала стоял на её пути, грозя раздавить в любой момент неожиданным камнепадом или другим природным бедствием.

Уже сбегая по ступенькам, она услышала его мягкий голос:

— Дед, я ж просил тебя обойтись без смотрин. — Эта фраза заставила её замереть на месте. Украдкой обернулась. Увидела, что дверь не закрыла плотно. Навострила ухо.

— Я и не занимаюсь этим, — обиделся в ответ Леонид Захарович. — Я тебе говорил с Людмиле и вчера, и сегодня, — напомнил с упрёком.

— Я помню наш вчерашний разговор, да и сегодняшней тоже. И я травмировал ногу, а не мозг. Прекращай свои игры, иначе уеду на север, как и планировал.

— Дурак ты, Игнаша, — сокрушенно буркнул старик.

В ответ была тишина. Вздохнув, Людмила поспешила продолжить своей побег, чтобы не быть пойманной с поличным.

Братья сидели перед открытым сундучком. В нём оказался старый мешочек, наполненный мелочью. Копеек оказалось больше ста штук: после сотни им считать просто надоело. Не велико богатство, если не брать в расчёт маленький нюанс: в обычном целлофановом пакете было замотанно двадцать пять тысяч бумажными купюрами.

Пацаны сидели перед своим богатством и не знали, что им теперь делать. Такие деньги нельзя отдавать маме: допытываться начнёт, где они взяли их.

— И что будем делать? — растерянно спросил Пашка, неотрывно глядя на пакет с деньгами.

Лёшка сидел хмурый. Отбив ритм пальцами по коленке, он выдохнул:

— Как пойдём на речку, возьмём с собой эти деньги. Может, не все. Замотаем в этот целлофан или во что-то ещё. Скажем, что нашли у дороги или в камышах.

На следующий день Людмила пожалела, что так поспешно сбежала из дома бабы Моти. Надо было согласиться на приглашение Леонида Захаровича и поговорить с ним о заказе. Но тогда, оказавшись в четырёх стенах с сумрачным Игнатом, она почувствовала себя настолько неуютно, что позабыла обо всём на свете. Осталось только одно желание: избавиться от его гнетущего давления. Теперь же придётся опять идти к ним, ведь она так загорелась этим заказом, что большую часть ночи обдумывала модели. Свитер представлялся насыщенного серого цвета — под глаза Игната. Кардиган она ещё не придумала, каким цветом. Но то, что его надо вязать удлиненным — не сомневалась. И чтобы пояс обязательно был. Правда, в своих фантазиях она не видела, чтобы Игнат им пользовался. Он, пояс то есть, всё время был завязан за спиной, чтобы не мешал.

Сделав всё нужное с утра по дому, она отправила сыновей на рыбалку, а сама поспешила в магазин, чтобы купить нужные продукты. Пришлось постоять в очереди. Народ, естественно, обсуждал новых жителей. Людмила не собиралась прислушиваться, но всё же наострила ухо, когда прозвучало имя Игната.

Местные кумушки нелестно отзывались о нём. Высмеяли и худобу, и хромоту, и то, что денег у него хватило только на ветхую развалюху, которая грозилась развалиться в любой момент. Не оставили без внимания и то, что вчера вечером старый забор заменили на новый — тоже дешёвый: из простого профлиста. Жаль, что высокой получилась преграда: не подсмотреть, что делается во дворе. От соседей они тоже отгородились всё тем же профлистом. Ещё и цвет выбрали унылый — тёмно-коричневый. В общем, после бурных обсуждений вынесли вердикт: что молодой, что старый — калеки никому не нужны.

Людмилу настолько разозлила эта фраза, что она едва сдержала себя, чтобы не влезть в это змеиное кубло со своими пятью копейками. Вовремя успела прикусить язык. Перевела дыхание, сжала кулаки и стремительно вышла на улицу. Там секунду помешкав, пошагала вниз по улице. Теперь, когда она наслушалась бабских разговоров, у неё появился ещё один насущный вопрос. И она боялась забыть о нём, поэтому постоянно прокручивала его в уме.

Ей повезло, что калитка оказалась не запертой. Забор и вправду был новым. Людмила даже мельком успела позавидовать: о такой красоте ей только мечтать.

Рабочие ей улыбались как хорошей знакомой. Кто-то даже помахал рукой. Людмила всем скупно улыбнулась и по дорожке помчалась к дому. По пути опять-таки успела подумать, что, почему-то сельские кумушки ни слова не сказали о нанятых работниках. Возможно, калеки, как называли их односельчане, не такие уж и бедные...

Вбежав по трём ступенькам наверх, она резко открыла дверь и прошла в комнату. Затормозила у порога. Возле дубового стола спиной к ней стоял Игнат. На звук её шагов он не оглянулся, а спокойно продолжил надевать новую майку-алкоголичку. Так что Людмиле представилась возможность успеть рассмотреть его спину. Он оказался таким тощим, что четко выделялись почти все рёбра.

У Людмилы спёрло дыхание. Жалость. Нет, не жалость. Что-то другое почувствовала. А может, эмоций было так много, что и не разобрать их все. Но непонимание точно среди них было самым чётким. Почему он такой тощий?

Игнат обернулся через плечо только когда заправил майку в спортивные штаны. Увидев её, вопросительно приподнял бровь и стал медленно разворачиваться.

— Вы всегда были таким худым? — выпалила она на одном дыхании.

Игнат полностью повернулся. Перевесил вес на здоровую ногу и скрестил руки на груди.

— С чего вдруг такой вопрос? — ровным тоном поинтересовался он.

— Чтобы понять: вам вещи вязать по фигуре или на размер больше? Я же не знаю, может, вы переболели и поэтому похудели, — уже более спокойно пояснила она.

— Всегда был таким, — незамедлительно ответил он.

Людмила и хотела бы скрыть своего изумления, да не смогла. Её взгляд тут же опять прошёлся по всей его фигуре. Выделяя длинные ноги и худощавые руки, на которых мышцы перевиты, как канаты.

Игнат ответил безразличием на её интерес, будто и не заметил его.

Сморгнув, она быстро оглянулась по сторонам.

— А где Леонид Захарович? — спросила как-то растерянно.

— Ушёл куда-то. Можете подождать его здесь, если хотите, — сказал и хромой походкой направился к выходу.

— А вы куда?

— Работать.

— Нет. Я не могу ждать. Работы дома тоже хватает, — идя за ним по пятам, возразила Людмила. — Лучше вы ответите мне на несколько вопросов, и я побегу.

Он резко остановился, как раз только спустившись по ступенькам. И если бы Людмила вовремя не сгруппировалась, то обязательно врезалась бы в его спину.

— Что ещё за вопросы? — недружелюбно переспросил он, оглянувшись через плечо.

— О заказе, — как маленькому объяснила она.

С неподдельным интересом наблюдала, как его плечи поднялись и опустились — вздохнул. По наморщенному носу поняла, что он скривился. Почему-то он упорно не хотел с нею общаться. Может, тоже чувствует себя некомфортно в её присутствии? Или причина в чём-то другом?

— Задавайте свои вопросы, — явно нехотя выдал из себя он, словно сделал ей великое одолжение, продолжив свой путь.

Людмила поспешила за ним, предпочитая в этот раз оставить его грубость без внимания.

Игнат остановился у своего рабочего стола. Разложил инструменты, собрался приняться за работу. Кажется, за те минуты, что они шли за угол дома, он успел позабыть о её присутствии. Да только Людмила напомнила о себе наглым образом. Она остановилась слишком близко к нему, хотя почему-то поджилки и тряслись: чувство дискомфорта так и не покинуло её.

— Модель. Цвет. Нитки. Меня это интересует, — заговорила она, стараясь подавить неприятное ей чувство.

— Что? — не понял Игнат.

— Какие вы предпочитаете модели? Какого цвета хотите вещи? Какого качества покупать нитки? Плотностью, опять же, — начала более детально разъяснять она.

— Мне всё равно, — отмахнулся он. Потянулся за инструментом, для этого ему пришлось наклониться к ней.

Она едва заметно вздрогнула и отступила на шаг в сторону.

— А если вам не понравится то, что я свяжу? — продолжила она настаивать на своём.

Игнат неопределённо пожал плечами.

— Даренному коню в зубы не смотрят, — пояснил он свой жест.

Людмила угрюмо поджала губы. Посмотрела на него исподлобья.

— Я отказываюсь от вашего заказа, — стараясь говорить ровно, выдавила она из себя.

— Почему? — спросил Игнат, посмотрев на неё с неподдельным интересом. Даже инструмент отложил на стол.

— Я хочу, чтобы мой труд ценили и носили вещи с удовольствием, а не забросили в дальний угол шкафа. — И это было правдой. Несмотря на то, что деньги ей бы не помешали, но гордость — сильнее.

— Буду носить, — твёрдо заявил Игнат. — Вяжите на свой вкус. Я не привередлив.

Людмила, успевшая уже воинственно накрутить себя, растерянно уставилась на непонятного ей сумрачного мужчину. Выходит, она рано начала мысленно прощаться с желанным заработком?

— А можно вас с собой взять на покупку ниток? — задала она совсем неожиданной даже для себя вопрос. Задала, и прикусила язык. Вспомнила всем известную поговорку. М-да, с народной мудростью не поспоришь. Но забирать свои слова обратно не стала.

— Зачем? — вновь не стал скрывать своего удивления Игнат.

— Использую вас как рабочую силу. Пряжи надо много. Я всё сама не унесу, — сказала полуправду Людмила.

Игнат ещё больше нахмурился, приклеив свой взор к столешнице.

— Или выделите мне кого-то из своих рабочих, — озвучила она другой вариант — не самый лучший для неё. Потому что поняла, что пойти в магазин хочет именно с Игнатом, чтобы пряжу подобрать подходящую. Да и попытаться всё же расспросить его о предпочтениях. А вообще с такими объёмами покупок ей всегда помогали сыновья.

— Когда? — на выдохе уточнил он. Сдался. Что было крайне удивительно. Она предполагала, что он пошлёт её в дальние дали, ан, нет.

— Завтра с утра? — помешкав с мгновение, предложила Людмила.

— Хорошо. Приходите около девяти, — буркнул Игнат.

Довольная ответом и вообще результатом своего прихода, Людмила улыбнулась и, попрощавшись, ушла.

Она шла по улице всё с той же искренней и довольной улыбкой на лице. Правда, триумф её мерк из-за назойливых мыслей о худобе Игната.

Её покойный муж тоже был таким худощавым. Но его худоба была вызвана алкоголизмом. Он много пил и почти никогда не закусывал. А ещё много курил. И причиной его смерти стала именно алкогольная зависимость: пьяным сел за руль трактора.

Почему же Игнат такой худой? На алкоголика не похож. На тяжелобольного — тоже. Она предполагала, что его худоба следствие аварии, в которую он, возможно, попал и повредил ногу. Но он сказал, что всегда был таким. Нет, это конечно может быть особенностью организма — есть и не толстеть, но обычно люди после тридцати-сорока лет постепенно начинают набирать вес. Игнату точно уже больше тридцати. А по хмурым бровям вообще можно смело утверждать, что ему все сорок...

Опять же возраст уже солидный, а ни жены, ни детей. И опять-таки возникает вопрос: семью в аварии потерял, поэтому такой угрюмый? Если так, то жаль его, хотя и не знает она какой он человек.

Ничего, скоро местные кумушки будут знать всю его подготную. До неё, Людмилы,

тоже дойдут эти слухи, так что о своём клиенте и его племяннике узнает всё и даже больше.

Братья сидели на своём привычном месте на берегу реки и дружно смотрели не на полавки, а на пакетик с деньгами, что лежал между ними. Нет, рыбу они не забывали ловить — всё же это их ужин. Но вопрос оставался нерешённым. Мальчишки пришли к выводу, что их мама может начать искать того, кто потерял такую большую сумму денег. Уж очень правильная она у них.

— Может, скажем, что нашли бутылку с деньгами? — неуверенно предложил Пашка.

Лёшка нахмурился ещё больше, обдумывая слова брата.

— Вот если бы найти кого-то кто написал бы нам записку к этим деньгам, — задумчиво обронил он, спустя несколько минут.

— Кого? — разочарованно выдохнул Пашка, зная, что местных о таком просить нельзя.

— Не знаю, — тоже раздосадовано отозвался старший. — Приезжего какого-нибудь, чтобы он в нашем селе проездом был.

— И где мы такого найдём? Чтобы и лишних вопросов не задавал, — совсем расстроено протянул младший.

— Давай подождём. Нам же не к спеху отдавать ей эти деньги. А там, глядишь, что-то придумаем, — рассудительно промолвил Лёшка после минутного безмолвия.

Утро для Людмилы началось привычно. Пока управилась со всеми делами, вспотела и покраснелась, что расстроило, стоило ей взглянуть на своё отражение в зеркале. М-да, краше только пугало в огороде. Времени на то, чтобы принять душ и прихорошиться у неё не осталось, потому что неуклонно приближалось десять часов.

Вздыхнув, она вытерла лицо, шею и руки влажным полотенцем. Переплела косу и переделалась в майку и длинную юбку. Когда потянулась за своей сумкой, подумала, что нужно взять на всякий случай деньги из записки. Вдруг Игнат не возьмёт с собой наличные, а она забудет напомнить?

Отдав своим мальчишкам распоряжение, сколько кто должен прочитать страниц, в выбранных ею книгах, напомнив, что будет спрашивать о прочитанном, вышла во двор. Только глубоко и с наслаждением вдохнула сладкий воздух, как тут же затаила дыхание. К её калитке неспешно подходил высокий мужчина, одетый в белую футболку и джинсы. На его лице красовались модные солнцезащитные очки, скрывающая глаза. Мужчина шёл, опираясь на трость. И именно благодаря этой детали Людмила поняла, что утренний визитёр — это Игнат.

Выдохнув и мягко улыбнувшись, она пошла к калитке. Людмила, пристально смотрящая на мужчину, видела, как он остановился и оперся на невысокие деревянные ворота. Снял очки и с интересом принялся рассматривать её дом и участок. На секунду она почувствовала стыд, но всего на короткую секунду, а потом гордо задрала подбородок и чинно пошла дальше. Она делает всё, чтобы поддерживать дом и участок в идеальном порядке. В этом ей активно и старательно помогают сыновья. А то, что дом старый и нуждается в капитальном ремонте, так у них половина села такие.

— Доброе утро, — первой поздоровалась она, ещё только делая последние шаги.

— Доброе, — мягким и тягучим эхом отозвался Игнат, скользя изучающим взором по ней. Увы, но по его глазам нельзя было прочитать, что он думает о ней и её жилище. В них отражался только интерес, когда он рассматривал участок. Но не более. Сейчас же они не выражали ровным счётом ничего.

— Мы же договорились, что это я за вами зайду, — напомнила она, выходя за калитку.

Игнат равнодушно пожал плечами.

— Дед объяснил мне, где вы живёте. Решил прогуляться и осмотреться, — пояснил он немного погодя.

Людмила понятливо кивнула.

— Нам туда, — указала она рукой нужное направление.

Игнат повернул в ту сторону голову, задумчиво изучая улицу, кивнул. Первым начал путь.

Шли медленно. Игнат с каким-то вялым интересом разглядывал дома и людей, что встречались им. Здоровался едва заметными лёгкими кивками. Нет, не было похоже, чтобы он превозносил себя над другими. Просто держался сдержанно с незнакомцами. Те в свою очередь, не таясь, глазели на нового односельчанина. Старики смотрели на него с сочувствием. Мужчины — насмешливо. Женщины — с пренебрежением, граничащим с презрением.

Людмила злилась на них всех. Они, не зная Игната, уже составили о нём мнение. Вот

такая она реалья жизни в селе. Ей же было комфортно идти рядом с ним, что оказалось удивительным.

Он шагал медленно не из-за своей хромоты, а потому что ему так хотелось. Смотрел на дома и людей, будто запоминая, делая себе какие-то мысленные заметки. И он не сторонился её, Людмилы. Между ними было мизерное расстояние. Будто они хорошие старые друзья, что вышли в магазин, а не люди, что познакомились только пару дней назад.

Странно, что в предыдущие их встречи она чувствовала себя неуютно в его обществе, мягко говоря.

— У вас красивое село, — неожиданно заговорил он, когда до магазина осталось метров триста.

Людмила машинально оглядела дворы и саму улицу. Да, село у них и вправду красивое и ухоженное.

— У нас, — с улыбкой поправила его. — Вы же теперь тоже здесь живёте.

— Действительно, — хмыкнул Игнат. — Пока не привык к этой мысли.

— Но уже начали обживаться, — решила она развить тему.

— Не в развалюхе же жить, — опять хмыкнул он. — Да и не будем мы сильно перестраивать дом. Только ремонт сделаем, да сад облагородим.

— Вы уверены, что такой маленький дом вам подходит? Там же не развернуться, — высказала свои сомнения Людмила.

— Комнат достаточно. Просто они маленькие. А нам с дедом места много и не надо. Не подерёмся. Не впервой нам жить вместе, — спокойно ответил Игнат.

Дальше расспрашивать она не решилась. Всё же они не друзья, чтобы она имела право допытываться о личном. Хотя и хотелось узнать всё первой и из первых уст. Ещё одна странность, ведь ещё вчера ей казалось, что она не любопытная особа.

У входа в магазин Игнат отстал на шаг, давая ей войти первой. Они прошли по узкому коридору в нужный отдел. Здесь, как всегда, покупателей не было. Только продавец за стойкой, да второй — из соседнего отдела. Пользуясь утром и отсутствием потенциальных покупателей, они собрались, чтобы выпить кофе и поболтать, то есть, посплетничать. Завидев вошедшую пару, они в изумлении переглянулись, позакрывав рты. Поздороваться, естественно, забыли.

Игнат мазнул по ним равнодушным взглядом и принялся осматриваться по сторонам. Найдя то, зачем они пришли, осторожно коснулся руки своей спутницы, безмолвно говоря ей, чтобы не отставала.

— Здравствуйте, девочки, — не смогла промолчать Людмила. Слова приветствия произнесла тихо и мягко.

Продавцы посмотрели на неё так, будто только заметили. Синхронно кивнули, выдавив из себя дружное «ага».

Игнат в явной растерянности оглядел стеллажи с пряжей. Он и не предполагал, что в сельском магазине может быть такой большой ассортимент.

— У нас в основном продаётся только турецкая пряжа. Она, конечно, уступает по качеству итальянской, но зато и дешевле, — как бы извиняясь, сказала Людмила, останавливаясь рядом с ним.

Он посмотрел на неё мельком. Нахмуренные брови были привычно соединены на переносице. Опять обвёл стеллажи уже медленным и рассеянным взором.

— Я не привередлив, — напомнил он. — Главное, чтобы я не был похож на пугало.

Людмила понимающе улыбнулась.

— Я вчера вечером подобрала несколько моделей. Произвела приблизительный расчёт, сколько мне понадобится пряжи. Конечно, лучше если бы вы посмотрели модели и сами выбрали, но вы предоставили это право мне. А я, если честно, пока не определилась, — призналась она.

— И сколько вы там выбрали моделей? — поинтересовался Игнат, посмотрев на неё как-то по-новому. То ли заинтересованно, то ли оценивающе.

— Четыре.

— Хм, — задумался он на пару мгновений. — И что вы выбрали?

— Кардиган, джемпер и пару свитеров, — перечислила Людмила.

Игнат дёрнул уголком рта.

— А все четыре связать можете? Или у вас много других заказов?

— Нет, — в полном неверии промолвила она.

Похоже, удача повернулась к ней лицом и улыбнулась. Или она рано радуется?

— Тогда возьмётесь? — спросил он, так и не отводя от неё пытливых глаз.

— Да. Но вы уверены, что вам они нужны? — всё же решила уточнить Людмила.

— Да. Зимних вещей у меня нет. Всё равно покупать.

Несмотря на то, что она удивилась этим словам, но виду не подала. Обрадовалась. Хотя и было интересно, почему он переехал сюда без тёплых вещей. Зимы у них холодные и снежные.

Она уже открыла рот, чтобы предложить связать ему ещё и шапку с шарфом, и перчатки или рукавицы, да так и закрыла. Не осмелилась наглеть. Быть может, потом, ближе к зиме предложит, если отношения у них не испортятся. По крайней мере, ей не хотелось бы терять такого не привередливого и выгодного клиента. Правда, в этих утверждениях надо ещё удостовериться.

Людмила улыбнулась ему. Улыбнулась искренне и принялась выбирать пряжу. Иногда спрашивала мнение Игната. Иногда рассуждала вслух.

В итоге пряжи купили только на один свитер. На всё остальное пришлось заказывать. Продавец пообещала, что как только привезут, она позвонит Людмиле.

Валентина, продавец, всё больше и больше заинтересованно поглядывала на Игната, а когда они озвучили свой заказ, так вообще расцвела в обольстительной улыбке. Поправила свою идеально пышную причёску, кокетливо захлопала ресницами. Даже попыталась оттянуть кофточку пониже, чтобы выгоднее подчеркнуть зону декольте. Обращалась исключительно к нему. Хотя он по большей части молчал.

Людмила наблюдала за этим с едва заметной иронической улыбкой. Все старания Валентины были нагло проигнорированы новым жителем их села. Он всего раз взглянул на неё, когда она подошла. Всё остальное время хмуро рассматривал полки магазина. Редко обращал внимание на Людмилу, когда она говорила что-то непосредственно ему. Под конец их пребывания в магазине он стал хмуриться ещё сильнее, а взгляд потяжелел. Людмила предположила, что у него разболелась нога, поэтому постаралась как можно быстрее справиться с заказом. Хотя Валентина усердно этому препятствовала: то предлагала в каталоге посмотреть другие варианты пряжи, то подсовывала другие каталоги, а то и вообще пыталась завести разговор на посторонние темы.

— Более надоедливого продавца надо ещё поискать, — в итоге не выдержал и недовольно прорычал Игнат, наградив Валентину презрительным взглядом. Потом

повернулся в своей спутнице: — Других магазинов в округе нет?

— Нет, — подтвердила она мягко, стараясь сгладить ситуацию.

— Жаль. В следующий раз деда отправлю с вами. Он любит мясами поточить вот с такими... дамами. — Последнее слово он выплюнул, как ругательство.

Валентина от возмущения надула щёки, выпучила глаза, но что-то едкое в ответ сказать не решилась. Всё же выручка от этого заказа обещала быть не просто хорошей, а замечательной! Проглотив своё негодование, она выдавила из себя приторную улыбку и уже молча дописала заказ. Потом вежливо попрощалась, правда, им в спины смотрела убийственно.

Игнат сам понёс сумку с покупкой. Хромал сильнее обычного. Шёл молча. Больше не смотрел по сторонам. Целенаправленно шагал к продовольственному магазину.

Людмила хоть и понимала, что ей не обязательно с ним идти, но продолжала следовать рядом.

— Что вы хотите купить? — всё же не смогла сдержать своего любопытства она у входа в магазин.

— Стандартный набор холостяков: пельмени, вареники и всё прочее, — пожал он плечами. — Сейчас нормально готовить времени нет, — зачем-то пояснил.

Людмила в нерешительности пожевала нижнюю губу. Стояла молча за спиной Игната, когда он перечислял продавцу список продуктов, которые собирался покупать. Получилось на значительную сумму и два огромных пакета. Она в изумлении смотрела на них, не представляя, как он собирается всё это нести до дома.

— Давайте я понесу пряжу, — чтобы слышал только он, предложила Людмила.

Игнат глянул на неё мельком и осуждающе. Поправил на плече лямку о сумки с пряжей, взял в обе руки по пакету и пошёл к выходу.

Пристыженная Людмила поспешила за ним, не забыв прихватить его трость.

Теперь он шёл ещё медленнее, сильно припадая на правую ногу. Людмила весь путь поражалась его упрямству, но не осмелилась ещё раз предложить свою помощь. Просто мысленно удивлялась его силе воли. Таких как он в их селе и не было, кажется. Вот что значит воспитание. И она хотела вырастить своих сыновей такими же мужчинами. Именно мужчинами, а не лентяями и мямлями.

Нет, в селе были нормальные мужики, но Людмила не имела с ними общих дел, поэтому удивляться или восхищаться ими не могла...

Мальчишки их выглядывали, вися на калитке и воротах. Завидев маму, оба засияли улыбками и помчались ей на встречу. Добежав, резко затормозили перед ними. Неуверенно посмотрели на незнакомого мужчину.

— Павлик, возьми у дяди сумку с пряжей. Алёша, а ты помоги с пакетами, — мягко скомандовала Людмила, улыбаясь сыновьям.

Мальчишки тут же принялись выполнять её распоряжения. Игнат не препятствовал и на этот раз не стал отказываться от помощи. Стоял и с интересом рассматривал обоих. И что удивительно: взгляд его потеплел, а уголки рта дёрнулись, словно он хотел улыбнуться.

Пашка, прилагая усилия, сразу же потащил сумку к их двору. Лёшка остался рядом с мамой.

Людмила замешкалась. Понимала, что возникшее желание глупое и, возможно, неуместное, но ей хотелось хотя бы его озвучить, а там, будь что будет. Просто Игнат сегодня предстал перед ней с новой стороны. И такой по прежнему хмурый, но учтивый он

понравился ей как человек больше, чем вчера и в первую встречу. Да и чисто по-человечески принято же приветствовать новых соседей. Пусть эти соседи и живут через пятнадцать домов от них.

Вздохнула. Мимолётно посмотрела на сына, что вопросительно смотрел на неё в ответ. Мол, чего ждём? Игнат тоже так смотрел на неё.

— Приглашаю вас с Леонидом Захаровичем на ужин, — выпалила она на одном дыхании, смущённо смотря в светлые глаза Игната.

Обычно хмурые брови метнулись вверх. Он явно не ожидал такой реплики.

— Зачем? — выдал он вполне уместный вопрос.

— По-соседски подружиться, — пожала Людмила плечами.

Игнат раздумывал минуту, прежде чем утвердительно кивнуть.

— Тогда к семи будем вас ждать, — радостно улыбнулась она.

— Хорошо, — отозвался Захаров и глянул на Лёшку. — Пошли, — сказал ему.

Лёшка коротко кивнул и первым начал путь. Игнат забрал свою трость, поблагодарил и последовал за своим помощником.

Лёшка недоумевал: зачем мама пригласила этого странного мужчину и какого-то Леонида Захаровича на ужин? Но заговорить с незнакомцем не решался. Нёс пакет и хмурился точно так же, как и его взрослый спутник.

Они уже давно шли нога в ногу. Лёшка время от времени бросал косые взгляды на хромого мужчину. Тот излучал спокойствие. И чем дальше они спускались вниз по улице, тем больше Лёшке было интересно, куда они направляются. Не за пределы села же, в конце концов.

В уютном молчании они дошли до крайнего дома. Лёшка успел даже в очередной раз поразиться, когда успели и, главное, кто, поменять забор и ворота у бабы Моти? И каково же было его изумление, когда хмурый незнакомец остановился напротив калитки в этот двор. Открыл калитку своим ключом и распахнул её, пропуская своего юного помощника вперёд.

Лёшка смотрел на проём округлыми глазами. Игнату даже показалось, что мальчишка сейчас бросит пакет и даст стрекоча. Однако Лёшка сглотнул и неуверенно пошагал вперёд, опасливо глаза по сторонам, но продолжал переставлять ногами.

Во дворе кипела жизнь, вернее, ремонтные работы шли полным ходом.

— Вы купили этот дом? — остановившись и оглянувшись на Игната, поражённо спросил он.

Тот утвердительно кивнул.

— Давно? — задал следующий вопрос Лёшка, будто через силу.

— Нет. Недавно. Буквально на днях, — озвучил полуправду Захаров.

— А так много успели сделать, — с завистью заметил Лёшка, смотря на забор и преобразившийся двор.

— Рабочих много, — пожал плечами Игнат.

— Значит, и денег у вас много? — бестактно переспросил Лёшка и только в конце вопроса прикусил язык. Покраснел.

— Хватает, — добродушно улыбнулся новый хозяин крайнего дома на их улице.

Лёшка вздохнул, ещё раз обвёл завистным взором участок и уже спокойно направился к дому, опустив голову вниз и глядя строго себе под ноги.

На крыльце сидел улыбчивый старик. Он игриво подмигнул Лёшке, когда тот подошёл к ступенькам.

— Выходит, я зря переживал за тебя, — прокряхтел старик, поднимаясь с кресла-качалки.

— Выходит, — подтвердил Игнат, ставя пакет на нижнюю ступеньку.

— А кто твой помощник? — поинтересовался дед, лукаво поглядывая на молчаливого мальчишку. Правда, после этой фразы он додумался тихо поздороваться.

— Старший сын Людмилы, — со вздохом ответил Игнат. Не пришлось ему по душе игра деда. — Алексей. Младшего зовут Павел. Это мой дядя — Леонид Захарович, — обратился он к своему помощнику, забирая пакет.

— Можешь звать меня просто дедом, — расплылся в самой добродушной улыбке Захаров-старший.

Лёшка растерянно моргнул раз, второй, а потом согласно кивнул.

— Спасибо за помощь, Алексей, — сказал ему Игнат.

— Пожалуйста, — робко отозвался тот и, махнув на прощание рукой, убежал.

— Дед, ты зачем пацана смущаешь? — недовольно проворчал Игнат, смотря мальчишке вслед.

— Не удержался, — беспечно отмахнулся Леонид Захарович. — Хороший пацанёнок. И как солнышко весь в веснушках.

Игнат кивнул, соглашаясь с ним, потом вспомнил:

— Их мать пригласила нас сегодня на ужин. В семь вечера.

— О! Нормально поедим! — обрадовался старик. — Зови Петьку, пусть пакетъ разберёт. Он же будет и куховарить сегодня для мужиков. А я пойду найду свой самый лучший парадно-выходной костюм.

— Не паясничай, дед, — осадил его Игнат.

— Да я просто рад, что ты вёл себя как воспитанный человек, а не как неандерталец.

Игнат промолчал, только укоризненно покачал головой. Деда уже не исправить. Это он изменился. Знает, что не в лучшую сторону, но ему так комфортнее.

Лёшка брёл домой задумчивый. Его удивляло, что так много совпадений произошло с этим домом. И ещё он очень переживал, что их с братом кто-то всё же мог видеть той ночью в саду бабы Моти. Главное, чтобы не Игнат со своим дедом...

Людмила нервничала. Она давно не принимала гостей, если не считать, конечно, подругу с её семьёй. Но Инга была ей как сестра, поэтому перед её приходом, никогда не нервничала. Теперь же места себе не находила. Да и немного стыдно было уже сейчас за их небогатый стол. Хотя сегодня она особенно расстаралась. Сварила молодой картофель, заправив его зеленью и сметаной, пожарила кабачки, нарезала салат из свежих овощей и пожарила рыбу. К десерту приготовила блины с творогом. Их осталось только потухнуть-чуть потушить в сметане с сахаром.

Мальчишки частенько забегали в кухню, голодно сглатывали слюну, но не попрошайничали. Они тоже зарядились атмосферой маленького семейного праздника. И обоим даже стало интересно поближе познакомиться с людьми, которые не побоялись купить ведьмин дом. Старший уже успел в подробностях рассказать младшему о своих впечатлениях об Игнате и старике. Игнат больше его заинтересовал, чем добродушный дед. Какая-то загадка таилась в его хмуром образе. Да и интересно было почему он хромает. Старик-то понятно почему ходит с тростью — возраст. А вот об Игнате им только предстояло всё узнать.

Людмила, накрыв на стол в саду и наказав сыновьям гонять от него мух и соседских котов, ушла обратно в кухню. Заглянула в холодильник и пригорюнилась. Мужчин принято кормить мясом, а этот продукт был редким гостем на их столе.

Взяв графин с компотом, она нацепила на лицо мягкую улыбку и вышла во двор. Как раз в этот момент к калитке прихромали их гости. Улыбку Леонида Захаровича было отчётливо видно даже с такого приличного расстояния, точно также как и хмуро сведённые брови его племянника.

Людмила подозвала к себе Лёшку и, отдав ему графин, поспешила к гостям.

— Доброго здравица, красавица! — соловьём пропел Леонид Захарович.

— И вам не хворать, — отозвалась Людмила. С Игнатом она обменялась лишь короткими кивками. И он тут же протянул ей увесистый пакет. Она машинально приняла его. — Что это? — поинтересовалась, заглядывая внутрь.

— Негоже в гости приходить с пустыми руками, — назидательно заметил Леонид Захарович, не забыв поднять указательный палец вверх.

— Не стоило, — глухо обронила Людмила, густо покраснев. В пакете оказалось много чего. — Проходите, мы накрыли в саду, — принялась говорить она, чтобы скрыть своё смущение. — Я тогда быстро выложу на блюда ваши угощения, а мои мальчишки пока вас развлекут.

— Я вам помогу, — высказал своё несогласие Игнат.

— А я с удовольствием пообщаюсь с вашими сыновьями, — предвкушающе потеряв ладони, сказал Леонид Захарович. — Вы идите, я сам найду дорогу. Заодно осмотрюсь. Вы же не против, Людмила? — льстиво обратился он к хозяйке.

— Нет. Чувствуйте себя, как дома, — улыбнулась она в ответ.

— Но не забывай, что ты в гостях, дед, — строго напомнил Игнат.

Старик только отмахнулся от него. Игнат в очередной раз за сегодняшний день укоризненно покачал головой и, обратно забрав у Людмилы пакет, последовал за нею.

Ей не понравилось то, как он внимательно рассматривал коридор и кухню.

Оценивающе. Изучающе. Но других эмоций в его глазах она не заметила. И это немного успокаивало. Даже если ему совсем не понравилось увиденное, он смог скрыть своего разочарования или чего похуже.

Игнат поставил пакет на стол и неспешно стал доставать из него принесённые продукты: несколько видов колбасы, балык, грудинка, банка шпротов, гусиный паштет и маленькая баночка красной икры. Потом на столе появился упаковка сыра «Филадельфия» и бутылки шампанского — детского и взрослого. Марку игристого вина она не узнала. У них такого в магазине нет. Значит, привезли с собой из города, собственно, как и всё остальное, кроме детского шампанского.

— Зачем столько всего? — потерянно спросила она, застыв посреди кухни с ножом и дощечкой в руках.

— Дед не знает границ, — беспечно пожав плечами, ответил Игнат. — Тем более он надеется вас задобрить, чтобы почаще вы звали его в гости.

Людмила про себя хмыкнула. Значит, сам Игнат не разделяет желание своего родственника.

— Если позволите, то я займусь нарезкой, а вы пока доставайте тарелки. Всё на стол не будет ставить, согласны? — спокойно предложил он.

— Нет, конечно, — эхом отозвалась она.

Вместе они быстро справились. Игнат комфортно чувствовал себя на чужой кухне. Вёл себя так, будто часто хозяйничал здесь. Но действовал молча. Лишь пару раз взглядом обратился к Людмиле. Она прекрасно понимала его безмолвное обращение. И даже не забывала улыбаться едва заметно, когда он обращал своё мимолётное внимание на неё.

Оставшиеся продукты сам убрал в холодильник, помыл нож и доску для разделки. Открыл шампанское.

Людмила достала фужеры (единственный набор, что уцелел после буйства покойного мужа, потому что она прятала их на чердаке), что достались ей от бабушки. Всё отнесли в сад, где мальчишки сидели с открытыми ртами, слушая увлекательные рассказы Леонида Захаровича о его приключениях в молодые годы.

Пашка, краем глаза завидев идущих, тут же переключил своё внимание на блюдо с мясной нарезкой. Лёшка нахмурил брови, впорив убийственный взор на бутылки шампанского.

Игнат, сразу же замеривший реакцию старшего, правильно всё понял. Поставив бутылки на стол, сказал, обращаясь исключительно к Лёшке:

— Одна нам, вторая — ваша. В вашей алкоголя нет, а в нашей совсем малость. Можешь сам попробовать.

Лёшка ещё больше нахмурился. Сперва посмотрел на родительницу, а потом и на замолчавшего Леонида Захаровича. Отрицательно мотнул головой.

— Я верю, — сдавленно выдавил он из себя.

— Отлично. Тогда принимаемся за еду! А то я скоро подавлюсь слюной, — воодушевлённо воскликнул самый старший в их компании.

Мальчишки поначалу стеснялись брать мясную нарезку, хотя постоянно бросали на неё голодные взгляды. Людмила тоже чувствовала себя скованно, хотя уже и пригубила шампанского. Дед ел с аппетитом, чуть ли не урча от удовольствия. Игнат отдал своё предпочтение картофелю и жареной рыбе. Время от времени тянулся к кабачкам. В сторону принесённых ими продуктов не смотрел. Игристое вино в его бокале осталось нетронутым.

Вместо него он с удовольствием пил малиновый компот.

В какой-то момент он отвлекся от своей тарелки. Вытер руки салфеткой и, дотянувшись до блюда с нарезкой, поставил его между тарелками мальчишек.

— Чтобы к концу трапезы на блюде не осталось ни кусочка. Иначе десерт съем сам, — пригрозил он.

Пацаны переглянулись и синхронно потянулись за первыми колбасными кусочками, а потом, когда заметили, что за ними никто не наблюдает, с энтузиазмом принялись есть.

Леонид Захарович умилительно улыбнулся в свой бокал. После, словно опомнившись, и дальше продолжил свой рассказ.

Игнат вновь сконцентрировался только на своей тарелке, то есть на рыбе, что лежала на ней. Уж очень вкусная она была — в меру солёной и пожаренной до хруста. Особенно мелкая. Такую рыбку он ел даже с хорошо прожаренными косточками, только головы откладывал в сторону. Он всегда равнодушно относился к морепродуктам. Речную рыбу вообще не любил. Не увлекался и рыбалкой. А тут увидев, аппетитно сложенные рыбёшки на огромном блюде, рука сама потянулась за первой. А потом он и не считал, сколько съел их. Только радовался, что кроме него на рыбу никто и не смотрит. Разве что дед несколько шпук съел.

Людмила сидела, крепко сжимая бокал в руке. Несмотря на то, что слабоалкогольный напиток был вкусным, пить не хотелось. Кусок в горло тоже не лез. Она не находила слов, чтобы описать, что творилось в её душе. Была и безмерная благодарность к гостям за то, что они побаловали её мальчишек, и стыд за то, что они так бедно живут, что угощать может простой рыбой и картофелем с овощами. И в тоже время умилялась тому, с каким аппетитом взрослые мужчины ели её простую еду.

И ещё она мысленно пообещала себе, что с денег, которые получит за этот заказ, обязательно побалуует своих мальчишек мясом. И не просто чтобы оно чувствовалось в основном блюде, нет. Они нажарят шашлыков! Пригласят Ингу с её детьми и устроят настоящий праздник, который летом они крайне редко себе позволяют...

Этот ужин смело можно было назвать дружеским. Дети расслабились. Леонид Захарович вообще чувствовал себя как в своей стихии. Игнат предпочитал не обращать на себя внимания. Сам же отмечал многое. Особенно один момент ему не понравился, поэтому, когда пацаны помогли отнести грязную посуду в кухню, а сами быстро вернулись к деду, он ушёл вслед за хозяйкой дома. Людмила как раз принялась за мытьё посуды, успокоенная Леонидом Захаровичем тем, что ему не будет скучно в обществе её сыновей.

На появление Игната она спокойно отреагировала. Как-то за это время уже привыкла, что он где-то рядом, но молчаливо. Как гора, что укрывает от ветров и дождей, и при этом, не давит, а успокаивает, обещает, что всё будет хорошо. Она мельком взглянула на него, улыбнулась и вновь сосредоточилась на деле, думая, что он просто за чем-то пришёл и сейчас оставит её наедине с горой грязной посуды. И каково же было удивление, когда он аккуратно отодвинул её от мойки, усадил на стул, пригвоздив к нему тяжёлым взглядом. Она спорить не стала, заинтригованная его поведением, просто решила посмотреть, что будет дальше. Игнат же достал из холодильника банку с гусиным папшкетом и несколько помидор. Отрезал пару кусков хлеба и, сделав бутерброд внушительного размера, вручил его ей.

Людмила собиралась отказаться, да передумала. Под его пристальным вниманием откусила от бутерброда, стала медленно жевать, не отводя своего открытого взгляда от гостя, показывая, что не привередничает.

Игнат кивнул. Налил ей стакан компота. Сел напротив неё и стал лениво изучать интерьер кухни. Особое внимание уделил подоконнику, уставленному комнатными цветами.

— Именно так я и представлял себе настоящий деревенский дом. У вас уютно, — наконец первым разрезал их молчание Игнат.

— Спасибо, — скупно поблагодарила Людмила, слабо веря в искренность его слов.

— Если я у ваших сыновей спрошу о рыбных местах, они поделятся информацией? — будто и не заметил её недоверчивой интонации, полюбопытствовал он.

— Конечно.

Игнат удовлетворительно кивнул.

— А с собой меня возьмут? — продолжил он допытываться.

— Не знаю, — честно ответила Людмила. — Наверное, возьмут, но они ходят днём или под вечер, — решила пояснить свою неуверенность.

— Ничего. Мне подходит. Я люблю с утра поспать, — хмуро отмахнулся Игнат.

Людмила улыбнулась. Типичный городской житель. И как он собирается здесь жить? Или этот дом у них что-то наподобие дачи будет? Спросить постеснялась.

Её мальчишки не отказали. Людмиле даже показалось, что они обрадовались его просьбе. Что странно. Обычно они с опаской относились к посторонним мужчинам. А тут и старика сразу приняли, хотя это и не удивительно. Леонид Захарович располагал к себе улыбками и болтовнёй. А вот, что они так легко приняли молчаливого и хмуро Игната — удивило. Он же всего парой фраз обменялся с ними за ужином, но цепко следил, чтобы мальчишки хорошо ели, ни на кого не обращая внимания. И они покорно (ей даже показалось, что благодарно) слушались его, не стесняясь (почти) просить добавки. Может, это его хмурая уверенность и спокойствие так положительно подействовали на её сыновей? Всё же эти черты и её подкупали...

Они договорились уже завтра пойти вместе на рыбалку. И они обсуждали, в котором часу встретятся, Людмила вспомнила о заказе.

— Игнат, — встряла она в их разговор. Он тут же обратил свой взор на неё. — Может, вы всё же посмотрите на модели, что я выбрала для вас?

Он задумался ненадолго, буравя её своим тяжёлым взглядом, и только потом отрицательно покачал головой.

— Это же подарок. Вот пусть и остаётся им, — пояснил он свой ответ.

Двое хромых мужчин медленно шли вниз по улице, игнорируя любопытные взгляды встречных людей. Старший поглядывал на своего высокого родственника с хитринкой, явно едва сдерживаясь от колких замечаний.

Однако все его усилия были тщетными. Всё равно не смог удержал язык за зубами:

— Согласись, что Людмила не только красавица, но и хозяйюшка замечательная. И мать прекрасная. Вон, какие у неё пацаны — загляденье!

Игнат только кротко кивнул, соглашаясь.

— А стряпня какая вкусная! За уши не оттянешь! — не унимался дед.

Его племянник вновь ответил лишь коротким кивком.

Леонид Захарович разочарованно вздохнул.

— Сухарём ты стал, Игнаша, — опечаленно констатировал он.

Игнат проигнорировал его замечание, вместо этого спросил:

— Что говорят в селе о Людмиле и её сыновьях?

— Разное, — пожал плечами дед, стараясь внешне не показывать, как обрадовался, что он проявил заинтересованность. — Однозначного мнения нет. Хотя больше положительных отзывов. Думаю, гадости говорят завистники.

«Было бы чему завидовать», — подумал Игнат, хмуро глядя строго перед собой.

На этом их диалог закончился, что огорчило старика. Он так и продолжал поглядывать на племянника в надежде, что тот дальше продолжит тему. В пустую. Игнат выглядел равнодушным, пусть и угрюмым. Короче говоря, семейство Броцманов его интересовало постольку поскольку, не более.

Спустя три дня Игнат медленно и как всегда хмуро брёл вверх по улице. Он мысленно уговаривал себя развернуться и пойти домой. Заняться ремонтом или чем-нибудь ещё. Дело всегда найдётся — было бы желание. Да вот желал он сегодня сбежать в тишину, то есть на рыбалку. Начало раздражать всё: шумные рабочие, непрекращающийся ремонт, ворчливый, но улыбчивый дед и работа, что ещё вчера доставляла удовольствие. Сегодня же проснулся в прескверном настроении. Порычал на рабочих, поогрызался с дедом и решил сбежать от греха подальше. Стыдно было за своё поведение. Как неуравновешенный подросток, ей-богу. Но нога ныла, а с нею и голова. Спрятавшись в саду, ему вспомнилось, как хорошо было на рыбалке с пацанами. Он даже скупой улыбнулся этому воспоминанию. Вот и шёл теперь в уже знакомый двор, к мальчишкам, с которыми было интересно общаться, что странно, ведь раньше он редко имел дело с детьми и подростками.

Односельчане уже привычно поглядывали на него. Кто с жалостью, кто насмешливо. Первое ему не нужно было. Второе — смешило. Он сам любого мог обсмеять. Да только предпочитал не опускаться до такого уровня. Не так его воспитывала мать.

А вот местные старики поглядывали на него заинтересованно. Особенно бабульки. Именно одна из них встала на его пути, когда до заветного двора оставалось всего ничего.

— Что это ты, милоч, зачастил к нашей Людмиле? — прищуриив свои карие глаза, вкрадчиво поинтересовалась она.

— Нельзя? — приподняв правую бровь, вопросом на вопрос ответил Игнат.

— Ей калека не нужен! Ей и так двоих пацанов поднимать. Третьего не потянет! — авторитетно заявила бабулька.

— Так я же уже взрослый. За мной ухаживать не надо, — верно заметил он, подметив, что этот разговор его заинтересовал и может быть полезным.

— Ага. Да тебя откармливать и откармливать! Вон какой тощий. Да и работник из тебя никакой — с твоей-то хромотой. И что с тебя взять? — презрительно сплюнув, проворчала его оппонентка.

Игнат злорадно усмехнулся. Действительно, что, если он такой доходяга? Ему не в гости идти надо, а прямиком на свалку, чтобы там и остаться.

— Ну да, лучше местные алкаши, — иронично хмыкнул он, начиная обходить невоспитанную и враз разонравившуюся ему бабуку.

— Они хотя бы работают! — пылко взвизгнула та.

— И сразу же пропивают заработанное, — отбил Игнат, окинув надоедливую старуху пренебрежительным взглядом. — Не лезьте не в свои дела, уважаемая, если не хотите нарваться на грубость. Тем более, когда не знаете деталей, — нравоучительно добавил он и похромал дальше.

Мария Ивановна, в народе просто баба Маруся, довольно оскалилась, глядя в спину своего бывшего собеседника. Понравился он ей. Вот перекинулась с ним парой малопривычных фраз, и понравился. Особенно светлые и серьёзные глаза понравились, да спокойный голос — на бархат похожий. Его бы откормить, да подлечить, глядишь, и толк бы был. Жаль только, что Людмиле опять страдать. С первым мужем натерпелась всякого. Теперь вот этот повадился. И не понятно, кто хуже для неё. Но внешне — хорош!

Вздыхнув и покачав головой, она пошла к соседке: поделиться новостями и

впечатлениями...

Игнат успокоился пока дошёл до двора семьи Броцманов. Остановившись у калитки, осмотрел двор. Звать никого не стал. Сам открыл калитку и похромал к дому. Весёлый визг услышал почти сразу. Причём не только детский, но и женский. Поменял направление. Завернул за угол дома и прошёл на задний двор. Здесь, мокрые и весёлые, с игрушечными ведёрками в руках, бегали друг за другом все члены маленького семейства. Смеялись, обливались водой и вскрикивали от неожиданностей, когда на них попадали маленькие потоки воды.

Ближе всех к нему оказалась именно Людмила. Они ещё его не заметили, поэтому Игнат хотел окликнуть их. Не успел. Пашка, бежавший за мамой, выплеснул на неё содержимое своей тары. Людмила успела увернуться, а вот Игнат — нет, не успел среагировать. Вода попала прямо на футболку. В этот же момент Людмила оступилась на мокрой траве и, взмахнув руками, грозила упасть всего в полуметре от него. Игнат, видя это, сделал шаг и поймал её за руку. Дёрнул на себя. Поймал, прижав к себе, понимая, что становится ещё мокрее. Нахмурился сильнее. Людмила же неуверенно и медленно подняла голову. Моргнула, глядя на него ошеломленно.

— Здравствуйте, — выдавила она из себя тихо.

Игнат кивнул в ответ. Перевёл внимание на замершего в паре шагов от них Пашке, к которому уже спешил старший брат. Младший стоял перепуганный. Игнату даже показалось, что руки у него начали дрожать.

Вздыхнул. Выпустил Людмилу из своего захвата. Улыбнулся Пашке. Постарался успокоить взглядом взволнованного Лёшку, который тут же затараторил:

— Вы извините нас. Мы заигрались, поэтому не заметили вас.

— Ничего. Сам виноват, — мягко отозвался Игнат.

Краем глаза он заметил, как Людмила, поняв, в каком виде стоит перед ним, едва слышно обронила «ой» и убежала. Наверное, переодеваться. Всё же светлый и мокрый сарафан довольно хорошо просвечивался. Он не стал провожать её взглядом, хотя и хотелось. Силой воли заставил себя смотреть на братьев, что тоже были полностью мокрыми.

— Я пришёл спросить, где вы копаете червей. Не хотел испортить вашу забаву. Извините, — пояснил он цель своего визита.

— Ничего, — уже спокойно отмахнулся старший. — Всё равно пора заканчивать. Работы ещё много. Мама расстроится, если не успеем хотя бы половину сделать за сегодня. А червей мы копаем под старым дубом. Там лежит навоз. Тоже старый. Но черви там хорошие — жирные!

— И где этот дуб? — уточнил Игнат.

— Как выходите за пределы нашей улицы, поворачиваете направо, и метров через триста он будет. Не пройдёте мимо. Он хоть и прячется в вишняке, но дорога вся всегда усыпала желудями.

— Спасибо, — кивнул он. — Я тогда пойду, не буду больше вам мешать.

— А вы на рыбалку? — осторожно подал голос Пашка.

— Да. — Игнату пришлось опять выдавить из себя улыбку, чтобы окончательно успокоить младшего. Не понравилась ему реакция Пашки на произошедшее. Категорически не понравилась. Заставила задуматься над не радужными предположениями.

— А мы завтра пойдём, — поделился Пашка уже более смело.

— Здорово. А чем заняты-то сегодня? — спросил Игнат, понимая, что ищет любой

повод задержаться здесь на дольше.

— Мама решила ковры постирать, — ответил Лёшка. — О! А может, вы поможете нам вынести тот, что в зале? Мы сами не справимся. Обычно мама просит соседа помочь, да сегодня дядька Ванька пьяный, — вздохнул он. — Хотя вам, наверное, тоже тяжело будет. Нога же болит, — продолжил он рассуждать понуро.

— Помогу, — твёрдо сказал Игнат.

— Здорово! — в два голоса обрадовались братья.

— Пашка, убирай здесь всё, а я покажу дяде Игнату, что выносить, — распорядился старший.

Младший с энтузиазмом принялся выполнять приказ, а они пошли в сторону дома. Людмила так и не вышла. Игнат пришёл к выводу, что из-за стеснения она предпочла отсидеться у себя в комнате.

Пройдя уже по знакомому коридору, они вошли в зал — небольшой и обставленный в стиле 90-х годов прошлого века. Вообще, несмотря на чистоту и уют, Игнат уже успел заметить, что дом нуждался в капитальном ремонте. И матери-одиночке будет трудно его сделать.

Появилась злость на покойного мужа Людмилы. На неё саму за то, что в мужья себе выбрала такого непутёвого мужика. На бабульку, что желала Людмиле ещё одного такого же алкаша в мужья. В общем, поводов для злости было предостаточно.

Ковёр, нет, палас, уже был свёрнут.

Игнат аккуратно прислонил свою трость к стене. Осторожно наклонился и попробовал самостоятельно поднять эту громадину. Ногу прострелило болью. Чертыхнувшись, он скривился от боли и медленно выпрямился во весь рост.

— Помоги мне его поставить вертикально, — попросил приглушённо встревоженного Лёшку. Тот кивнул.

Вдвоём они справились, пусть не быстро, но продуктивно. Палас пристроили к стене. И, удостоверившись, что он стоит прочно, Лёшка отбежал назад. Игнат перевёл дыхание. Протяжно выдохнул и, присев, игнорируя боль в ноге, смог-таки взвалить тяжёлую ношу себе на плечо.

Выносил палас предельно медленно. Донёс до заднего двора и с видимым облегчением прислонил его к стене дома.

— Куда дальше? — отдышавшись, спросил у братьев.

— Туда, — указал на перекладину старший.

Игнат зрительно примерился к ней. С досадой понял, что один не справится с поставленной задачей, а мальчишки ему не помощники — не выросли ещё.

— Стерегите этого гиганта, а я сейчас приду, — наказал он пацанам, сам же похромал обратно, радуясь, что Лёшка первым делом на улице вручил ему трость. Молодец мальчишка. Вообще, он был согласен с утверждением деда, что у Людмилы замечательные сыновья.

Шёл, сильно хромая и морщась от боли, но шёл каким-то довольным. Конечно, он мог попросить детей позвать мать, но любопытство в нём выигралось не на шутку.

Пройдя опять в зал, он остановился на пороге и сперва посмотрел на дверь слева, а потом на вторую — справа. Чутьё молчало, поэтому он шагнул к ближней. Постучал, повернул ручку и толкнул деревянное полотно вглубь.

Он правильно угадал. Людмила стояла у окна и широко раскрытыми глазами глядела на

него. В руках у неё было банное полотенце. Похоже, до его наглого вторжения она сушила волосы. Успела переодеться в очередную широкую юбку и тёмно-серую майку.

Игнат выдавил из себя извиняющуюся улыбку.

— Мне нужна ваша помощь, — пояснил он своё появление в её личном пространстве.

Краем сознания отметил, что комната больше похожа на коморку. Мебель есть, но всё стоит впритык. С одной стороны односпальная кровать. С другой — столик со стулом и старинный шифоньер. На столике — зеркало и косметика. Немного, но всё же есть.

— Да, конечно, — засуетилась Людмила: повесила полотенце на спинку стула, завязала ещё влажные волосы в небрежный хвост. — Идёмте. А в чем вам нужна моя помощь? — Она уже взяла себя в руки, поэтому заговорила по-деловому.

— Повесить ваш палас, — беспечно отозвался Игнат.

— Что?!

Она резко затормозила и оглянулась на него, успев уже уйти вперёд.

— Мы палас из зала вынесли, но сам я не перекину его через перекладину, к сожалению, — ответил он более развёрнуто. Ещё успел подумать, что покойный супруг Людмилы был, наверное, великаном, раз перекладина такая высокая.

— Ох, зачем же вы тащили эту громадину? — сокрушённо выпалила она.

— А что? Вам надо было оставить? — иронично хмыкнул Игнат.

Она не знала, что ответить на это. В растерянности смотрела на него и не находила правильных слов. Напомнить, что у него больная нога? Нет. Это значит обидеть его, а она не могла так поступить. Особенно после его помощи. Она представить себе не могла скольких усилий ему стоило вынести на улицу тот старинный палас, который по её скромному мнению весил целую тонну.

Наконец, она смогла выдавить из себя улыбку и решительно сказать:

— Нет. Нет, конечно. Но я сомневаюсь, что смогу вам помочь. Знаете ли, ростом я не вышла.

Он словно взглядом соизмерил свой рост и её. Вздохнул. Кивнул своим мыслям. Он так хотел утолить своё желание, что когда шёл к ней, да и когда говорил о помощи, напрочь позабыл о её росте. Её макушка мелькала на уровне его ключицы. Маленькая. Нет, миниатюрная.

— Вы правы, — согласился Игнат. — Тогда отошлём кого-то из мальчишек ко мне домой, чтобы позвал первого встречного рабочего, — нашёлся он с решением всеобщей проблемы.

— Уместно ли? — засомневалась Людмила.

— Они за это хорошие деньги получают. Не переживайте, — успокоил её Игнат.

— Спасибо! — искренне поблагодарила она, подарив ему персональную улыбку.

Игнат повёл плечом, мол, сущий пустяк. Ещё раз оглядел её спальню. Взор зацепился за моток пряжи на кровати. Он машинально шагнул туда. Цепким взором вперился в то, что когда-то обещало быть его вещью.

— Вы уже начали вязать? — удивленно задал он вопрос, хотя и продолжал хмурить брови.

— Да. Перед сном так отдыхаю. — Улыбка её стала смущённой.

— Отдыхаете? — переспросил он.

Людмила пожала плечами.

— У каждого свой досуг. Меня успокаивает и расслабляет вязание, — призналась она.

— Значит, вы совмещаете приятное с полезным, — добродушно хмыкнул он. — Это хорошо. Что первым решили вязать?

— Свитер. С горлом. Вы не против?

— Нет.

— Кстати, а когда у вас день рождения? — поинтересовалась Людмила.

Они уже покинули пределы её комнаты и медленно шли по коридору. Она впереди, Игнат следом. Его глаза остановились на её лопатках и на идеальной линии позвоночника. Она посчитала его худым, но сама была такой же. Просто удивительно, что при своей худобе она имела довольно аппетитные формы. Это он успел отметить, когда она предстала перед ним в мокром одеянии. Да и сейчас майка выгодно подчёркивала грудь. А вот юбка скрывала и стройные ноги, и округлую попу. Кажется, Людмила не любит выставлять себя напоказ. То ли стесняется, то ли ей это просто не нужно.

— 17 октября, — вспомнил он её вопрос. — Успеете?

— Конечно, — самодовольно ответила она. — К началу осени точно закончу.

— Быстрая, — восхитился Игнат, на что в ответ она только беспечно пожала плечами и польщено улыбнулась.

За рабочим послали Лёшку. Он обрадовался поручению. Вернее, возможности встретиться с дедом. Спросил у мамы разрешения и его позвать. Людмила в очередной раз растерялась, но ответила положительно. Всё равно время близилось к обеду. Рассудив так, она оставила мужчин на улице, а сама пошла в кухню — подогревать еду.

Пашка увлечённо выбивал один из ковров.

Игнат, понаблюдав за ним немного, решил присоединиться к хозяйке дома: вдруг, ей помощь какая-нибудь понадобится?

Выбор блюд был невелик. Со вчерашнего дня остались щи, каша ячневая и жареная рыба. К имеющимся блюдам Людмила решила добавить ещё и салат из свежих овощей. И, конечно же, не забыть о мясной нарезке. С прошлого совместного ужина с мужчинами семьи Захаровых их угощения остались. Сама не знала, почему растягивала их, но почти все продукты, принесённые Игнатом, остались не тронутыми.

Когда она мыла овощи, пришёл Игнат. Сел на стул, обвёл кухню нечитабельным взглядом.

— Чем помочь? — спросил он.

— Если хотите, можете и в этот раз заняться мясной нарезкой, — не стала она отказываться. Почему-то для себя решила, что любой её отказ от хоть незначительной помощи может его обидеть. А ей хотелось дружить с ним и его дядей, а не иметь холодные деловые отношения. Выгодные они союзники. Вернее, заказчики. Нет, односельчане. Она мало с кем общалась в селе. Ещё меньшее число жителей уважала. Вообще они с Ингой называли родной край змеиным гнездом, хотя и любили его.

Игнат кивнул, встал и, помня, что и где лежит, сам всё достал и принялся за работу.

— Я тут подумал, что мы с дедом новоселье так и не устраивали, — заговорил он отстранённо.

Людмила отвлеклась от своего занятия и посмотрела на него заинтересованно.

Он продолжил:

— Можно его устроить в эту субботу. Придёте с пацанами?

Сказать, что она удивилась его приглашению — тактично промолчать. Даже чуть палец не порезала.

— У нас, конечно, пока везде бардак, но сад более менее обустроен. Поставим мангал, пожарим мясо и овощи. Картошку можно запечь — пацанам должно понравиться. Да и хлеб вкусный получается. Алкоголя не будет. Сок купим, — начал он соблазнять её перечнем вкусов, которыми она и сама хотела побаловать своих мальчишек.

— А кто ещё будет? — осторожно уточнила она. Если незнакомых ей людей будет много — откажется. Ни она, ни её сыновья не смогут чувствовать себя комфортно при большом скоплении незнакомцев.

— Никого, — пожал плечами Игнат. — Здесь мы знаем только вас. Нет, дед уже с половиной населения перезнакомился, но лестно отзывается только о вас.

— А ваши друзья и родственники? — изумилась Людмила.

— Родственников нет. А друзей позовём, когда полностью ремонт сделаем, — апатично отозвался он.

Ей бы и посочувствовать, что у них с дедом кроме друг друга никого нет, да сама такая же. Родители давно умерли. Бабушек и дедушек тоже нет. Со стороны покойного мужа осталась одна мать. Да только она и знаясь с ними не хочет, хотя и живёт здесь же — на другом конце села. Нет, когда был жив Геннадий, она приходила в гости. Внуков несколько раз к себе брала, но её, Людмилу, в качестве невестки так и не приняла. Считала, что её сыночек достоин лучшей женщины. Людмила таковой никогда не была. Бесхребетная серая сирота. К тому же, недалёкого ума, раз даже не смогла получить образование. И ей было всё равно, что это именно её сын не дал Людмиле доучиться. В смерти Геннадия обвинила её. Мол, довела бедного сыночка до белой горячки. С момента похорон они и не виделись больше. Избегали друг друга. Мальчишки тоже не горели желанием проводить бабушку. То ли слышали тогда крики старухи, то ли инстинктивно отгородились от неё...

— Придём, — согласилась Людмила.

Молчание было не долгим. Но она успела заметить, что Игнат опять стал хмуриться больше обычного. Почему? Накрутить себя успела, прежде чем он заговорил, и вновь удивил её:

— Знаете, я тут подумал, что при рабочих как-то праздновать не очень хочется. А их звать к себе не хочется. Всё же не тот контингент для детей. Может, вы согласитесь устроить этот праздник у вас? Мы мангал и продукты принесём. С вас только посуда и место в саду.

Он посмотрел на неё выжидающе, но взглядом открытым. Людмила поняла, что он примет любой её ответ и на этот раз не обидится, если получит отказ. Но отказывать не хотелось, потому что ей наоборот будет спокойнее здесь, у себя дома.

Слабо улыбнувшись, она согласно кивнула.

— Овощи у нас есть, — протянула задумчиво. — И торт я испеку в честь такого события. Вы какой любите?

— А вы какой умеете делать? — в свою очередь переспросил Игнат.

— Разные, — неопределённо пожав плечами, ответила Людмила.

— С вишней?

— Договорились.

Дед с Лёшкой приковыляли довольные и улыбочивые. Пашка тоже тут же подсел к ним, чтобы послушать новую увлекательную историю из жизни Леонида Захаровича.

Рабочий, что пришёл вместе с ними, помог с паласом и ретировался — у них по расписанию тоже обед.

Было видно, что прерываться на то, чтобы помочь накрыть на стол мальчишкам не

хотелось, но никто из них не проронил ни слова против. Быстро всё расставив, взялись за ложки и принялись есть. Леонид Захарович и в этот раз урчал, как довольный кот, бросая лукавые взгляды на племянника и на хозяйку дома.

Игнат ел спокойно, но с аппетитом. В конце трапезы он поведал деду и мальчишкам об их уговоре с Людмилой насчёт субботы. Все восприняли эту новость с воодушевлением.

Пацаны перед сном лежали каждый на своей кровати и бурно обсуждали прожитый день. Особенно предстоящие шашлыки. А ещё совместную рыбалку с Игнатом, о которой они договорились уже перед его уходом. Естественно, они рассматривали вариант с просьбой к Игнату о том, чтобы он помог им с найденным кладом. Правда, пока не решились поднимать тему, рассудив, что сперва нужно лучше узнать нового односельчанина и друга семьи. На первый взгляд он им понравился, пусть и постоянно хмурый ходит. А от его деда они вообще были в восторге. И, что нравилось им ещё больше всего, Игнат и дед не чурались общаться с ними, мелкими пацанами. Они разговаривали на любые темы, помогали и делали подарки. То целый пакет разных колбас принесли, то теперь надумали пожарить шашлыки. Это было лучше всех игрушек в мире. Лучше и вкуснее.

Вообще братья успели заметить, по крайней мере, на их наивный первый взгляд, что Игнат кардинально отличался от их отца. Папка был шумным и вспыльчивым. Он запросто мог вырвать стул из-под мамы и запустить его в стену. Побить все окна в доме или разгромить мамину кухню. И всё это только из-за того, что мать отказывалась давать деньги на очередную бутылку водки. Трезвым он бывал редко. А когда бывал, то был вечно всем недовольным и раздражительным.

Игнат хоть и хмурый ходит, но спокойный, как танк. Не против отвечать на их вопросы и проводить досуг — рыбалка тому подтверждение. Один раз уже сходили вместе. Пацаны совместной рыбалкой остались довольны, тем более в тот раз Игнат весь свой улов отдал им. Пояснив свой поступок так: это плата за то, что поделились с ним своим местом и удочкой.

Завтра у него будет уже своя удочка. И мальчишкам не терпелось увидеть её. Сегодня Игнат сказал, что всё нужное снаряжение ему привёз друг из города. Жаль, что они этого друга не увидели, ведь тот приезжал на своей машине.

В общем, впечатлений у братьев было предостаточно. Планов тоже много.

К тому же на завтрашний день они запланировали ещё одно дело: прогуляться в сумерках по селу и нарвать маме в подарок букет роз. Просто так. И для этого им нужен был взрослый сообщник. Игната они не рискнули позвать с собой, а вот деда...

На рыбалку он надел одни из своих любимых спортивных штанов и майку-алкоголичку. А ведь раньше предпочитал, если не рабочую робу, то деловой стиль. Теперь же поймал себя на мысли, что нравится ходить, как и большинство мужчин в селе — больше похожим на алкаша-бомжа, чем на нормального мужчину. Вместо сланцев пришлось натягивать кроссовки. На голову нацепил любимую бейсболку.

Пацаны зашли за ним в оговоренное время. Повосхищались его спиннингом. А он, глядя на их искренний детский восторг, мысленно похвалил себя, что додумался попросить Демьяна в следующий раз привезти и им нормальные спиннинги. Хотя, в то же время и отругал себя, что не додумался до этого сразу. Сегодня бы все были с обновками...

Он как-то никогда не задумывался о своих возможных детях, да и сейчас с трудом мог представить себя в роли отца. Но эти двое пацанов нашли подход к нему. Или он к ним. Или им просто суждено было подружиться. Не зря же среди приличного количества детворы в селе дед выбрал именно их. Правда, подозревал, что дед выбрал с расчётом, что он, Игнат, влюбится и сойдётся с их матерью. Но с другой стороны, Людмила не единственная мать-одиночка здесь. Из рассказов того же деда Игнат знал минимум ещё двоих таких: подругу Людмилы и ту надоедливую продавщицу Валентину.

Кстати, о женитьбе Игнат тоже не задумывался. Нет, он не был бабником или монахом. На протяжении многих лет у него была одна постоянная любовница. Ему хватало. Не хотелось ни разнообразия из женщин, ни каждый год или месяц искать новую.

С Анной он познакомился на работе. Служебный роман — примитивно и неинтересно. Она работала в одном из его магазинов. Молодая, красивая, стройная. Замужняя. С мужем растила сына, которого обожала. Супруга, наверное, тоже когда-то любила. Игнату же только жаловалась на него, называя чаще всего его не по имени, а занудой. В конечном итоге, она потом и развелась с ним. И сразу же стала намекать, а потом и прямым текстом предлагать официально сойтись Игнату. Он не хотел. Зачем? Чтобы потом она нашла себе кого-то другого и начала жаловаться новому любовнику уже на него, Игната? Нет. Для себя он такой участи не желал.

Они разошлись, когда Игнат лежал в больнице. Нет, не она его бросила, побоявшись, что он на всю жизнь останется калекой. Просто ему надоело каждый день наблюдать её слёзные истерики. Будто он при смерти, по меньшей мере.

Она поняла его желание с первого раза. Вытерла слёзы, обиженно задрала подбородок и величественно покинула его палату. Больше он о ней не слышал. С работы она уволилась. Звонками не донимала. Благодать.

Когда он смог более или менее стоять на своих двоих и ходить, понял, что на работу возвращаться не хочет. Объявил об этом своему другу и партнёру по бизнесу. Демьян понял. Договорились, что Игнат уйдёт в продолжительный отпуск: максимум на полгода. Фабрика и магазины без него не пропадут под руководством одного Басова. Тем более Игнат всё равно продолжал держать руку на пульсе, пусть и дистанционно.

Он хотел уехать на север — в тишину и уединение. Дед испугался, что ему там понравится, и он не вернётся. Именно поэтому в спешном порядке старик нашёл этот дом. Заявил, что остаток своих дней хочет провести в сельской тишине, а не в гомоне города.

Дом Игнату сразу не понравился. И он не зря заподозрил, что дед выбрал именно такую

развалюху. Знал, что Игнат не сможет уехать, не удостоверившись, что дед с комфортом устроился. А покупать другой дом старик наотрез отказался. Рогом упёрся — и всё тут.

Игнат не стал долго спорить. То ли лень было, то ли знал, что бессмысленно. Переехал с дедом. Вспомнил, что когда они с Демьяном только начинали свой бизнес, сами делали мебель. Вот и нашёл, чем занять себя. За пределы двора не выходил, с односельчанами не имел желания знакомиться и общаться. Ему и ленивых рабочих хватало. А потом на их пороге появилась Людмила. Обычная, замученная жизнью молодая женщина, в глазах которой так и бурлила жизнь. А может всё изменилось в тот момент, когда он ночью в окно наблюдал за её сыновьями, что пробрались к ним в сад? Хорошо, что тогда ещё рабочих не было. Дед всё просчитал правильно. Почти всё...

Мальчишки воодушевлённо рассказывали, какую и где ловят рыбу, не забывали добавлять истории про раков и змей. Игнат слушал их снисходительно. Вот она детская непосредственность. Вера в лучшее и вечный оптимизм.

Дуб действительно легко было найти. Лёшка достал из зарослей вишняка спрятанную там саперскую лопатку. Сам накопал червей. И они повернули в обратную сторону — пошли на любимое место братьев.

— Папка раньше часто летом, да и зимой, на рыбалку ходил. Помню, ушёл как-то ранним зимним утром, и весь день его не было. Мама уже переживать стала, что под лёд провалился. В слёзы. Собиралась к соседу идти, просить, чтобы он сбегал на речку, посмотрел, что там да как. А я в этот момент глянул в окно. Вижу, папка идёт как-то сутулясь. Сумерки были, не понял я, что он рыбу на себе тащит. Щуку. Размером почти с его рост. Мы тогда и котлет рыбных наелись, и пельмени мама делала. Вкусно было! — делился воспоминаниями Лёшка.

Младший этот момент плохо помнил, поэтому тоже увлечённо слушал.

— А ещё одним летом тоже у него улов был хороший. Сушили рыбы много. Так один раз соседский кот всю рыбу, что висела погрыз. Как до неё добрался — не поняли. Папка ругался сильно, и поэтому опять запил. Хотя держался почти всё лето. Он поэтому-то на рыбалку и ходил: пытался бросить пить. — Под конец рассказа Лёшка горестно вздохнул.

— А вы почему не пьёте? Из-за ноги? — сощутив глаза на солнце, спросил Пашка.

Игнат дёрнул плечом.

— Иногда выпиваю. Но мало. Не любитель я.

— И не курите, — уважительно констатировал младший.

— Это мне тоже не нравится, — улыбнулся Игнат.

— А что нравится? — это уже Лёшка подключился к допросу.

— Вкусно поесть и долго поспать, — откровенно забавляясь, ответил Игнат.

— А вредные привычки? — не поверил ему Пашка.

Игнат задумался. Он не идеален — это факт. Да и идеальных людей нет. Разве что дети.

Вздохнул. Опять дёрнул плечом.

— Вы же уже поняли, что я необщительный. Могу нагрубить. И ленив, к тому же, — перечислил он то, что вспомнил о себе в первую очередь.

— А в чём проявляется ваша лень? — продолжил допытываться Пашка, глядя на него оценивающе и с сомнением. Кажется, ему не очень поверили.

— Мне лень даже в магазин ходить, — придумал самый безобидный ответ Игнат.

— Я тоже не люблю туда ходить, — покаялся Пашка.

— Там вечно стоят и сплетничают бабки да завистливые тётки, — поддакнул Лёшка,

явно скопировав часть маминой фразы.

Все трое дружно покивали. А тут уже и на нужную тропинку вышли, которую миновали довольно быстро. Устроились на берегу, и уже стало не до беззаботных и философских разговоров и воспоминаний. Все трое увлеклись рыбалкой. Иногда только хвастаясь друг перед другом пойманной рыбой.

Трое мужчин разного возраста довольные уловом шли домой. Обговаривая рыбалку и планируя новую, они добрались до двора Броцманов, даже не глянув в сторону крайнего дома на улице.

Шутя, мальчишки зашли в свой двор первыми, уверенные, что Игнат последует за ними. Сразу же отнесли снаряжение в сарай и, вымыв руки в бочке с водой, направились в дом. В этот раз они оглянулись на Игната и остановились дожидаться его у двери. Тот аккуратно оставил свои вещи на лавке и тоже вымыл руки. Улыбнулся пацанам, что с нетерпением смотрели на него. Ещё бы. Надо же похвастаться маме своим уловом!

— Мам! Мам! Мы пришли! — радостно крикнул Пашка, когда первым вбежал в коридор.

— Я в кухне, — отозвалась Людмила.

Игнат улыбнулся ещё шире, услышав её голос. Спустя секунду поймал себя на мысли, что пришёл сюда, не просто провожая мальчишек, а чтобы увидеть их мать. Она ласковым лучиком солнца стала для него. Всегда улыбчивая и приветливая, несмотря на все жизненные трудности. А их, как он понял, было в избытке в жизни не только одной Людмилы, но и её сыновей. Быть может, именно поэтому его и начало тянуть к ним: всё их семейство излучало внутренний свет. Его же самого жизненные трудности сломали, наверное. Закрылся в себе, не желая открываться даже близким людям. И теперь ему стало стыдно. Стыдно за себя и своё поведение. За свой эгоизм, который никуда не делся. Он всё так же продолжает жить только своими желаниями и приоритетами.

Он остановился, пройдя только половину пути в кухню, поверженный внезапной мыслью: а что будет, когда он насытится их светом и теплом? Уедет обратно в город без сожалений? А там позабудет о них уже на следующий день? Или через неделю?..

Лёшка, что остановился на пороге, чтобы дожидаться его, вопросительно приподнял брови, а потом в глазах отразилась тревога. В мгновение ока он оказался рядом с Игнатом и, осторожно взяв его за предплечье, спросил:

— Нога разболелась? Вам помочь?

Игнат не любил, когда ему напоминали о травме, но в этот раз не почувствовал привычного раздражения и злости. Нет. Он улыбнулся мальчишке. И постарался, чтобы его улыбка действительно была искренней, а не как обычно натянутой.

— Всё хорошо. Просто задумался, — заверил он Лёшку.

Мальчишку не успокоили его слова. Несколько продолжительных мгновений он пристально смотрел на него и только потом кивнул.

— Пойдёмте, там Пашка уже все новости маме выложил, — всё ещё сомневаясь, сказал Лёшка.

Стоило ему отвернуться, как улыбка слетела с лица Игната. На мальчишку он посмотрел с сожалением. Он не хотел тревожить никого из семейства Броцман. Это он, взрослый мужчина, должен заботиться и волноваться за слабый пол и детей, а не наоборот. И всё равно постоянно происходило ровно противоположное: то Людмила переживала за него, то

её детей заставлял волноваться.

Вздыхнув, он вошёл следом за Лёшкой. Его брат уже сидел на стуле и воодушевлённо что-то рассказывал маме.

Людмила стояла возле стола, на котором была рассыпана мука, лежали кругляшки раскатанного теста и миска с вишней. Сама хозяйка кухонной утвари красовалась в очередном длинном сарафане, поверх которого был надет жёлтый фартук. Она слушала сына, не переставая ласково улыбаться, и при этом продолжала лепить вареники.

На вновь вошедших она глянула лишь мельком, но и этого хватило, чтобы окунуться в её свет и тепло.

— Мам, смотри, какой у нас сегодня улов! — прервал брата Лёшка, поставив ведро, в которое он во дворе успел пересыпать рыбу, на свободный стул.

Людмила отряхнула руки и вытерла их об фартук. Подошла и заглянула в ведро. Внимательно рассмотрела улов сыновей.

— Здорово, — с мягкой улыбкой резюмировала она, обласкав взглядом по очереди своих мальчишек. Остановила внимание на старшем. — Но вы же понимаете, что чистка на вас?

— Да, — ответил Лёшка, правда, уже не с таким восторгом, как ещё минуту назад.

Им действительно было чем похвастаться, потому что в их ведре была только крупная рыба. Ну, как крупная — с ладонь Игната. Просто он пошёл на хитрость, сказав, что любит похрустеть мелкой рыбешкой, поэтому они и поменялись...

— Засушим? — тем временем предложила Людмила, и пацаны опять довольно засияли. Предложение им пришлось по душе. — Тогда вы занимаетесь рыбой, а я закончу с варениками. — И только теперь она посмотрела на Игната, что предпочёл не отсвечиваться. Стоял, прислонившись к дверному косяку, и с удовольствием наблюдал за солнечным семейством. — Останетесь на ужин? — спросила у него, даря персональную улыбку.

Искушение согласиться было велико, но Игнат нашёл в себе силы отрицательно покачать головой. Он, без сомнений, наглый человек, но меру своей наглости знал всегда.

— Нет, — повторил он вслух свой ответ. — Дед будет ждать меня с уловом.

— Можно и его позвать, — мягко промолвила Людмила.

— Не сегодня, — выдавил из себя Игнат. — Я только пацанов проводил, — пояснил он свой приход, — К тому же мне тоже ещё предстоит чистить свой улов. Да и мелкую работу по дому закончить.

Мальчишки не скрыли своего разочарования. Похоже, они тоже надеялись, что он останется у них на ужин. Приятно.

Людмила понимающе кивнула. Шагнула к нему в намерении проводить.

— Не стоит, — прервал он её желание. — Меня Алёшка до калитки проведёт. Да? — уже к старшему сыну Людмилы обратился он.

— Конечно! — с готовностью отозвался тот.

Игнат бросил прощальный взгляд на слепленные уже вареники. Их было всего несколько штук пока. Тепло попрощался с Пашкой и Людмилой и вышел вместе со старшим из братьев.

— Может, вам чем-то помочь надо? — тихо и неуверенно поинтересовался мальчишка, ожидая пока Игнат заберёт с лавки свои вещи. Сам он уже успел взять спиннинг Игната. — Я могу прибежать к вам, как только почищу и засолю рыбу.

— Спасибо, но нет. — Игнату опять пришлось выдавливать из себя искреннюю

улыбку. — Увидимся на днях. Или же уже в субботу. Буду надоедать вам весь день.

— Мы не против, — смущённо просиял Лёшка.

Детская непосредственность. Игнат с благодарностью посмотрел на него на прощание и побрёл вниз по улице.

Дед удивился его кислому выражению лица. Игнат же только отмахнулся от него. Проверив работу рабочих, принялся за чистку рыбы.

Чистил мелюзгу и тихо бурчал себе под нос. Ругал себя. Он же мог на ужин насладиться вкуснейшими варениками с вишней, заправленными домашней сметаной. Вместо этого будет грызть рыбу. Правда, с утра он предвкушал такой ужин. Теперь же...

Он не любил готовить, хотя и умел. Дед тоже был лентяем в этом плане. Рабочие готовили себе сами, к ним и не совались. Впрочем, работа у них продвигалась быстро. Естественно, благодаря тому, что хозяева полностью контролировали процесс.

В кухне уже полностью завершили ремонтные работы. Даже полностью укомплектовали её. Осталось только привыкнуть к ней. Это Игнату давалось трудно, потому что кухонька была совсем маленькой. В его городской квартире она была приличного размера — удобного для его роста. Здесь же из-за низких потолков в доме, приходилось немного пригибаться, проходя через дверные проёмы.

Отыскав сковороду, он поставил её на плиту. Налив приличное количество подсолнечного масла, достал муку и тарелку. Задумчиво поглядев в окно, принялся за готовку.

Дед заглянул к нему, при этом, не забыв стереть с лица хитрую ухмылку.

— Одну рыбу будем есть? — спросил он, внимательно рассматривая, что есть на столе.

— А тебе ещё что-то надо? — апатично отозвался Игнат, чувствуя, что начинает раздражаться.

— Людмила к рыбке много чего только не подавала, — назидательно заметил Леонид Захарович.

Его племянник скрипнул зубами.

— Пюре будет. И салат сейчас сделаю, — пробурчал он на выдохе.

Дед удовлетворительно кивнул и ушёл. Через несколько минут до слуха Игната донёлся его голос уже откуда-то из сада. Уже успел найти себе нового собеседника. Игнат усмехнулся. Дед всегда найдёт себе компанию. Причём, даже если дед навязывал своё общество, то очень быстро завладевал вниманием своего собеседника, увлекая рассказами или интересной темой беседы.

Готовка окончательно отвлекла Игната от угнетающих мыслей. С его ногой проблематично было успевать нарезать овощи и следить за рыбой. Он постоянно оступался и кривился от боли. Пару раз шипел проклятия. В итоге он так сконцентрировался на своих движениях, что не заметил, как в дверном проёме застыла женская фигура.

Непрощеная гостья наблюдала за ним некоторое время с едва уловимой улыбкой на устах, потом кашлянула в кулак, чтобы привлечь его внимание.

Игнат замер, а в следующую секунду уже оборачивался к выходу. Его хмурые брови метнулись вверх, когда увидел, кто посмел нарушить его уединение.

— Что-то случилось? — быстро совладав с собой, задал он закономерный, как он считал, вопрос.

— Нет, — отрицательно мотнула головой она. — Просто принесла вам гостинец. Вареники. Их получилось много, а мальчишки не любят их есть на следующий день, —

озвучила заранее приготовленную ложь. Просто ей показалось, что он смотрел на тогда ещё сырые вареники таким голодным взглядом, что остаться равнодушной она не смогла.

Игнат встрепенулся, выключил плиту, на которой стала уже подгорать последняя партия рыбы. В очередной раз скривился, перекладывая рыбу на блюдо — не удачно опёрся на больную ногу. Глянул на картофель. Вспомнил, что пюре уже сделал. Салат тоже готов. Поставив блюдо с рыбой на середину стола, хмуро оглядел всё. Нет, весь этот стол он с удовольствием променяет на тарелку с варениками, но как-то жалко стало свой труд.

Вздыхнув, он обратил своё внимание на гостью, что так и стояла в дверном проёме.

— Пацаны где? — спросил он, уже зная, что предложит дальше ей.

— Ушли гулять, — пожав плечами, ответила Людмила. — Они знают, что я пошла к вам.

Игнат кивнул.

— Тогда вы не против составить нам с дедом компанию? — переспросил он. — Дед обрадуется, — озвучил весомый аргумент.

Она засомневалась. Эти сомнения выдавала прикушенная губа и растерянность в глазах. Но длилось оно не долго. Буквально несколько мгновений. Потом она улыбнулась и утвердительно кивнула.

— Отлично. Тогда позовите деда, пожалуйста. Он был в саду. А я пока закончу последние приготовления.

Людмила ответила коротким кивком. Прошла к столешнице, поставила принесённый пакет и ушла на поиски Леонида Захаровича.

Игнат проводил её своим фирменный хмурым взором. Дождавшись тихого хлопка двери, он тяжело сел на стул. Скривился. Нога ныла болью. Чёртова конечностью напрочь отказывалась давать ему спокойно жить. Мучила и днём и ночью. Конечно, он сам был виноват, что чрезмерно напрягал её, но по-другому не умел жить. Да и не хотел. Ему нравилось движение. Ему нравился бег, о котором пока можно было только мечтать.

Немного посидев, он принялся расставлять тарелки и раскладывать столовые приборы. Потом сходил за ещё одним стулом. Достал контейнер с едой и баночку сметаны, что принесла их гостья. Воровато оглянулся на выход. Быстро открыл контейнер и повёл носом, вдыхая умопомрачительный аромат. Не сдержался и всё же один вареник съел, жуясь от удовольствия. Облизал пальцы и закрыл крышку, сожалея, что сначала надо поесть то, что приготовил сам.

Уселся за стол, дожидаться деда с гостьей.

Нет, рыба с салатом и пюре выглядели аппетитно, да только желудок жалобно урчал от другого блюда.

Леонид Захарович с Людмилой вошли в кухню под весёлую болтовню первого. Дед, увидев, что всё уже готово, в предвкушении потёр ладони. Лукаво глянул сперва на племянника, потом на их прекрасную гостью, которая уже успела занять один из свободных стульев. Подмигнул им.

— По такому случаю предлагаю принять на грудь по пятьдесят грамм, — торжественно произнёс он. — Что скажете?

Молодежь переглянулась. Оба не были любителями горячительных напитков. Да только Игнату вдруг захотелось выпить вместе с Людмилой. И желательно на брудершафт.

— Наливка из чайной розы! Сам делал, — похвастался тем временем Леонид Захарович доставая из шкафчика искомую бутылку. Со стуком поставил её на стол. Отыскал стопки и

их тоже примостил.

Нахмурился. Маленький стол был полностью заставлен. Всё же кухонька не была рассчитана даже на трёх человек, увы.

— Только если чуть-чуть, — с сомнением протянула Людмила, изобразив извиняющуюся улыбку.

Леонид Захарович махнул рукой.

— В нашей компании нет любителей алкоголя. По стопочке и хватит, — резюмировал он, разливая тягучую жидкость по стопкам.

Игнат вспомнил правила этикета и принялся ухаживать за их гостьей, радуясь, что сидит она рядом с ним практически плечом к плечу.

— Конечно, к рыбе не такой напиток надо подавать, но, чем богаты, тому, как говорится, и рады, — продолжил болтать за всех Леонид Захарович. — Ну, за нас! — провозгласил тост.

Чокнулись. Выпили. Правда, вернее сказать, пригубили.

— Сладко, — улыбнулась Людмила. Наливка ей понравилась.

— Да-а-а-а, — протянул дед. — Наливка что надо!

Игнат промолчал, решив сконцентрироваться на еде. Не болтун он. Раньше им не был, ни тем более сейчас. Хоть и удовлетворил своё эгоистичное желание поужинать с Людмилой, но развлекать её придётся деду.

Он как раз доел вторую по счёту рыбёшку, когда Людмила повернулась к нему и протянула свою стопку.

— Предлагаю перейти на «ты», — смело заявила она.

Её глаза уже блестели, на щеках выступил румянец. Неужели так быстро охмелела от небольшого количества спиртного? Или смутилась из-за своего предложения?

— На брудершафт? — уточнил он, стрельнув взглядом на притихшего деда. Тот сидел довольный, как хитрый лис, что только налагомился зайчатинной.

Людмила на секунду округлила глаза, а потом неуверенно утвердительно кивнула.

Игнат мысленно порадовался, внешне сохраняя невозмутимый вид. Определённо ему сегодня улыбается удача.

Выпили, как и договаривались. И если Людмила явно хотела опустить вторую часть этого способа, то Игнат — нет. Он не дал ей и моргнуть, как коснулся её рта своими губами. Быстро. Мимолётно. Но ему этот детский поцелуй понравился. Он, не таясь, облизал губы открыто смотря в чуть удивлённые глаза Людмилы. Подмигнул ей и, поставив свою пустую стопку, продолжил трапезу.

— Вот так бы давно! — довольно заговорил дед, разряжая обстановку. — А то всё выкаете друг другу, как незнакомцы. Мы же уже считай все лучшие друзья! Только мальчишек здесь не хватает, — наигранно опечаленно вздохнул он в конце.

Игнат посмотрел на него прищуренными глазами. Нет, дед лукавил. Он полюбил пацанов, но тоже считал, что в данную минуту за благо, что те сейчас играют со своим друзьями.

Рыба и вареники были съедены. Наливки в бутылке стало ещё меньше, потому что одной порцией дело не ограничилось. Как-то легко она пошла этим вечером.

Людмила уже после первой выпитой стопки раскрепостилась и теперь звонко и заразительно хохотала над шутками Леонида Захаровича.

Игнат сидел, откинувшись на спинку стула, с удовольствием доедал сметану прямо из банки и откровенно любовался их гостьей, впитывая в себя её свет и тепло.

Странно. Ещё совсем недавно он спокойно относился к ней. Можно даже сказать, равнодушно. Теперь же наслаждался каждой минутой в её обществе.

Нет. Он не влюбился. По крайней мере, не думал, что его чувства — любовь. Был притяжение. Желание помочь. И, конечно же, физическое влечение. Здесь он не собирался врать самому себе: он хотел её. Особенно острым стало это желание после того, как увидел её в мокрой одежде. И он не был против заняться с ней сексом. Да только имелась одна загвоздка: Людмиле роль временной любовницы не подходила...

Дед остался мыть посуду, а Игнат пошёл провожать Людмилу до дома. Она, конечно, отказывалась, заверяя, что и сама прекрасно пройдёт эти несчастные несколько метров, но он предпочёл проигнорировать её слова.

Вечер, что уже окончательно опустился на землю, был приятно свежим. Редкие встречные и в этот раз поглядывали на них с любопытством, но оба, кажется, не замечали заинтересованных взглядом. Или делали вид, что не замечали. Вместо этого они прислушивались к пению цикад.

Мечтательная улыбка не сходила с лица Людмилы. Игнат с удовольствием любовался нею в свете уличных фонарей. Не только улыбкой, но и её обладательницей.

Её волосы. Даже сейчас они были заплетены в тугую косу. Игнату хотелось увидеть их распущенными, спадающими водопадом ниже талии. Цвет такой у них красивый — пшеничный, с лёгким намёком на рыжину.

Она маленькая и утончённая, как балерина. С идеальной осанкой и лебединой шеей...

В памяти опять невольно всплыл её мокрый образ, заставивший его нервно сглотнуть. Наваждением стал этот образ. Желанным наваждением...

Решил отвести взор от греха подальше, да не смог. На этот раз взгляд остановился в районе груди. М-да. Дожил. Пялится на женщину, как озабоченный подросток. Хорошо, что она не замечает его голодного интереса.

Тряхнув головой, стал смотреть строго вперёд. До её двора — рукой подать.

Опять вздохнул. Наверное, ей скучно в его обществе. Всё же дед лучшая компания, чем он.

Дошли до калитки. Остановились.

— Я зайду, чтобы извиниться перед мальчишками, что задержал тебя, — сказал он первую фразу после того, как они покинули его дом.

Людмила неопределённо пожала плечами, потом кивнула. Сама открыла калитку. Вошла первой.

Пацаны встретили их в зале, сидя на диване. Оба уже успели принять душ. Теперь увлечённо смотрели какой-то боевик по старому телевизору. На их появление синхронно оторвали взгляды от экрана и уставились на них.

— А мы думали, что ты засиделась у тёти Инги, — воодушевлённо прощелбетал Пашка, вскакивая со своего места и подбегая к Игнату.

Лёшка предпочёл продолжить и дальше сидеть. Задумчиво нахмурился.

— Посидишь с нами? — обратился тем временем младший к провожатому их родительницы.

Игнат отрицательно покачал головой.

— Уже поздно. Неприлично это. Извините, что задержал вашу маму, — проговорил он

то, что и собирался.

Пашка скуксился. Лёшка, склонив голову к правому плечу, вперился в Игната рентгеновским взглядом. Старший понимал больше.

Игнат почувствовал перед ним стыд. Ними. Именно поэтому быстро попрощался и ушёл.

Дед ожидал его, сидя в кресле-качалке и куря трубку. На него глядел лукаво, но молчал. Игнат был благодарен ему за это. Кивнув ему в знак пожелания доброй ночи, ушёл к себе. Повалился на кровать, даже не потрудившись включить свет. Темнота не напрягала. Наоборот, успокаивала.

Он устало прикрыл глаза. Протяжно выдохнул.

Завтра должен приехать Демьян. Может, вместе с ним рвануть в город?..

Он устал. Устал эмоционально и физически. Устал так, что чуть ли не уснул в такси. Не дал водитель, что решил включить радио. Увы, сделал он это громко. А потом ещё громче матерился на приёмник. Именно это и вывело Игната из полудрёмы. Он сел ровнее, протёр ладонями лицо и протяжно выдохнул. Посмотрел расфокусированным взглядом в окно. С трудом, но ему удалось приглядеться к ночной местности, а после и понять, где именно они едут. До дома осталось проехать всего один квартал. Недалеко.

— Остановите возле супермаркета, пожалуйста, — прохрипел он просьбу таксисту.

Тот чинно кивнул и стал высматривать, где же ему лучше всего припарковаться. Лишних вопросов не задавал. Не косился. В общем, идеальный водитель, если бы не его любовь к радио и нецензурной лексике.

Через две минуты Игнат уже осторожно и медленно вылезал из машины, предварительно расплатившись с таксистом, естественно.

На улице было по вечернему свежо. Отовсюду доносился весёлый гомон и смех молодёжи. Издалека ещё звучала заводная музыка. И, конечно же, звук проезжающих машин.

Игнат осмотрелся вокруг. Глубоко вдохнул и повернулся лицом к магазину, по которому, откровенно говоря, ходить совсем не хотелось. Но надо. Желудок предательски урчал, уже не переставая. Ещё бы. Его кормили в последний раз поздним утром. Одним сэндвичем и чашкой крепкого кофе. Кофе, кстати, был отвратительным, а в сэндвиче было слишком много майонеза. Желудок был обижен. Он вновь и вновь напоминал о вкуснейших обедах и ужинах, приготовленных Людмилой. Требовал такой же вкусной и домашней еды. Игнат был полностью с ним согласен. Он тоже с удовольствием бы сейчас оказался в кухне или в саду Броцман и с наслаждением бы съел одно из её блюд. И чтобы она обязательно сидела напротив него со своей неизменной такой мягкой и тёплой улыбкой...

Он тряхнул головой, прогоняя мысли и мечты. Похромал к входу в заведение, мысленно ругая себя, что трость забыл на работе. Хорошо, что дома есть ещё одна.

Краем глаза он заметил, как мимо него быстро пронёсся мужик. Бестактный, кстати. Зацепил Игната плечом и даже не остановился, чтобы извиниться. Нет, как пёр вперёд, как танк, так и продолжил. Только на один короткий миг остановился возле урны и что-то выбросил, достав из-за пазухи. Это что-то протяжно и жалобно пискнуло, когда ударилось о железную урну. Игнат остановился. Пригляделся. Кажется, щенок. Маленький и чёрный клубок шерсти в этот момент метнулся в угол, чтобы там спрятаться. Заскулил.

Игнат шагнул в ту сторону, но тут же отдёрнул себя. Нет, никакой жалости. Животных он точно не будет подбирать с улицы. Да и не любитель он домашних питомцев. Ему деда хватает. Да.

Кивнув своим мыслям, он продолжил свой изначальный путь, стараясь выбросить из головы образ беззащитного щенка, а из сердца — жалость.

Народа было, как пчёл в улье. Игнат взял корзинку, тяжело выдохнул и пошёл в хлебный отдел. Здесь толпа была поменьше, но вот его любимого батона уже не было. Взял первый попавшийся. А потом прихватил десяток яиц и пару помидор, да пакет молока. Всё. Пробираясь к очередям на кассах, он резко остановился, как вкопанный. Показалось, что мимо промчался Пашка. Пацанёнок так был похож на младшего сына Людмилы, что Игнат чуть ли не поспешил за ним. Вовремя опомнился. А потом и мальчишка обернулся. Похож.

Очень похож. Но взгляд и улыбка не та. В груди неприятно защемило сердце.

М-да, хотел проверить насколько сильно будет скучить по семейству Броцманов? Получай, Захаров! Наслаждайся, блин, своими чувствами, ощущениями. Своим одиночеством.

Тряхнув головой в очередной раз, он осмотрелся. Очереди на кассах были огромными. Люди жались друг к другу, как шпроты в банке. И умудрялись ругаться при этом. Игнат скривился, как зубной боли. Поискал глазами кассы самообслуживания. С трудом прошёл к ним. А в голове уже набатом билась одна и та же мысль. Он постарался пробить продукты как можно быстрее.

Проклиная свою ногу и вообще всё на свете, похромал к выходу. Буквально вылетел из супермаркета и сразу же остановился. Осмотрелся по сторонам. Обошёл урну по кругу. Никого.

Чёрт. Неужели опоздал? Нет, так просто он не сдастся. Похромал к углу здания. Заглянул туда. Улыбнулся. Вот он. Сидит, сжавшись в комок, и смотрит на него огромными тёмно-карими глазами-бусинками, в которых отчётливо отражался страх.

Игнат с облегчением выдохнул. С трудом присел на корточки. Медленно протянул вперёд раскрытую ладонь.

— Ну, привет, дружочек, — обратился он к щенку тихо и спокойно. — Пойдём ко мне? У меня есть молоко и батон. А ещё можно зайти в ваш магазин и купить тебе собачей еды.

Щенок не торопился доверять и идти на контакт. Нет. Он ещё больше сжался. Уткнулся носом в лапы. Игнат вздохнул. И что с ним делать?

— А ещё у меня есть два замечательных знакомых пацана. Они обрадуются тебе. Полюбят и будут баловать, — доверительно поведал он маленькому и напуганному созданию. — Тебе у них будет хорошо... А мама как их вкусно готовит! Будешь жить, как сыр в масле... Отъешься до размеров колобка... Мне бы такую жизнь, — хмыкнув, добавил: — Идёшь?

Щенок, то ли не понимал его, то ли не поверил ни единому его слову. То ли был слишком мал, чтобы понять и довериться. Он так и продолжал лежать и дрожать.

Игнат, в который раз, протяжно выдохнул. Нервным движением провёл ладонью по волосам. Оглянулся по сторонам и решился. Раз, пса только выбросили, значит, не заразный. Дотянулся до комка, что издал жалобный писк, и осторожно взял. Прижал к груди.

— Да не дрожи ты так, — мягко сказал Игнат, с трудом поднимаясь во весь рост. — Ты мужик или кто? Всё будет хорошо. Сейчас придёт домой, поедим, искупаемся и ляжем спать... А там и в село рванём...

Он разговаривал со щенком весь путь домой. Даже в ветеринарном магазине советовался с ним, что лучше купить. Тот упрямо молчал. Даже не скулил больше. Только уткнулся носом в футболку нового временного хозяина и продолжал дрожать, как осиновый лист на ветру.

Дома позволил себя искупать. От еды и молока отказался. Забился в самый дальний и тёмный угол в квартире и перестал подавать признаки жизни. Сперва Игнат переживал за него, а потом махнул рукой. Он сам устал как собака. Искупавшись и поев, завалился спать.

Утро началось рано. За окном только начало рассветать, а противный звук уже врезался в сознание Игната и не собирался уходить. Простонав, Игнат накрыл голову подушкой, но это не помогло. Пришлось выбираться и открывать глаза. Рядом с его диваном сидел щенок и жалобно скулил, не менее жалостно смотря на него.

— Чего тебе, исчадие ада? — совсем недружелюбно прохрипел Игнат. — Или спать, а? — взмолился он, поняв, что пёс отвечать не собирается.

Тот только неуверенно дёрнулся в его сторону.

— Со мной спать точно не будешь. В своей постели я не потерплю никакой скотины. Даже такой умильной как ты. И не проси!

Щенок сделал маленький шагок к нему. Проскулил. Положил голову на сложенные лапы, не отводя своего печального взгляда от хмурого Игната.

— Да чтобы тебя сожрали все исчадия ада! — в сердцах выпалил он и дотянулся рукой до наглеца. Аккуратно положил себе под бок. — Учти, это только сегодня я такой добрый, — предупредил.

Пес преданно и благодарно заглянул ему в глаза. Устроился удобнее и удовлетворенно выдохнул. Глаза его стали сонно закрываться. А вот от Игната сон, кажется, сбежал. Он лежал, невесомо глядя питомца по мягкой шерсти. Рассматривал его в сумерках рассвета и как-то рассеянно улыбался.

Дожил. Мало того, что подобрал животинку, так ещё и разрешил ему спать с ним. Куда мир катится?

Вдохнул глубже. Нет, всё же шампунь пса ему категорически не нравится. Надо будет подобрать что-то другое. Да ещё и к ветеринару всё же свозить...

Интересно, а как Людмила отреагирует на пса? Вдруг, откажется брать его? Что тогда? Себе его оставлять?

Посмотрел на безмятежно спящего щенка, что дёргал задней лапой во сне. Нет. Надо сделать так, чтобы приняла и полюбила. Она добрая. Это будет легко сделать. Главное, чтобы щенок не вырос до размеров телёнка, а то тогда достанется всем. Да, решено. Сначала к ветеринару, а уже потом к Людмиле.

Демьян смеялся всю дорогу над собакой. И, конечно же, подшучивал над самим Игнатом. А вот ему было не до смеха. Ветеринар заверил, что пёс не чистокровная немецкая овчарка. Овчарка, блин! Он же вырастит лосём. А есть будет как слон.

Людмила его точно прибьёт, если он осмелится собаку принести к ним. И что делать? Ведь именно так он и собирался поступить.

— А ты скажи, что вы идёте в комплекте и ты готов сам кормить не только пса, но и всё её семейство, — не унимался Басов.

Игнат одарил его испепеляющим взглядом и вновь отвернулся к окну. Вздохнул. Глупые шутки друга совсем не смешили. Демьяна хотелось прибить и закопать где-то в лесополосе.

Пёс на заднем сиденье подал голос, но на него обратили внимание только мимолётно. Всё хорошо с ним и, слава богу.

— Не хочешь такую обузу брать на себя? А мне показалось, что ты прикипел душой и к тому семейству, и к щенку, — уже более серьёзно заговорил Демьян.

— За дорогой следи, — огрызнулся Игнат.

— И всё же, — решил настоять на своём друг.

Захаров промолчал. Только тяжёлым взором смотрел на пейзаж, мелькающий за окном.

Басов вздохнул. Когда его лучший друг был в таком плохом расположении духа, с ним невозможно было общаться. И расшевелить его ещё ни разу не удавалось.

— Я заеду в понедельник, — перешёл он на деловой тон. — Украду тебя всего на два дня, так что потерпи. Мне без тебя никак. Ты же знаешь, что Бойченко только с тобой идёт

на контакт.

Игнат кивнул.

Впереди были уже видны первые дома их небольшого села. На душе вмиг стало как-то тепло и легко. Уголки рта даже дёрнулись вверх, в намерении растянуться в улыбке. Остались на месте. Только взгляд потеплел.

Понял. Он возвращается домой. Действительно домой.

Ничего здесь не изменилось за прошедшие дни. Но было так радостно ехать по уже знакомой и родной улице, что хотелось устроить праздник уже сейчас. Они проехали мимо двора Броцманов и Игнат не смог сдержаться, чтобы не заглянуть в него. Пацаны были во дворе. Он улыбнулся. Вот они, те, к кому он так хотел вернуться.

Машина припарковалась возле ворот крайнего дома. Демьян уже доставал сумки из багажника. Игнат же только с трудом вылез из салона авто: нога затекла и неприятно теперь ныла. Скривился от боли, когда выпрямился во весь рост. Поднял глаза на закрытую калитку. Что-то дед долго идёт. Странно.

— Игнат! Дядя Игнат! — раздался на всю округу радостный и звонкий голос Пашки.

Игнат резко повернул голову в ту сторону. Увидел, как пацанёнок бежит к нему и освещает лицо такой ослепительной улыбкой, что самому трудно не улыбнуться в ответ. Он на автопилоте захлопнул дверцу машины, шагнул к Пашке на встречу. Только и успел, что расставить руки в стороны, как тот влетел в его объятия. Крепко обнял. И, уткнувшись подбородком ему в живот, преданно заглянул Игнату в глаза.

— Я угадал, что это вы проехали мимо нашего дома! А Лёшка мне не поверил! — прошептал Пашка на одном дыхании.

Игнат взлохматил ему отросшие волосы, улыбаясь ещё шире и мягче. Посмотрел вверх поверх его головы. Лёшка тоже шёл в их сторону. Улыбался робко, но глаза лучились неподдельным счастьем. Тоже рад его возвращению. Всё не зря.

Со старшим из братьев он поздоровался крепким рукопожатием. Демьян быстро поздоровался, познакомился и с сумками умчался во двор. Умный у него друг.

— Я вам нового друга привёз, — обратился Игнат к братьям. — Правда, не знаю, как ваша мама отреагирует на него, — поделился своими опасениями он.

Братья переглянулись и дружно уставились в окно машины. Враз как-то посерьёзничали. Перестали улыбаться. Игнат не стал тянуть резину. Открыл заднюю дверцу и достал переноску. Щенок жалобно проскулил.

Мальчишки округлили глаза. Опять переглянулись и заулыбались.

Лёшка протянул руки, давая понять, что подержит переноску, пока Игнат будет доставать перепуганного щенка. Пашка смотрел на собаку, как на восьмое чудо света. Осторожно протянул свою маленькую руку и погладил по башке щенка, внимательно следя за его реакцией. Заулыбался ещё больше, когда понял, что тот вовсе не грозный.

— А как его зовут? — спросил он, уже не боясь, глядя щенка.

— Вот вы и придумаете ему имя, — отозвался Игнат. — Он ваш.

— Наш? — неверяще переспросил Лёшка. Нахмурился. — А мама будет не против? У нас же даже будки для него нет.

— Я поговорю с ней. И с будкой помогу, — пообещал Игнат.

Мальчишки, переглянувшись, просияли.

Из калитки, наконец-то, вышел дед. Кряхтел, наигранно хмурился, но хромал к ним — нарочно медленно.

— Больного и немощного старика заставляете бегать, — прокряхтел он, награждая каждого из тройки укоризненным взглядом.

Потом заметил щенка. Его кустистые брови быстро поползли вверх, выдавая крайнюю степень удивления.

— А это ещё что за грозный зверь? — с лёгким намёком на презрение задал вопрос Леонид Захарович.

— Не обзывайте его! — вступился за своего любимца Пашка, стараясь спрятать щенка от любопытных глаз деда.

— М-да? — задумчиво протянул тот. Самодовольно хмыкнул. — Посмотрим, как ваша матушка отреагирует на него, — припечатал.

— Дядя Игнат обещал, что уговорит мама оставить щенка, — задрал подбородок, заявил самый младший мужчина в их компании.

Дед опять хмыкнул. Украдкой подмигнул хмурому Лёшке.

— Ну, раз дядя Игнат пообещал, — многозначительно протянул Леонид Захарович, лукаво глядя на своего племянника.

Игнат предпочёл проигнорировать и взгляд родственника, и его слова вместе. Как раз вышел и Демьян. Мимолётно посмотрел всех и прошёл к багажнику. Достал новую партию пакетов. Отнёс. Вернулся. И всё молча, если не считать Пашку и деда, что продолжали вести словесные баталии. И видно было, что мальчик держится из последних сил, чтобы не расстроиться и, быть может, даже пустить слезу.

— Хватит доводить ребёнка, — строго припечатал Игнат, смотря на деда укоризненно.

Тот довольно оскалился и, махнув на всех рукой, ушёл. Правда, при этом не забыл сказать, чтобы его позвали, когда будут готовы шашлыки, а потом начал жаловаться на своё плохое состояние здоровья.

— Артист, — с восхищением резюмировал Демьян, опять выходя со двора. — Поехали дальше? — обратился он непосредственно к другу.

Игнат оглядел свою одежду, затем задумчиво посмотрел на высокие ворота. Вздохнул. Переодеться бы, да дед же начнёт умничать и насмехаться.

— Поехали, — согласился он. Нормальный у него вид.

Мальчишки с криком «ура» первыми побежали вверх по улице.

Демьян в изумлении проводил их глазами.

— А я думал предложить им прокатиться на крутой машине, — озвучил он свои мысли.

— В следующий раз предложишь. У них сегодня и так радости и впечатлений хватит, — отозвался Игнат.

— И то так. Свозим их в какой-нибудь развлекательный центр, — подумав, согласился Басов.

— Если их мама отпустит.

— А мы и её возьмём. Пусть отдохнёт, — отмахнулся друг. — И вообще, когда ты нас познакомишь?

Игнат нахмурился. Смерил друга оценивающим взглядом. Нахмурился ещё больше.

— Когда-нибудь, — туманно ответил после паузы.

Басов понятливо хмыкнул. Дождался, когда друг займёт пассажирское место. Довёз его до нужного двора, возле которого его уже поджидали братья вместе со щенком. Выгрузил продукты, мангал, что забрал со двора Захаровых. Аккуратно всё оставил у калитки. С завистью заглянул во двор. За углом дома, если хорошо приглядеться, можно было увидеть

хозяйку. Познакомиться бы с нею, да только друг ревнивый у него. Кто бы мог подумать, что Захаров будет таким собственником. И кем увлётся? Матерью-одиночкой. Да ещё и социальным классом намного ниже него. Куда мир катится?..

И ведь сам пока в полной мере не осознаёт своей увлечённости...

— Напрашиваться не буду. И не проси, — шутливо сказал он, обратив внимание на хмурого Игната.

— Езжай уже, — раздражённо буркнул тот.

— Удачной дороги, — в унисон пожелали братья.

Демьян им улыбнулся. Махнул рукой и укатил в закат, так сказать, хотя время только близилось к обеду.

Игнат подхватил пакеты, выпрямился. Посмотрел на окна дома Броцманов. Внутри поднялась дрожь. Давно он так не нервничал. Выдохнул. Перевёл внимание на молчаливых мальчишек, что с неприкрытым интересом глядели на него.

— Пойдём? — кивнул он головой в сторону калитки.

Пацаны синхронно закивали головой. Пашка, крепко прижимая щенка к себе, первым рванул ко двору. Благо, Лёшка всё же успел опередить его и открыть калитку. Младший на всех порах промчался мимо в сторону сада.

Старший укоризненно покачал головой. Обернулся к Игнату. Робко улыбнулся.

— Беги, — дал добро Захаров, видя его нетерпение.

Лёшка просиял. Схватил один из пакетов и, насколько позволяла ноша, быстро пошагал вслед за братом.

Игнат последовал за ними только, когда в очередной раз шумно выдохнул. Нервно оглянулся по сторонам. Любопытные соседи подпирали свои ворота, наблюдая за ним. Цирковое представление, блин, нашли. Нехотя кивнул в знак приветствия. Страшно представить, какие сплетни ходят о них с Людмилой. Стало совестно.

Вздыхнул. Он бы и рад был перестать сюда ходить, да не мог. На физическом уровне уже не мог отказаться от этого семейства. Всю степень своей привязанности к ним понял в эти несколько дней, что провёл в городе. Скучал по ним так, как не по ком не скучал в своей жизни. Разве что по деду и умершим родителям. А так... У него будто зависимость появилась — видеться с семьёй Броцманов хотя бы раз в два дня...

Он прохромал за угол дома и сразу же увидел Людмилу с сыновьями. Они стояли перед ней со щенком. Пашка восторженно щебетал. Лёшка выжидательно смотрел на маму, закусив нижнюю губу. Людмила же в изумлении хлопала ресницами, не отводя своего взгляда от щенка, что мирно сидел на руках у ребёнка. Потом с таким же удивлением перевела глаза на него, Игната, видимо, услышав его шаги. Приветливо, но в то же время, заторможено кивнула.

Он натянуто улыбнулся. Оставил пакеты на лавке и вернулся за остальными продуктами. Лёшка сорвался за ним. Вместе они принесли всё остальное. Оба выдохнули. Лёшка от того, что сбросил тяжести. Игнат от напряжения и жары. Привалился плечом к стене и стал наблюдать за семейством. Людмила уже сидела на корточках и с мягкой улыбкой рассматривала щенка. Осторожно гладила его. Обращала свой взор то на одного сына, то на второго. В глазах её столько теплоты и любви... Улыбка такая чарующая...

Она вновь обратила свой взор на него, не переставая улыбаться. Игнат выдохнул. Словно нехотя отклеился от своей опоры и сделал первый шаг к ним. Поморщился. Что-то нога сегодня уж слишком ноет.

Людмила сразу же заметила это. Плавно выпрямилась. Улыбаться перестала. Жаль. Ему нравится её улыбка, как и тепло в глазах. Теперь же там поселилась тревога. Она пошагала к нему на встречу. Остановилась так близко, что легко можно было уловить запах её шампуня. Или же это всё-таки духи?

— Что-то болит? — обеспокоенно спросила. Скосила взгляд вниз. Знает, что его может беспокоить только нога и всё равно не конкретизирует. Боится обидеть?

— Нет. Всё хорошо, — и глазом не моргнув, солгал он, стараясь улыбнуться. — Я всё привёз, — кивнул в сторону лавки.

Людмила мимолётно глянула туда.

— Вижу, — выдохнула. Не поверила ему. И не удивительно. — Мальчики будут помогать тебе. Не отказывайся, — сказала строго. Скорее, приказала.

Он усмехнулся. Мама в самом лучшем её проявлении. Вот только забыла, что он давно уже не ребёнок. Но всё равно стало чертовски приятно, что она беспокоится и заботится. И хорошо, что не предложила перенести их маленький праздник, а то бы он точно психанул.

— Хорошо, — согласился. — Извини за пса, но не смог пройти мимо, — повiniлся он.

Людмила мягко улыбнулась персонально для него. Мотнула головой.

— Он чудной. Правда, никогда не думала о собаке. — Промолчала, что им самим иногда есть нечего. Стыдно как-то признаваться в таком. Ничего, всех прокормит. Улыбка её стала смущённой. — Но с тебя будка. У нас её нет.

Игнат согласно кивнул.

— Сделаем, — подумав, добавил: — Вольер.

— Зачем? — удивилась Людмила. — И будки хватит. Он же маленький.

— Это пока. Он нечистокровный овчарка, — признался, будто в воду нырнул.

Она растерянно хлопнула ресницами раз, другой.

— Он же меня вместо обеда съест, — на полном серьёзе сказала она.

Игнат усмехнулся. Даже меньше хмуриться стал.

— Не съест. Я... мы не позволим, — исправил сам себя.

По Людмиле было видно, что не поверила. Да спорить не стала. Толку? Ведь она уже не раз думала о том, что он уедет когда-нибудь обратно к себе в город. В этот раз он уехал на несколько дней. В следующий может уехать на месяц или год. Он не привязан к этому месту, как они. Да и наскучит ему всё это, когда нога полностью восстановится. Даже если не восстановится, то всё равно наскучит. Не может взрослому и состоятельному мужчине нравиться постоянно жить в их глухомани.

Пока было решено, что щенок эту ночь переночует в сарае, а завтра они уже приступят к его благоустройству.

Внимание мальчишек было полностью сконцентрировано на новом друге. Правда, Игнат их сразу строго предупредил, чтобы братья не тискали щенка. Он не игрушка. Должен вырасти настоящим сторожевым псом. После этих слов, Лёшка нахмурился и выдал:

— Его же тренировать нужно?

— Да, — подтвердил Игнат и, достав из кармана джинсов телефон, протянул ему. — Посмотрите какие-нибудь обучающие видео. Овчарки умные. В одном из пакетов есть для него лакомства. Вот и пробуйте тренировать. Что он там должен уметь в два месяца? — нахмурился и он.

Людмила тихонько хмыкнула. Она уже давно заметила, что её старший сын и Игнат одинаково хмурятся. Или ей только так кажется?..

В следующее мгновение она тоже нахмурилась. Лакомства? Он уже потратился на её собаку?

— Что ты ещё купил для него? — втиснулась в их беседу она.

Игнат беспечно пожал плечами.

— Игрушки, корм, ошейники, намордники, — перечислил он.

— Для моей собаки? — нахмурилась она ещё больше.

— Я же его привёз, — верно подметил.

— Ладно, — не стала спорить. Развернулась, направилась к пакетам. Нашла нужную сумку. Открыла крышку кастрюли, чтобы удостовериться в своём предположении. Правильно. Маринованное мясо. Собралась уже поднять её и отнести в кухню, как была оставлена. Подняла на подошедшего Игната удивлённый взгляд. Он не спешил убирать руку, которой осторожно вцепился в её кисть. Смотрел на неё исподлобья.

— Она тяжёлая, — пояснил он свой поступок.

— Не тяжелее двенадцатилитрового ведра, — хмыкнула Людмила.

— И всё же, — настоял Игнат.

— Хорошо. Что мне можно взять? — не стала и здесь спорить, поймав себя на мысли, что уж слишком покладистой стала. Но только с этим конкретным мужчиной.

Он задумчиво осмотрел все привезённые пакеты. Отрицательно мотнул головой.

— Ничего, — припечатал категорическим ответом. И тут же перевёл тему: — Торт испекла?

— Конечно, я же обещала.

Он поблагодарил её взглядом. Да таким мягким, что Людмиле перехотелось даже мысленно раздражаться. Он же о ней заботится! А она... она уже успела отвыкнуть за прошедшие дни. Хотя и скучала. Всё поглядывала в сторону калитки, в надежде, что он придёт...

Она поначалу боялась, что её мальчишки разобьют дорогуший телефон Игната. Тот на этот счёт вообще не переживал. Только показал, где у него ютуб и занялся своими делами. Пашка всё время был со щенком. Лёшка хоть иногда, но прибегал к взрослым, чтобы задать стандартный вопрос: чем помочь?

Дед приковылял довольно быстро. Уселся на лавке и с блаженной улыбкой стал наблюдать за пацанами, иногда вставляя свои советы. Мальчишки не смогли долго находиться подалеже от него. Сами прибежали. Уселись по обе стороны. Пса отпустили на волю. Хватит с него на сегодня тренировок. Пусть отдыхает. Тот и отправился исследовать территорию. Пашка последовал за ним, боясь, что убежит. Лёшка же остался подле деда. Аккуратно отложив телефон Игната в сторону, посмотрел на старика. Смущённо попросил рассказать что-то интересное. Леонид Захарович с удовольствием начал очередное повествование своих приключений.

Игнат занимался костром, овощами и мясом. Людмила видела, как ему трудно стоять. Но он с упрямством осла продолжал делать вид, что всё в порядке. И её это злило. Хотелось подойти и накричать на него, чтобы перестал так наплевательски относиться к своему здоровью. Но в то же время она восхищалась его силой духа. Наверное, именно поэтому засунула свои нравоучения поглубже и ушла в кухню. Ей тоже есть чем заняться. Например, торт украсить. А ещё сварить картофель и нарезать салат. К тому же Игнат опять привёз всяких вкусностей, о которых не стоит забывать.

В общем, полностью погрузившись в готовку, она даже не заметила, как сперва начала

тихонечко напевать себе под нос (хотя её малышки в саду радиоприёмник включили), а потом как у неё появился наблюдатель. Случайно поймала его с поличным, когда обернулась, чтобы взять кухонное полотенце со спинки стула. Вздогнула.

— Извини, не хотел напугать, — примирительно произнёс Игнат.

И даже выдавил из себя скупую улыбку. Взгляд в самом начале отвел в сторону. Но она успела заметить, куда он направлен. Тряхнула головой. Быть этого не может! Нет, ей явно это померещилось.

— Дед с Лёшкой пообещали за мясом присмотреть. А я к тебе на помощь, — вновь заговорил он. Отлепил плечо от косяка, на который опирался и шагнул вглубь кухни. Опять покривился, хотя и видно было, что пытался держать лицо.

Людмила кивнула. Небрежно бросила полотенце себе на плечо и шагнула к нему. Всё, больше она не может игнорировать его боль. Взяла за руку. Потянула на себя, а потом подтолкнула к стулу. Игнат смотрел удивлённо, но не противился. Она же быстренько достала нужный нож и разделочную дощечку.

— Сыр и колбаса на тебе, — сказала строго.

Он усмехнулся одними уголками рта.

Командирша.

Сама же вернулась к прерванному занятию. Отвлеклась опять, позабыла о его присутствии довольно быстро. Наверное, потому что рядом с ним было комфортно. Снова замурлыкала себе под нос, но тут же замолчала. Резко обернулась к Игнату. Он спокойно продолжал нарезать сыр.

Встрепенулась.

— Ты сегодня ел? — спросила обеспокоенно.

Утвердительно кивнул.

— Завтракал вместе с Демьяном, — ответил вслух.

Благодаря мимолётному взгляду, увидел, что Людмила нахмурилась.

— Плотно позавтракал, — дополнил он свой ответ.

Кажется, поверила, но не точно. По крайней мере, кивнула. Отвернулась. А потом послышался её тяжёлый вздох. Подошла к холодильнику. Достала из него пищевой контейнер. Оттуда — две идеально круглых котлет. Положила их сверху куска батона. Протянула Игнату.

— Хоть так перекуси.

— Спасибо, — искренне поблагодарил он.

Вредничать не стал. Тут же принялся за бутерброд. Даже зажмурился от удовольствия. Как же он скучал по её стряпне! Съел и не заметил. А она уже второй ему протягивает. Он и этот взял.

— Больше не надо. Спасибо.

Людмила кивнула. Убрала контейнер обратно. Налила в стакан компот, который сварила ещё вчера вечером. Вкусный, между прочим. Ей самой понравился.

Игнат тоже оценил. Опять поблагодарил. И не только словами, но и мягким взглядом. Улыбнулась в ответ.

— Как дела на работе? — не смогла молчать она.

— Нормально, — отозвался небрежно, поведя плечом. Хотя, и приятно стало, что она поинтересовалась. — Заказчик капризный просто. Старый дяденька, а ведёт себя как избалованная принцесса.

— Бывает... А что заказал у вас? — спросила осторожно. Чертовски было интересно узнать, кем и где он работает. Всё узнать о нём. В мельчайших подробностях, да только как-то некрасиво расспрашивать.

— Спальню, гостиную и кухню.

— Ты занимаешь дизайном интерьера? — искренне удивилась Людмила. Повернулась к нему, ожидая ответа.

Он отрицательно мотнул головой.

— Мы изготавливаем мебель. Конечно, по собственному дизайну, но я им не занимаюсь. Когда только начинали, пробовал, да только мне больше нравится работать руками, нежели что-то придумывать, — пояснил он.

— А в какой фирме работаешь? — склонив голову к правому плечу, задала следующий вопрос.

— В своей, — не раздумывая, ответил Игнат и только потом осознал это. Поднял голову, чтобы посмотреть на её реакцию.

М-да, поверг женщину в шок. Она так забавно начала хлопать ресницами, что он не смог сдержать улыбки.

— Не ожидала? — переспросил.

— Если честно, нет, — призналась Людмила. — Конечно, понимала, что ты состоятельный человек, раз можешь позволить нанять столько рабочих, но... И большая у тебя фирма?

Игнат неопределённо пожал плечами.

— На жизнь хватает, — всё же озвучил он.

— И на все её прелести, — буркнула она себе под нос, отворачивая к столешнице. Взяла нож. Рука дрогнула. Как-то совсем грустно стало от осознания того, что он точно надолго в их селе не задержится. Хоть бы до осени остался.

Тряхнула головой. Нет, если Леонид Захарович заказал подарок на его день рождения, то точно должен здесь пробыть до середины осени. Или нет?

И почему её так волнует этот вопрос?

Она так ушла в свои мысли, что не услышала, как Игнат поднялся со своего места и приблизился к ней. Остановился за спиной. Заглянул ей в лицо через плечо.

Сильно вздрогнула, когда заметила его периферийным зрением. По инерции отшатнулась, но тут же зашипела, ударившись о столешницу. В это же мгновение Игнат положил свою ладонь на её живот и дёрнул на себя.

— Извини, не хотел тебя напугать, — сказал ей на ухо. Кожу обожгло его горячее дыхание, вызывая в её теле невольную дрожь.

— Что-то хотел? — решила она не акцентировать внимание на произошедшем. Почувствовала, как он пожал плечами.

— Просто стало интересно, что ты делаешь, — озвучил он ответ.

Удивил.

Людмила через плечо оглянулась на него. Лучше бы этого не делала. Игнат не выпрямился во весь рост. Так и стоял, будто укрывал её от всего остального мира. И из-за этого их лица оказались непозволительно близко. Даже показалось, что его губы прошились по её волосам.

Опять вздрогнула. Почему он не отходит? Хорошо хоть в глаза ей не смотрит, а прямо — в салатник.

Отвернулась. Прочистила горло. Скосила взгляд на его руку, как бы давая понять, что так стоять не прилично. Хотя и волнительно. Когда её в последний раз обнимал так мужчина? Лет тысячу назад.

Игнат убрал руку резко. Также резко отступил. Пошатнулся, неудачно встав на правую ногу. Вдохнул сквозь крепко стиснутые зубы. Но это не заставило его вести себя осмотрительней, нет. Порывисто развернулся, держась за спинку стула, и шагнул к выходу.

— Пойду, посмотрю как у них там дела, — стараясь, чтобы голос звучал ровно, обронил он.

Людмила только коротко кивнул, опустив голову и слушая его отдаляющиеся шаги. В голове повторяется один и тот же вопрос: что это было? Стечение обстоятельств?

Вздохнула. Уперлась ладонями в край столешницы. Протяжно и как-то разочарованно выдохнула. На миг прикрыла глаза, а потом посмотрела на свой живот. Туда, где совсем недавно лежала ладонь Игната.

Тряхнула головой. Фантазёрка и мечтательница.

Их маленький праздник удался на славу. Мясо было божественным. Закуски вкусными. Торт — сладким. В общем, все остались довольны. Особенно мальчишки. Они так набегались, получили такую массу впечатлений, что уже к девяти часам вечера оба начали клевать носами. Людмила это сразу заметила. Вздохнула украдкой. Вставать из-за стола не хотелось, хотя уже давно никто не ел. Просто сидели, пили маленькими глотками малиновый компот и болтали. Дети иногда прибежали, чтобы урвать со стола соломку огурца или кусочек сочного шашлыка. А тут, прибежали, сели по обе стороны от деда и притихли, подперев руками головы.

Что ж, любой праздник имеет свойство заканчиваться. Вот и их подошёл к своему логическому завершению. Она уже привстала, чтобы погнать сыновей в душ и спать, но Леонид Захарович её остановил движением руки.

— Сиди, я сам за пацанами прослежу, — пояснил он свой жест.

Людмила удивилась, но послушно опустила на стул.

— Спасибо, — смущённо поблагодарила.

— Мне в радость, — отмахнулся дед. — Сто лет ни за кем не ухаживал. Идём, детвора, я вам расскажу одну очень увлекательную историю вместо сказки на ночь.

Мальчишки пошли. Вернее, побрели. Лишь раз обернулись, чтобы подарить маме любящие улыбки. Людмила ответила такой же в ответ. Мельком взглянула на молчаливого Игната и всё же решила встать. Пора убирать со стола. Он без слов её понял. Начал помогать. В четыре руки перемыли всю посуду, хотя ей и было совестно, что гость помогает. Игнат же был непреклонен. Ели все, а убирать ей одной? Нет. Ему совесть не позволит просто сидеть и наблюдать за нею.

Управились быстро. Потом она тихонечко подошла к двери детской. Прислушалась. Услышала воодушевлённое повествование деда. Что ж, можно ещё немного посидеть на улице, если, конечно, гость согласится.

— Чаю? — предложила, обернувшись к Игнату, что тенью следовал за нею.

Отрицательно мотнул головой.

— Лучше компот. Душно, — пояснил он.

Людмила кивнула. Быстро проскользнула мимо него. Взяла в холодильнике графин с напитком и два стакана. Графин забрал Игнат, при этом наградил её таким укоризненным взором, будто она не тару в два литра взяла, а в двадцать.

Смешной. Заботливый и смешной. Но говорить об этом ему не стала. Пусть ухаживает за ней, раз нравится. Ей приятно. Очень приятно. Благодаря нему она вновь стала чувствовать себя женщиной. Пусть и замученной, но женщиной. Правда, осознание того, что нравиться она ему не может априори, всё же портило это сладкое ощущение.

Они прошли в сад. Разместились на лавочке. О компоте благополучно забыли, стоило его только поставить.

Людмила расслабленно откинулась на спинку, задрала голову на ночное небо, на котором с каждой минутой появлялось всё больше и больше звёзд. Удовлетворённо улыбнулась. Прикрыла глаза. Ей так комфортно было в обществе молчаливого Игната, что, кажется, она и позабыла о нём. Всего на несколько продолжительных мгновений, но всё же.

Быть может, её симпатия к нему — это не увлечённость, а просто какое-то родственно

чувство? Разве она не должна его стесняться? Робеть? И всё в таком же роде.

Вздыхнула. Покосилась на своего соседа по лавке. Он тоже наслаждался ночным пейзажем. Всё же он какой-то неправильный мужчина. Или это она правильных до него не встречала?..

Усмехнулась. Придвинулась к нему и положила голову на плечо. Нет, всё же с каждым новым днём ей всё уютней и уютней с ним. словно тысячу лет они дружат.

Она отчётливо почувствовала, как Игнат опустил голову и посмотрел на неё. Точно посмотрел. Хмыкнул. А потом неожиданно уткнулся носом в её макушку. Вдохнул глубоко.

На секунду ей стало неловко. Она же вся пропахла дымом!

Позабыла об этом, когда он аккуратно повёл плечом, а после того, как она немного отстранилась, запрокинул руку и бережно приобнял её за плечи. Теперь она лежала на его груди.

Ей бы начать переживать, что такое поведение неприемлемо, да лень. Ничего же провокационного и пошлого нет в их объятиях. Главное, что удобно, всё остальное — ерунда.

Сидели долго. Иногда перебрасывались короткими фразами. Иногда показывали пальцами на падающие звёзды. Но по большей части сидели в умиротворённой тишине. В такой идиллии, о которой многим остаётся только мечтать. Первой встрепенулась Людмила. Подскочила на ноги, когда поняла, что начала дремать. Ни телефона, ни часов не было, чтобы посмотреть время. Также резко крутанулась на пятках, поворачиваясь к удивлённому Игнату лицом.

— Поздно уже, наверное, — неуверенно пояснила она.

Игнат задумчивым взглядом сверлил её с минуту, потом кивнул.

— Пора расходиться, — с нескрываемым сожалением добавила, видя, что он так и шелохнулся.

Он снова кивнул, но не сдвинулся с места. Так и продолжал расслабленно сидеть, держа руку так, будто до сих пор обнимал её. А потом она и опомниться не успела, как он дёрнул её на себя. Людмила ойкнула и приземлилась к нему на колени. Услышала, как он шумно втянул воздух через нос. Наверное, больно сделала его ноге. Хотела вскочить, да не позволил. Удержал, крепко прижав к себе. Сказать, что она опешила от всех его действий — это тактично промолчать. В недоумении заглянула ему в глаза, хотя это и трудно было сделать в темноте. Но всё же смогла увидеть, как один угол его рта приподнялся вверх в кривоватой усмешке.

Хлопнула глазами. Открыла рот, чтобы напомнить ему о травме и о том, что в ней не два килограмма веса. Не успела. Он опять её шокировал тем, что в ласковом жесте коснулся её щеки своей ладонью. Обхватил её лицо так, будто намеревался её поцеловать.

Нет! Им этого нельзя делать. Шарахнулась от него как от огня. Он не отпустил. Только разочарованно вздохнул.

— Нам не стоит, — прохрипела она, пряча от него глаза. Поняла, что ему не пришлось по душе её слова. Однако промолчал. На мгновение усилил хватку своей руки, а потом разжал, давая ей свободу.

Людмила отскочила от него на полметра точно. Выдохнула. Открыла рот сказать опять что-то, да так и замерла. Поняла, что почувствовала острое сожаление. Вот же она глупая! В кои-то веке мужчина захотел её поцеловать, а она как монашка испугалась. Хоть бери и теперь сама садись к нему на колени и целуй. Но она же не осмелится. Побоится. Да и

правильно она сказала: им не стоит усложнять их отношения. Испортят всё.

Мысленно отругала себе. Перевела дыхание.

— Надо посмотреть, где там Леонид Захарович потерялся, — прочистив горло, произнесла как можно спокойнее.

Увидела, как Игнат встаёт, при этом морщась от явной боли. Захотелось шагнуть к нему и вцепиться в руку, чтобы поддержать. Усилием воли заставила себя остаться на месте. Знала, что он не любит жалости.

Она пошла впереди по тропинке. Он — шаг в шаг за нею. Чувствовала затылком его прожигающий взгляд, но стала отрешиться от него. Хотя всё же один раз передёрнула плечами.

В дом вошли всё в том же молчании. Людмила тихонечко заглянула в детскую. Дед спал на кровати Лёшки. Её сыновья — на Пашкиной.

Вздыхнула. И что ей делать? Приоткрыла дверь ещё шире, давая и Игнату заглянуть. Он тихо хмыкнул, узрев эту картину.

— И что нам делать? — спросила шёпотом.

— Пусть спят, — таким же шёпотом отозвался Игнат, на неё так и не взглянув. Отступил, уходя из её личного пространства. — Я пойду домой. Поздно, — огорошил.

Людмила в растерянности моргнула раз, второй. Нет, она понимала, что ему уже пора, но... Что «но» запретила себе обдумывать. Кивнула.

Игнат сделал ещё один широкий шаг назад, отчего её сердце в груди замерло. Ей буквально захотелось прокричать свою просьбу, чтобы он остался. Закусила губу, запрещая себе быть слабой. Хватит. Она была такой восемь лет брака. Больше она не имеет такого права. От неё зависит благополучие её сыновей. Ей некогда влюбляться.

Улыбнулась, наблюдая, как он отворачивается от неё и ещё дальше отдаляется. Такое ощущение, что он уходит не к себе домой, а навсегда. Провожала его спину, погрузневшим взором, и улыбалась так же грустно. Когда до неё донёсся хлопок, означающий, что гость покинул пределы дома, судорожно выдохнула. Дрожащей рукой поправила растрёпанную причёску и на нетвёрдых ногах поплелась к себе в комнату.

На кровати сторбленной старушкой просидела минут пять, не больше. Вздыхнула. С тоской глянула в чёрное окна и заставила себя подняться. Несмотря на насыщенный день сна ни в одном глазу. Странно, но вязать тоже не хотелось. Хотя, обычно пальцы зудели постоянно, если азарт был связать очередную красивую вещь. В этот раз вещь получалась очень красивой и качественной. И Людмила не раз, рассматривая свой незаконченный труд, представляла как он «сядет» на фигуру Захарова. В фантазиях всё было не просто красиво, а идеально.

Сейчас же она даже не глянула на пряжу. Прихватила с собой любимую шаль, отыскала средство от комаров и мышкой выскользнула из дома. Остановилась. Вдохнула глубоко и с наслаждением. Улыбнулась. Сейчас она посидит на улице ещё немножко и пойдёт спать. У неё, вообще-то, отпуск, а она себе ни разу не позволила поспать подольше. Как робот встаёт в пять утра и до самого позднего вечера вертится с домашними делами, как юла. Не дело это. Так и жизнь вся пройдёт, а она и не заметит. Будет потом сожалеть.

Пройдя по тропинке в сад, осмотрела свои владения. Всё же уютно у них. Небогато, но уютно. И чисто. На огороде и в палисадниках ни одного сорняка. Ну, если не считать мелочь, что уже начала опять расти из-под земли. С понедельника придётся в очередной раз взяться за прополку.

Погружённая в свои мысли, не сразу заметила, что в саду кроме неё ещё есть кто-то. Увидев, сидящего на лавке человека, вздрогнула и отскочила назад, прижав шаль к себе, как сокровище.

— Извини, — раздался в темноте знакомый мужской голос.

Людмила настороженно шагнула к нему, щурясь, чтобы лучше приглядеться к тёмному силуэту. Зря она фонарь не включила.

— Я думала, что ты ушёл, — прохрипела, стараясь успокоить своё бедное сердце.

— Ушёл, но не далеко, — хмыкнул он.

— Нога разболелась? — предположила она самое худшее для себя.

— Нет. Просто не захотел.

И всё. Больше ни слова объяснения. И как это понимать? У неё ещё одной кровати в доме нет, чтобы и его уложить. Нет, есть диван в зале, на котором спал покойный муж последние пять лет перед своей смертью. И не сказать, что Людмила его выгнала туда спать, нет. На такой поступок она не решилась бы — уж слишком опасалась пьяного муженька. Он сам как-то там уснул, а потом заявил, что без неё выспался намного лучше. Никто не толкал его всю ночь, с просьбами не храпеть и перевернуться на бок. В общем, переселил себя Геннадий сам. А потом так же сам забыл о супружеском долге. Хотя и до этого о нём вспоминал крайне редко и только на трезвую голову. Примерно, раз в полгода. Чаще ему не хотелось. Бутылка с водкой была интереснее, чем родная жена и сыновья. Если честно, Людмилу устраивал такой расклад. Правда, порой она всё же тосковала по мужской ласке. Радовало, что накатывала на неё такая тоска ещё реже, чем желание мужа заняться с ней сексом. И без этого хлопот хватало. Да и после смерти супруга она как-то не задумывалась, чтобы хотя бы завести себе любовника. Возможности были. Желания — нет.

— Могу уйти, если хочешь, — опомнился Игнат, когда они уже несколько минут сидели плечом к плечу в темноте.

— Нет, — мотнула она головой. Дотянулась до графина с компотом, который они так и не унесли в дом. Открыла, налила себе стакан. Подумав, безмолвно предложила и гостю. Он, помешкав, принял, поблагодарив кивком.

Утолив жажду, она отставила стаканы обратно. Выдохнула, радуясь, что он не собирается поднимать тему её трусости. Вместо этого он спокойно притянул её к себе, и она опять оказалась в уюте его объятий. Умиrotворённо выдохнула. Пристроила голову на его груди, предварительно положив на неё и руку. Слушала его спокойное сердцебиение и думала, что сколько угодно она может себя обманывать, а от действительности не убежать. Она не дура, хоть и трусиха, и прекрасно понимает, что Игнат приручает её к себе. Стал приручать, если не с первой, то с третьей их встречи точно. И пусть, быть может, он сам этого ещё не осознаёт, но факт в том, что он целенаправленный мужчина — никто не отменяет.

Ранним утром, когда солнце только начало выкатываться из-за горизонта, а петухи в селе устроили перекличку, Пашка проснулся от того, что захотел в туалет. Сонно протерев глаза, отпихнул от себя одеяло. Хмуро глянул на старшего брата, что занял почти всю кровать. Вздохнул. Посмотрел на соседнюю. Дед сладко похрапывал, пуская слюни.

Перелез через брата, зевая. Босыми ногами прошлёпал до двери. Вышел уверенно, а потом резко остановился посреди зала. Задумчиво стрельнул глазами на диван. Не примятый. Вздохнул. На носочках прокрался к комнате мамы и, тихонечко приоткрыв дверь,

заглянул. Она спала, лёжа на боку и подложив ладонь под щеку. Внимательно осмотрел всю комнату, явно что-то ища. Безуспешно, увы.

Разочарованно вздохнув, продолжил свой путь. Зайдя в ванную комнату, посмотрел на своё отражение в зеркале и лучезарно улыбнулся. В светлых глазах заплясали озорные искорки, а уголки рта норовили встретиться с ушами. Всё, о сне можно забыть. Пашка окончательно проснулся, и энергия требует выхода, а желудок — полноценного завтрака. Но это всё после, а пока его распирало желание найти Малыша и потискать его. Он рванул на улицу с предвкушением и озорством. На миг остановился на крыльце, чтобы осмотреться. А куда они вчера дели щенка? Напряг память.

Хм. За ужином пёс прятался под столом. В основном, у ног Игната. А потом? Куда его спрятали мама и дядя Игнат?

В растерянности он обошёл весь двор и сад, зовя пса по имени. Конечно, не сообразил, что животное не успело за столько короткий промежуток времени привыкнуть к своему новому имени. Поиски не принесли никаких результатов. В панике Пашка бросился обратно в дом. С грохотом забежав в комнату, переведя дыхание, прокричал:

— Лёшка, пёс пропал! Мы вчера забыли о нём!

Встрепенулся Леонид Захарович на кровати. Сел, опустив ноги на пол и по-детски протёр глаза. Нахмурено глянул на пацанёнка, что в любой момент готов был разрыдаться.

Старший, то ли из-за того, что только проснулся, то ли по другой причине, но прохладно отнёсся к словам брата.

— Я везде искал! Его нигде нет! — Пашка всё же захныкал.

— Не реви, — строго прорычал раздосадованный Лёшка. — Ты пацан или тряпка? Не реви, кому говорю!

Он резво вскочил на ноги, натянул шорты и майку. Пригладил ото сна волосы и, бросив негодующий взгляд на младшего, стремительно вышел из комнаты. Осмотрел каждый угол дома. Даже у матери в комнате. Во дворе и в саду заглянул под каждый куст. Всё тщетно.

На скамейку буквально рухнул, а не сел. Потухшим взглядом посмотрел на коробку, которую приготовили они вчера в качестве спального места псу. Шмыгнув носом. Он бы с радостью и сам пустил слезу злой обиды. И не из-за того, что щенок пропал, хотя его было жалко. Нет, злился он в первую очередь на себя. И в очередной раз разочаровался в самом себе. Опять позволил себе забыться, опять подвёл всех. Перед Игнатом особенно стыдно. И как теперь тому смотреть в глаза.

Зажмурился, мечтая, чтобы произошло чудо, и Малыш выбежал из какого-нибудь укромного места. Сжал доску скамьи до побелевших костяшек.

Мало того, что маму постоянно разочаровывает, так теперь ещё и Игната. Какой же он всё-таки бесполезный...

Леонид Захарович вёл себя непривычно тихо. И строго. Младшему запретил будить мать. К старшему не лезть. Пашка сидел растерянный рядом со стариком. Всё его тянуло продолжить поиски, хотя и понимал, что бессмысленно. В итоге нервы сдали и, уткнувшись деду в плечо, он тихонечко всхлипнул. А когда тот обнял его одной рукой за плечи, а второй начал гладить по голове, утешая, зарыдал навзрыд.

— И что тут за трагедия произошла? — раздался удивлённо-спокойный голос Игната.

Дед с Пашкой вздрогнули от неожиданности и тут же вперились в него пытливыми взорами. А Лёшка опустил голову, стыдясь посмотреть гостю в глаза. Все молчали, чем продолжали удивлять Игната ещё больше, а потом он похолодел от предположения:

— Что-то с Людой? Где она?! — И неуклюже развернулся, намереваясь броситься искать хозяйку.

— Мы пса потеряли, — вскочив на ноги, не своим голосом признался Лёшка. — Простите. Я не уследил. Забыл о нём, — покаялся, опустив голову ещё ниже. Вжал её в плечи, будто ожидал хорошего подзатыльника.

Игнату понадобилось около минуты, чтобы утихомирить сердцебиение и выдохнуть с облегчением. Повернулся обратно. Мельком взглянул на притихших двоих, что продолжали сидеть в обнимку. Потом перевёл внимание на Лёшку, что стоял в стороне от них. Словно брошенный, никому ненужный. Подошёл к нему, положил руку на плечо, от чего мальчишка вздрогнул.

— Он в переноске. У крыльца. Я наткнулся на него возле калитки, когда уходил вчера. Не стал возвращаться. Забрал с собой, — мягко проговорил он. — И ты ни в чём не виноват. Мы все о нём вчера благополучно позабыли. Наверное, никто из нас не привык к такой ответственности. Будем всему учиться вместе. — Заканчивал он говорить уже с явной улыбкой в голосе.

Лёшка несмело поднял голову и натолкнулся на тёплый и одобряющий взгляд мужчины. Это обескураживало. Нет, не это. А то, что для него стало важно, что о нём думал этот посторонний мужчина. Каким он его видит. Теперь хотелось быть лучшим не только для мамы, но и для Игната. Да даже для деда. Чтобы они все гордились ним, Лёшкой.

— Я буду стараться, — клятвенно выдавил себя он, проглотив ком в горле.

— И я буду! — с воодушевлением выкрикнул со своего места младший.

Игнат каждого из них одарил благодарно-одобрительным взглядом. Посмотрел на деда. Мысленно хмыкнул.

— Мы все будем стараться и учиться ухаживать за новым членом семьи. А дед будет нашим самым главным примером. Да, дед? — Не смог он промолчать, видя самодовольное лицо родственника.

Леонид Захарович крикнул, открыл рот, чтобы возразить. Мол, делать ему, что ли, больше нечего, как за псом приглядывать? Да так и заткнул его. Пашка смотрел на него с таким восторгом, что разочаровывать пацанёнка он не посмел. Но украдкой показал племяннику кулак. Тот только иронично хмыкнул.

— Так. Раз все уже встали, то приступим сразу к делу. С минуту на минуту принесут всё нужное для вольера. Пацаны, проследите, чтобы всё аккуратно сгрузили. И покажите место, куда именно сгружать материал. Дед пока нянчится с щенком. Кстати, а где ваша мама? — обратился он непосредственно к Лёшке.

— Спит ещё. Леонид Захарович не разрешил её будить, — поспешил ответить за брата младший.

Игнат кивнул, принимая его слова к вниманию, а за одно и своим мыслям.

— Тогда завтрак на мне. Не против яичницы?

— Нет! — отозвались все.

— А мне ещё кофе не забудь, — добавил самый старший в их компании.

— Кофе вреден. Тебе тем более. Будешь вместе со всеми пить компот, — отрезал Игнат, увлекая за собой Лёшку.

Не мог он спокойно реагировать на удручённый вид мальчишки. Хотелось его прижать к себе и успокоить. Да не был уверен, что имеет на это прав. А ещё уже давно заметил, что именно к старшему из братьев он больше всего прикипел душою. Слишком уж взрослым и

ответственным Лёшка был для своего возраста. Интересно, он всегда таким рассудительным был? Или стал таким под воздействием обстоятельств? Пашка-то ребёнок, как и должен быть для своего возраста...

Пока шли по дорожке, Игнат дал несколько незначительных наставлений мальчишке, чтобы тот понял и почувствовал, что несмотря ни на что, а ему всё равно доверяют и верят. Конечно, поручения были смешными: приглядывать за дедом, а то тот хуже дитя, ну и за рабочими, чтобы всё необходимое привезли. Не забыл перечислить и перечень материалов. Лёшка важно закивал, когда он замолчал.

— Но сперва навести порядок в комнате и умыться, — поставил точку в своём монологе Игнат.

— Хорошо, — согласился и, обернувшись, позвал брата. Пашка, сияя лучезарной улыбкой, тут же сорвался с места.

— Дед! Тебе особое приглашение? Щенок уже заскучал в одиночестве, — окликнул старика Игнат.

Тот, бурча что-то себе под нос, медленно двинулся в их сторону.

Мальчишки, естественно, мимо пса не смогли пройти. И если Лёшка спросил разрешения немного задержаться, то Пашка в этот момент уже доставал пса из переноски.

— Не долго, — разрешил Игнат, заходя в дом.

Ему бы сразу пройти в кухню, помня желание остальных дать матери семейства поспать, но как это сделать, если его словно магнитом тянет в её комнату? Хотя бы на мгновение заглянуть и посмотреть на неё. Полюбоваться. Да, блин, не только полюбоваться он хотел. С превеликим удовольствием бы разбудил поцелуем. Но нельзя. Пока нельзя.

Напрасно он надеялся на маленькое везение. Зря. Он даже не успел миновать половину коридора, как его окликнул Лёшка. Пришлось остановиться и обернуться. Мальчишка смотрел настороженно.

— Что? — выдавив из себя вполне искреннюю улыбку, спросил Игнат.

— Вам помочь? — робко отозвался старшенький.

— Нет, спасибо.

Лёшка с мгновение колебался, потом кивнул и вновь выбежал во двор, а Игнат решил, что рисковать больше не стоит.

В кухне он уже довольно хорошо ориентировался. Не зря не раз наблюдал за Людмилой во время готовки. Проинспектировав холодильник, поймал себя на мысли, что очень хочется закупить разных вкусностей, чтобы заполнить его и морозилку. Да только хозяйка будет возмущаться. Её расстраивать категорически не хотелось, поэтому свои желания пришлось задушить на корню. Достав все нужные ингредиенты, принялся за готовку, время от времени, прислушиваясь к тому, что происходит на улице. Пашка заигрался. И если старший уже умылся и заправил свою кровать, о чём сообщил деду, то младший всё никак не мог оторваться от пса. Стоит ли вмешаться ему или старик с Лёшкой сами смогут утихомирить пацанёнка?

— М-мм, как приятно с утра увидеть, что в кухне хозяйничает кто-то другой, — с улыбкой в охрипшем ото сна голосе промолвила Людмила, нарушая его уединения.

От её неожиданного появления Игнат вздрогнул. И лучше бы не поворачивался к ней лицом. Заспанная, с мягкой улыбкой на лице и в каком-то лёгком светлом сарафане, который идеально сидел на её безупречной фигуре, она вызвала только одно желание: прижать к себе и поцеловать. И пока он вёл внутреннюю борьбу, Людмила плавной походкой подошла к нему и заглянула в сковородку.

— Омлет, — обрадовалась она, поднимая на него лучезарный взгляд.

«Какого чёрта?», — отстранённо подумалось ему. Жизнь одна — это он понял ещё, когда прыгал со второго этажа горящего дома. К сожалению, жизнь после этого он не стал ценить больше. Наоборот, кажется, стал ещё равнодушнее относиться к ней. Но теперь захотелось не просто дышать полной грудью, а брать от жизни всё, что ему причитается и даже больше.

Как-то естественно получилось притянуть её за талию и, ошеломлённую, мимолётно, но жадно поцеловать в чуть приоткрытые губы.

— Теперь утро и впрямь доброе, — с улыбкой резюмировал он.

Людмила, в растерянности хлопнув пару раз ресницами, бросила быстрый взгляд на выход, а потом в окно. Упёрлась ладонями ему в грудь и с мягким возмущением тихо потребовала:

— Отпусти. Вдруг мальчишки прибегут. Или Леонид Захарович. Как мы будем оправдываться?

— А зачем оправдываться? Скажем как есть. Я хочу стать частью вашей семьи, — как само собою подразумевающее сказал Игнат, внимательно следя за её реакцией.

— Что? — в неверии выдохнула Людмила, ещё сильнее надавливая ему на грудь в попытке получить свободу.

Вздыхнув, он всё же позволил ей это сделать. Но, поймав за руку, не позволил далеко отойти. Сжал крепко её кисть. Улыбкой постарался успокоить её.

— Слишком неожиданное и откровенное признание? — с усмешкой поинтересовался он. — Но я же вчера не скрывал, что хочу большего, чем просто сидеть вдвоём на лавке, — верно подметил.

— Но... — в растерянности протянула она, не зная, что сказать. Ни единой правильной мысли. Только, почему-то, одна эйфория от его признаний и эмоций, что так непривычно ярко отражались в глазах. — Дай мне время подумать, — всё же сказала не то, что хотелось на самом деле.

Он согласно кивнул. На короткий миг крепче сжал её ладонь и отвернулся.

— Зови всех завтракать, — велел, наигранно отвлекаясь на приготовление кофе.

Людмила кивнула, хотя и понимала, что он не видит её жеста, но с места не сдвинулась. Стояла и смотрела на напряжённые плечи, на позвонки, что отчётливо проступали на шею, на стриженный затылок и улыбалась.

Желание подойти и прижаться к его спине было таким огромным, что только из-за природной стойкости и вредности она этого не сделала. Только улыбнулась ещё шире и поспешила сбежать. Нет. Такие решения всё же не принимаются спонтанно. Тем более не в её возрасте и не в её положении. Нужно всё здраво обдумать и взвесить. Ну, и только потом согласиться. Другого ответа мироздание, похоже, просто не даёт.

Нет, кто бы мог подумать, что знакомство с новым угрюмым клиентом обернётся так. Точно не она. И... ну, зачем лукавить, такое развитие событий её безмерно радовало. Приятно быть для кого-то не просто безликой соседкой, а той, на кого смотрят с такой нежностью. Хотя, всё как-то неожиданно. Вроде бы они совсем мало знакомы. Почти не знают друг друга. Да и дети у неё. Не маленькие, а уже почти подростки. И их мнение тоже надо учитывать. И даже если ей кажется, что Игнат им нравится, то всё равно нужно с ними поговорить. Они у неё хорошие и умные ребята, обязательно поддержат, если чувствуют искренность со стороны её потенциального жениха. А ещё надо бы узнать мнение Леонида Захаровича. Да и с Ингой бы поговорить по душам. Ей нужно кому-то высказаться, чтобы проанализировать всё и услышать мнение со стороны.

Да. Пора действительно звать подружку в гости. Сегодня же. На вечер.

Отправив голосовое сообщение Инге, она позвала детей и Леонида Захаровича завтракать. Сама же по большей части лениво хлебала кофе и задумчиво наблюдала за всеми, подмечая такие необходимые для себя детали. Например, они все смотрятся, как одна большая и дружная семья. Пашки ведёт воодушевлённый разговор с дедом. Лёшка что-то серьёзно обсуждает с Игнатом. При этом ни одним из мужчин не забывает о ней. Особенно Игнат. Поглядывает хмуро и всё время указывает на тарелку. Мол, ешь, иначе из-за стола не выйдешь. Заботится. Почти с самого начала их знакомства он буквально окутал её ненавязчивой заботой.

Да и к её сыновьям относится хорошо. К Пашке — снисходительно. А вот к старшему — более чутко и внимательно. Удивительно, но для себя Людмила успела подметить, что эти двое даже хмурятся почти одинаково.

Или это самообман? Просто её потайное желание?

Лёшке всегда не хватало внимания отца. Он хоть и выглядит у неё более серьёзным и самостоятельным, но она-то знает, какой он ласковый и ранимый. Если Пашка действует, как ему вздумается, не задумываясь о последствиях, то Лёшка всегда нуждается в

одобрении...

Нет, пока не поговорит с Ингой, никаких решений принимать не будет.

Далее день пошёл размеренно и как-то уже привычно. Младший возился с щенком, отвлекаясь на Леонида Захаровича. Лёшка с Игнатом и одним из рабочих делали вольер.

Все при деле. И она тоже успела повозиться в огороде, а ещё приготовить обед, а потом и ужин, на который Захаровы отказались оставаться. Вернее, дед с превеликим удовольствием бы остался, да Игнат в ультимативной форме приказал топать домой. И так второй день у них провели. Нужно и честь знать. Жаль, ведь Людмила ещё утром поймала себя на мысли, что ей нравится эта иллюзия семьи. Иллюзия вот такой правильной и дружной семьи.

Попрощался Игнат лишь едва заметной улыбкой и кивком головы. И можно было бы подумать, что он обиделся на неё, потому что на протяжении всего дня будто сторонился. Мало обращался непосредственно к ней. В кухню, когда она готовила, не пришёл. Хотя она и привыкла, что он часто нарушал её уединение именно в такие моменты. Ей раньше казалось, что он просто так проявляет заботу — хочет помочь. Теперь же его приходы она объясняла себе так: ему просто хотелось побыть с нею наедине. Быть может, ошибочное предположение. Но оно настолько ей понравилось, что переубедить себя не стала. В общем, увлечённые женщины те ещё мечтательницы.

А то, что он так мало сегодня с нею общался — даёт время всё обдумать, взвесить и принять решение. И за это она была ему благодарна. Хорошо, когда не давят и не напирают...

Инга явно почувствовала, что им предстоят не просто дружеские посиделки. Явилась в обнимку не только со своей маленькой дочкой, но и бутылкой вишнёвой наливки. Вишнёвку подруга делала сама. Вкусную и крепкую, что половина деревни бегала к ней, выпрашивала продать за любые деньги. Инга всем отказывала. Во-первых, потому что делала её мало. Во-вторых, не любила она местных лицемеров, а переехать возможности не было. Да и любила она деревню, но не жителей. Кажется, подруга была ещё более нелюдистой, нежели сама Людмила. Хотя Инга тот ещё живчик и излучатель позитива.

Сыновья с удовольствием принялись нянчиться с четырёхлетней Настей. И пока дети играли во дворе две подруги с комфортом устроились в самом излюбленном месте в доме — кухне.

Фрукты и шоколад — вот и вся закуска. Хотя, время ужина уже давно прошло, так что голодных не было.

— Ну, рассказывай, — милостиво махнула рукой Инга, после первого глотка наливки. Прохладная и в меру сладкая вишнёвка в этот вечер пошла на ура.

Людмила сделала ещё один глоток, глубоко вдохнула и только после этого решилась. Рассказывала подробно, вспоминая каждую незначительную деталь и свои мысли. Подруга внимательно слушая, где-то что-то уточняя, а где-то незлобно смеясь. В конце сказала:

— Не пойму, чего ты сомневаешься? Даже если у вас ничего не получится, то хотя бы немного морально, да и физически отдохнёшь.

— Мальчишки к нему уже привыкли. А если мы разбежимся? Им же несладко придётся, — высказала свои самые большие опасения Людмила.

— Несладко им было с папашей-алкашом. Да и никто не застрахован от расставаний. Мой сбежал полгода назад и ничего. Настёна, конечно, спрашивает, куда подевался папка, но без слёз. Думаю, позже вообще успокоится.

— А ты к тому времени найдёшь ей другого отца, — полушутя поддела подружку Людмила.

— Ну-у-у, — задумчиво протянула Инга, — я не зарекаюсь, но пока мне этого не хочется. Хотя, если попадётся, как твой Игнат, то я не против, — добавила с усмешкой.

Посиделки так воодушевили, что захотелось тут же пойти и сказать о своём решении. Вот только не ночью же это делать. Как она объяснит своё появление Леониду Захаровичу? Всё же жаль, что у Игната нет отдельного жилья. От мысли, что им стоит сперва попробовать построить отношения без ведома другим, она не отказалась. То ли боялась, что сглазят, то ли была настолько не уверена в себе.

Ночь казалась возмутительно длинной. Нормально поспать не удалось. Так, покемарила пару часов и всё. Привычно встала с петухами — это она вчера соней была, потому что перед этим засиделась непозволительно долго. Сегодня же энергия была ключом. Приготовив завтрак, повозилась немного в огороде. Поиграла с щенком, который пугал своим аппетитом, и уселась на лавочку, предварительно сделав чай с мятой и ромашкой. Так и просидела, нежась на солнце и улыбаясь новому погожему дню. Ну, и своим мечтам и мыслям заодно. А когда мальчишка, позавтракав и собравшись, умчались на речку, она привела себя в порядок и степенно пошагала вниз по улице. Улыбалась односельчанам, перебрасывалась с некоторыми ничего не значащими фразами, и пыталась утихомирить сердце, что как сумасшедшее стучало в груди.

Может, нужно было дождаться, когда Игнат сам придёт?..

Конечно, незамеченной ей не удалось пройти мимо рабочих. Кстати, ремонт подходил к своему логическому завершению. Ещё бы, с таким-то количеством наёмных рабочих.

Скупо поздоровавшись со всеми, она мышкой прощмыгнула в дом. На миг остановилась, осмотреться. Тишина. А вдруг Игнат уже ушёл в сад? Как-то хотелось опять под «обстрел» любопытных взглядом рабочих.

И что делать?

И что самое смешное: они с Игнатом до сих пор не обменялись номерами телефонов. Конечно, можно позвонить и спросить у Леонида Захаровича. Но это уже совсем бред.

Рассуждала, а сама уже шагала к комнате мужчины. Из слов говорливого старика она приблизительно знала, кто какую комнату занимает, поэтому сориентироваться не составило труда. Не раздумывая, толкнула дверь и, лишь перешагнув порог, подняла взгляд.

Игнат стоял возле окна. Похоже, он как раз успел надеть футболку перед её приходом. Не его любимую майку-алкоголичку, которая совсем не нравится ей.

На её приход он отреагировал только вопросительно приподнятой бровью. Да повернулся полностью к ней лицом. До этого он стоял боком. Наверное, смотрел в окно.

Людмила краем глаза успела заметить, что кровать не заправлена. Совсем недавно встал. Она помнила его слова о том, что он соня. Улыбнулась едва заметно. Этот его недостаток, как он сам называл свою любовь поспать с утра подольше, сегодня — очень кстати.

Обрадовалась и тут же споткнулась на ровном месте от следующей правильной мысли: она не обдумала, что будет говорить. Сразу сказать о цели визита или с боку начать?

Открыла рот, чтобы заговорить о своих мальчишках (хорошо, когда есть дети — отличная тема на все случаи жизни), но посмотрела в глаза Игнату и мысленно плюнула на свою робость. Улыбнулась уже открыто и смело шагнула к нему. Одну руку положила ему на плечо, привстала на носочки и дотянулась до его рта, радуясь, что он наблюдал за нею

молча. Иначе не факт, что она бы не струсила. А так, прикрыла глаза и поцеловала.

* * *

Им повезло в это утро побыть вдвоём. Не переживать, что мальчишки могут в любой момент ворваться в дом с громким «мам». Что дед, кряхтя и что-то шутя, может тоже нарушить их идиллию. Старик, как чувствовал, что будет лишним сегодня дома, с самого утра уехал в город к давнему приятелю в гости. Это по его словам. Игнату же показалось, что дед уже проснулся в пасмурном настроении, но привычно нацепил на лицо улыбку и шутил. Кажется, истинной целью его поездки — кладбище. Своих попроведывать, да на могилках убраться. Он не любил никого брать в такие поездки. Нет, ему тоже хотелось посекретничать с покойной женой. Тихонько посидеть у могилки сына...

Игнат уважал желание дяди, поэтому никогда не лез со своими предложениями помощи и не навязывался в спутники. Не маленький — сам справится.

И хорошо, что в это утро он не стал изменять себе и своим принципам. Хотя, признаться честно, рот уже открыл, чтобы отговорить деда от поездки, ведь собирались же вместе на рыбалку. Не стал напоминать. И не зря. Вот как всё замечательно получилось. Если не считать рабочих, на которых он и не обращает внимание, то они совершенно одни. Людмила, конечно, удивила своим ранним приходом, да и этим поцелуем. Он думал, что придётся помучиться несколько дней безмолвием, а потом начать активно доказывать правильность его предложения. А она недолго колебалась. И вот теперь лежит в его объятиях и водит своим пальчиком какие-то только ей ведомые узоры на его футболке. И хорошо вот так просто лежать и наслаждаться мгновением счастья. И позволить себе мечтать о большем.

Они не обсуждали ни её такое спонтанное согласие, ни совместное будущее. Лишь целовались, обнимались, да через прикосновения ближе знакомились. Нет, до интимной близости дело не дошло, к обоюдному, но не озвученному сожалению. Всё же риск быть прерванными был. И не маленький. Просто Людмила запереживала, что он напрасно напрягает ногу. К нему на колени наотрез отказалась садиться. Вот он и увлёк её на кровать. И ей спокойно. И им обоим комфортно.

— И всё же ты извращенец, Игнат, — с явной улыбкой в голосе проговорила она, тем самым нарушив их тишину.

— Откуда такое умозаключение? — искренне удивился, но не перестал перебирать её белые пряди волос — красивые, длинные и блестящие. Кажется, в скором времени они станут его манией. Нет, вся Людмила будет одной сплошной его манией.

Выражение глаз так и осталось теплым, что давало надежду на то, что он не обиделся на нее.

— Потому что нормальный мужчина не заинтересуется замученной матерью-одиночкой, — пояснила она уже с натянутой улыбкой. Запоздало пришло понимание, что она сама портит такое замечательное утро. И кто ее после этого назовет умной?

Он смотрел на нее изучающе с минуту, а потом искривил рот в ироничной усмешке:

— А ты связалась с калеккой — это тоже не говорит в твою пользу.

Его слова заставили ещё больше нахмуриться. Дотянувшись до его рта, она мимолётно поцеловала перед тем, как заговорить:

— Расскажи мне о своей травме. — И, не давая ему ответить, добавила: — Для меня, если честно удивительно, что я ввязалась в эту авантюру без предварительного детального ознакомления с твоей биографией. По факту, я практически ничего о тебе не знаю. Но

почему-то меня это не пугает.

Игнат усмехнулся. Провёл рукой по волосам, явно замороженный этим действием, и только потом опомнился:

— По-глупому всё вышло. Демьян попросил забрать из дворца культуры дочку. У них там была какая-то репетиция. Я приехал раньше. Сидел в зале и смотрел, как Стася выплясывает. Хорошо, кстати, танцевали. Да и хореограф постарался на славу. В общем, засмотрелся. Даже видео снял, чтобы и Демьян погордился дочкой... Не сразу поняли, что пожар. Противопожарная система не сработала. Паника. Истерика. Как-то не ожидал, что творческие люди такие нервные. На первый этаж путь был закрыт — именно там и произошло возгорание. На беду, недалеко от лестницы. В общем, недолго думая, я пришел к «гениальной» мысли. Прыгать со второго этажа... Пока всех уговорил. Пока из штор сделали верёвку. Потом пришлось каждого по отдельности уговаривать. Естественно, подростки боялись. Некоторые женщины тоже. Да и мужчины. Но им я пинка дал для ускорения, чтобы девочек «принимали»... Последним прыгал. Огонь как раз подкрался к окнам на первом этаже. Жарко стало невероятно. Ну я и прыгнул. Неудачно... Врач давал хорошие прогнозы. Да и если бы соблюдал все предписания, наверное, уже и не хромал. А мне всё не сидится на одном месте, — хмыкнул он напоследок.

Людмила дотянулась до его щеки. Поцеловала. С сожалением и восхищением заглянула ему в глаза, а потом стала осыпать его лицо короткими обжигающими поцелуями. Зажмурилась, чтобы скрыть покрасневшие глаза. В горле образовался ком, мешающий нормально дышать.

— Эй, ты чего? — изумился Игнат, надавив ладонями ей на плечи, чтобы немного отстранить от себя и внимательнее рассмотреть эмоции на лице.

Она отрицательно мотнула головой. Сглотнула. Выдавила из себя вымученную улыбку.

— Я не хочу, чтобы ты больше так рисковал жизнью. Как представляю, что могло быть... Но этим людям, детям, невероятно повезло, что ты оказался там и смог так быстро сориентироваться и найти путь к спасению, — произнесла, кладя голову ей на плечо и крепче обнимая.

Он поцеловал её в макушку. Усмехнулся:

— Нас бы спасли. Спасатели как раз подоспели к тому моменту, когда я прыгал. Стоило подождать чуть-чуть.

— Кто же знал, что они успеют? — не согласилась с ним Людмила.

— И зато этот путь привел меня к тебе. К вам. Главное, чтобы пацаны нормально отреагировали.

Людмила вздохнула. Прижалась сильнее.

— Насчёт Павлика я не переживаю. А вот Алёшка... — поделилась она своими мыслями, правда, недоговорила.

— Мне с Лёшкой легче. Так что, думаю, смогу найти и к нему подход, — проговорил он, успокаивающим жестом проведя по её спине.

— Знаешь, я как-то поймала себя на мысли, что вы одинаково хмуритесь. Глупо, конечно, но почему-то мне эта мысль понравилась. Алёша хоть и старается выглядеть старше, но он очень ранимый. Павлик больше пофигист. Ему проще будет. Он легко находит со всеми общий язык. Легко прощает обиды. Легко переключается с плохого на позитив. Алёша же всё держит в себе. Он требовательный и самокритичный. За него я всегда переживаю больше. Тем более, он лучше помнит своего отца. Увы, воспоминания те

малоприятные.

— Не уверен, что из меня получится хороший отчим, но стараться буду. Конечно, отношение их ко мне, возможно, сейчас изменится, но у нас же есть козырь в рукаве. Дед. Вот уж точно сможет найти к каждому подход и уговорить кого угодно.

* * *

Двое братьев бодро шли домой, с воодушевлением обсуждая улов и рассуждая, что в следующий раз нужно будет позвать Игната. С ним как-то спокойнее, что ли. Пашка более собранный при нём. Не норовит влезть в очередную неприятность. Сидит, сконцентрированный на ловле рыбы, а не вертит головой по сторонам, в надежде увидеть что-то интересное. В общем, наличие взрослого рядом, делало младшего из братьев более собранным.

Лёшке же нравилось просто общаться с Игнатом. Мужчина относился к нему, как к равному. Конечно, не обходилось без покровительственной заботы, но она не нервировало, а наоборот была приятна. Да и темы их разговоров были довольно-таки взрослыми. Они обсуждали многое. Игнат делился собственным опытом. И Лёшка всё чаще ловил себя на мысли, что неправильно он поступал, не уделяя должного внимания учёбе. Ведь хочет же в будущем обеспечивать не только себя, но и маму. Значит, надо не баклуши бить, а усердно учиться. Вот только нужно найти ещё какой-нибудь дополнительный стимул. Да и на подначивания младшего нужно меньше обращать внимание.

А ещё, кажется, он созрел, чтобы заговорить с Игнатом об их находке. Скоро отпуск у мамы закончится, а канцтовары и другие принадлежности они так и не купили. Это одежду и обувь надо покупать ближе к сентябрю, а всё остальное лучше сейчас, пока цены не подскочили.

Лёшка с досадой поглядел на брата, продолжавшего воодушевленно о чём-то рассуждать. Нет, безусловно, хорошо, что они нашли этот клад, но мороки с ним...

— Лёх, смотри, мама от дяди Игната уходит, — запнувшись на полуслове, вдруг выдал удивлённо Пашка.

Старший глянул вперёд. Действительно, мама с Игнатом. И такие оба довольные, будто что-то хорошее произошло. А потом прищурился подозрительно, когда увидел, как Игнат ласково прикоснулся рукою к маминой щеке.

Это что за нежности?!

Пришлось прибавить шаг. А Пашка, зараза такая, взял и окликнул взрослых. Не дал понаблюдать и понять, что происходит. Мелкий пакостник!

Взрослые встрепнулись, но, как ожидал Лёшка, не отпрянули друг от друга. Мама, завидев их, заулыбалась. Да и Игнат приветливо улыбнулся им, встав плечом к плечу с их родительницей и спрятав руки в карманы.

— А мы вон, сколько рыбы наловили! — похвастался младший.

Лёшка же, остановившись напротив пары, продолжил буравил их подозрительным взглядом.

Заметил, что мама всё же немного нервничает, а вот Игнат спокоен как удав. Да ещё и смотрит на него с улыбкой. Началась игра в гляделки, которую, на удивление Лёшки, проиграл взрослый. Игнат вздохнул, стёр улыбку с лица и шагнул к нему. Взлохматил волосы на голове и приобнял за плечи.

— Выдохни, всё хорошо, — мягко скомандовал Игнат, открыто смотря ему в глаза.

— Хорошо ли? — не поверил Лёшка.

Пашка, видя непонятное поведение брата, притих, придвинувшись поближе к матери.

— А разве нет? — переспросил Захаров.

— Вы подкатываете к нашей маме? — в лоб спросил Лёшка, и не думая юлить.

— Тебе это не нравится? — посерьёзничал и Игнат.

Лёшка задумался.

— Не знаю, — честно признался он, спустя минуту. — Я не хочу, чтобы ее обижали.

— Я этого и не собирался делать.

— Папка тоже всё время давал пустые обещания, — не унимался Лёшка. Внутри всё задрожало от напряжения. Хотелось оттолкнуть мужчину, которым ещё несколько минут назад восхищался. Желание схватить маму за руку и побежать домой было таким сильным, что пришлось сжать руки в кулаки до побелевших костяшек.

— И как мне убедить тебя, что мне доверять можно? — вопросительно изогнув одну бровь, поинтересовался Игнат.

Старший пожал плечами.

— Мальчики, время обеда. Давайте мы сначала поедим, а потом будем решать все вопросы, — встряла в их диалог Людмила. Голос ее дрогнул, что совсем не понравилось Лёшке.

Он неуверенно кивнул. Глянул на Игната, не торопящегося отходить от него.

— А вы пойдете с нами?

— А можно? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Можно, — без раздумываний согласился Лёшка. Ковать железо надо сразу.

Удивительно, но до их дома они шли по парам: мама с Пашкой впереди, они с Игнатом позади. И он даже неосознанно подстроится под шаг Игната. Сперва шел, погрузившись в свои мысли, а потом — бросая задумчивые взоры на мужчины.

Нет, он давно заметил, что все они хорошо сдружились. И это ему нравилось. Понимал, что не только ему не хватает общения, но и маме. Но никак не замечал, что у взрослых совсем другая дружба. Или он просто был невнимательным?

Как давно у них всё началось? И как ему на это реагировать. С брата спрос маленький. Что взять с наивного и доброго пацана? А вот Лёшка оплошал. Повёл себя не как главный мужчина в доме. Но... А стоит ли ему вообще лезть в отношения взрослых? Кто он такой? Малолетний пацан, который всё равно не сможет постоять за маму.

Опять сжал кулаки. Жаль, что у них в деревне нет какой-нибудь секции по единоборствам...

Он наблюдал за взрослыми всё время, пока мама накрывала на стол. Игнат выглядел абсолютно спокойным, да и вёл себя соответственно. А вот родительница явно нервничала. В конечно итоге, первым не выдержал её суеты именно Игнат. Грузно встав со своего места, он подошёл к ней, забрал из рук нож и осторожно усадил её за стол. И даже не дал возмутиться, веско приказав сидеть и успокаиваться — конца мира не предвидится. Удивительно, но этот поступок благоприятно повлиял не только на неё, но и на Лёшку, заставив начать смотреть на мужчину под другим углом. Игнат и вправду не злился и не нервничал. Не изображал спокойствие. Он его буквально излучал. И не только спокойствие, но и добродушие, а также заботу и едва уловимую ласку (по отношению к их матери).

И это заставило Лёшку задуматься: только сейчас Игнат такой, потому что от него этого требует ситуация, или всегда будет таким? Задумался основательно. И вспомнил, что мужчина всегда выглядел или равнодушно, или спокойно. А ещё он не старался произвести

только хорошее впечатление. Наоборот, помнится, как-то пытался доказать, что недостатков у него больше, чем достоинств. А ещё с самого первого дня он проявлял заботу буквально к каждому.

Получается... А что, собственно, получается? Что Лёшка переживает зря?

Бросил пытливый взгляд на брата. Тот безмятежно грыз огурец. Он наклонился к нему и спросил на ухо:

— Ты не против, если дядя Игнат со временем станет нашим новым отцом?

Пашка даже жевать перестал. Приоткрыв от удивления рот, глянул сперва на него, а потом на Игната. Подумав, пожал плечами:

— Он хороший. И не пьёт. И не буйный. Маму не обижает. И тебя, кажется, бить не собирается, так что я точно не против.

Старший опустил глаза, стыдливо краснея. Он и не думал, что брат помнил те случаи, когда он попадал под горячую руку пьяного папки — чисто в воспитательных целях.

И все равно не смог отпустить себя и ситуацию. Но молча и без аппетита ел. И только когда после трапезы Игнат позвал его одного на задний двор, напряжение немного спало с его плеч.

Разговор, как и все предыдущие, Игнат начал с ним, как с равным. Не юлил, не давал обещание, просто голые факты. О себе. О своей прошлой жизни. О планах на будущее. И он спрашивал его мнение. Советовался даже. Пусть по пустякам, но всё же Лёшке было приятно. А потом, как-то незаметно, напряжение окончательно ушло и осталась только уже привычная лёгкость и непринуждённость. Они болтали много и обо всём на свете. И, что удивительно, их никто не отвлекал. Будто домочадцы поняли, что именно такого общения Лёшке и не хватало все эти годы. Что ему не хватало сильного плеча и правильного примера рядом.

Кажется, всё это он нашел в Игната. Пусть ещё не совсем понятном и родном, но уже близком. Осталось только полностью избавиться от своей мнительности и привыкнуть к очередным изменениям в жизни. А ещё надеяться, что теперь их жизнь действительно изменится в лучшую сторону.

Ночь была душной. Открытое настежь окно не спасало. Простыня неприятно липла к телу. Подушка казалось чудовищно неудобной. А пододеяльник, который он использовал вместо одеяла, пришлось отбросить куда подальше — за ненадобностью.

Игнат переворачивался с бока на бок, пытался, как паровоз, возмущённо взбивая подушку, но заснуть всё не мог. В какой-то момент, плюнув на все свои старания, встал и вышел на улицу, предварительно завернув в кухню за банкой кваса. Нужно было бы взять и кружку, но лень. Прошлёпав на крыльцо, он грузно сел на верхнюю ступеньку и, оставив свою ношу, задрал голову вверх. Чёрное полотно, усеянное яркими звёздами, заморозило своей красотой, словно он увидел его впервые. Может, так и есть, если учесть, что очень давно по-настоящему не любовался ним. Кажется, в прошлой жизни он вот так сидел и просто получал непередаваемое наслаждение от летней звёздной ночи. И уже духота, что нервировала ещё несколько минут назад, не казалась такой неприятной. Всё же маленький и редкий лёгкий ветерок порой пролетал мимо, будто шепча: я есть, я рядом.

Игнат прикрыл глаза. Сделал глубокий вдох. Улыбнулся. Нет. Только что он не был предельно честным. Совсем недавно он уже любовался прекрасными ночными светилами. И делал это не один. И в ту ночь намного интересней было любоваться созвездиями, чем сегодня. И он бы был совсем не против, если бы желанная женщина оказалась рядом сейчас. Она бы положила голову ему на плечо, а он бы с удовольствием обнял её. И можно не разговаривать даже. Просто сидеть и чувствовать её в своих руках. Наслаждаться её нежностью. Удивительно, стоило ему «отпустить» себя и жить стало в радость и проще. Прав был дед: влюблённость пошла ему на пользу. А он ещё возмущался и злился на старика. Глупец...

Дед будто почувствовал, что о нём думают. Кряхтя, тоже вывалился и он. С помощью племянника плюхнулся рядом и с облегчением выдохнул:

— Здесь лучше.

— Тоже не спится? — понимающе хмыкнул Игнат.

— Доживёшь до моих лет, и ты мало будешь спать, — пренебрежительно отмахнулся Леонид Захарович.

— Дед, не прибедняйся. Ты никогда не жаловался на сон, — хохотнул он, чем заслужил укоризненный взгляд.

— Никакого уважение к старости, — сокрушительно изрёк старик. — Неудивительно, что ты Людмиле так и не приглянулся. Только из жалости кормит она тебя.

В этот раз Игнат хмыкнул про себя. Родственник ещё ничего не знал о случившихся в его отсутствии переменах по одной лишь простой причине: вернулся домой он только несколько часов назад. Привычно улыбчивый и остроумный он вскользь поинтересовался у племянника делами и уселся за стол — время было ужина. Игнат, почему-то, не стал просвещать деда о всех делах. Только о домашних: ремонт, слава Богу, подошёл к своему логическому завершению. Остались незначительные штрихи, которые должны были доделать в ближайшие два дня. И всё, спокойная жизнь без шума и гомона. А ещё теперь не стыдно будет Людмилу с пацанами приглашать в гости. Да и полноценное новоселье отметит тоже — он обещал и Демьяну, и пацанам.

Повисло закономерное молчание. И вообще хорошо было в обществе друг друга.

Несмотря на разницу в возрасте и характерах, всегда было уютно вместе. Не у всех такая идиллия бывает, а им повезло.

— Дай старику квасу. Не будь жадиной, — незлобно проворчал Леонид Захарович.

Игнат просьбу выполнил, а потом как-то и забыл обратно перевести взгляд на звёзды. С исследовательским интересом принялся рассматривать старика. Он сдал. И всему виной Игнат. И вроде бы тогда не такая уж и страшная ситуация была, и он не сильно пострадал, но дед очень испугался. Буквально дневал и ночевал рядом с ним в больнице. Всех врачей успел довести до белого каления. И хоть дед был не прав, трепля нервы всем вокруг, но Игнат ему и слова поперёк не сказал. А вот на других порычать пришлось. Не все с пониманием отнеслись, хотя он и постарался им объяснить, что его родственник себя ведёт так из-за страха потерять единственного родного человека. И, на самом деле, Игнат бы не собирался уезжать насовсем на север, но деду не признавался в этом. Своей цели молчанием он достиг — расшевелил старика. Да так, что он развёл бурную деятельность.

И вот теперь, когда у них вроде бы всё устаканилось, грядут очередные изменения. В том, что они будут, эти самые изменения, Игнат не сомневался. Он не просто желал отношений с Людмилой. Он собирался стать неразрывной частью её семьи. Дед, конечно же, шёл в комплекте. Тем более сомнительно, что Людмила и пацаны будут против такого заботливого и позитивного старшего родственника. Останется только решить вопрос с жильём...

— Дед, мне кажется, что у тебя больше шансов закадрить какую-нибудь особенно бойку старушку. Может, попробуешь? — полушутя предложил он.

Старик самодовольно хмыкнул, вытер под носом «усы», что остались после кваса.

— Без «кажется». Несмотря на морщины и седину, я ещё ого-го! — сказал Леонид Захарович с гордостью. — Но ты от темы не увливай. Мы о тебе и о Людмиле говорили. Что ж ты никак не прозреешь? Такая женщина! А ты, тьфу, — закончил он разочарованно.

Игнат улыбнулся, но промолчал. Вновь задрал голову и прикрыл глаза. Реакцию деда несложно предугадать. И он пока промолчит, лишь бы насладиться моментом.

Хорошо всё-таки летом ночью на улице. Тишина, если не считать пение птиц и лай собак. Воздух такой пьянительный. Особенно сейчас — перед рассветом, когда духота разбавилась свежестью. А ещё с речки доносится «пение» лягушек. Вот если бы ещё не комары...

— Игнат, — позвал его по имени старик. И голос прозвучал как-то задумчиво. Ну, что опять задумал его неугомонный родственник? Не даёт насладиться ночью. — Игнат, — повторил он громче.

— М-м, — лениво отозвался, так и не открыв глаза.

— Мне кажется дымом тянет, — задумчиво протянул дед.

* * *

Игнат открыл глаза и принялся. Нахмурил брови. Дымом действительно пахло. Он выпрямился и посмотрел на деда. Тот, кажется, даже побледнел. По крайней мере, со сто процентной гарантией можно утверждать, что он выглядел обеспокоенно. И его понять можно.

— Нужно пройтись по улице и осмотреться. Вдруг, кому-то помощь нужна, — озвучил Игнат свои мысли.

Деду они явно не понравились, но, упрямо поджав губы, он промолчал. Игнат же поднялся на ноги и пошагал к калитке так быстро, насколько позволяла больная нога.

— Игнат, не ходи, — попросил совсем тихо старик, но он даже не обернулся. Только отмахнулся рукой.

Дед, сокрушительно покачав головой, поднялся и поспешил догнать его. Даже думал окликнуть, чтобы подождал, но не пришлось. Выйдя за калитку, Игнат остановился и устремил свой взор вверх по улице. Нахмурился ещё больше. А потом его сердце пропустило удар. Если бы дед видел его лицо, то заметил, как в глазах племянника поселился страх. А потом он сорвался с места. Он бежал, сильно припадая на правую ногу и матерясь сквозь зубы по этому поводу. Хотелось верить в лучшее. Хотелось, чтобы это просто была его паранойя.

— Игнат!

— Дед, вызывай пожарных! — не останавливаясь, скомандовал он. И лишь потом поймал мимолётную мысль: услышал ли дед его? Но оборачиваться, чтобы проверить не стал. А ещё краем сознания подумал, что хорошо всё-таки, что он перед выходом натянул шорты, хотя и не хотел.

Один раз он сильно споткнулся. Пришлось вцепиться рукой в забор, чтобы удержаться на ногах. Заодно, и дыхание перевёл. Осмотрелся. Теперь уже не оставалось сомнений: дым валил из двора Броцманов. И это не просто костёр. Тем более, сомнительно, чтобы Людмила надумала его палить перед рассветом. Да и пацаны у неё не стали бы — для этого они слишком послушные. Особенно Лёшка чересчур ответственный. Нужно будет на него дурно повлиять — разбаловать.

Тьфу, о чём он только думает? Но, быть может, это и хорошо, что он отвлекается на такие мысли? Не так сильно переживает и нервничает и значит не допустит непростительных ошибок.

К нужному двору он добежал, проклиная уже всё на свете. В первую очередь свою ногу. И пришёл к выводу, что пора основательно заняться своим здоровьем. Не дело это. А если из-за своей неполноценности он опоздает? Или уже опоздал?..

Влетев во двор, резко и громко оттолкнув от себя калитку, он даже не обратил внимания на тишину. Хотя стоило бы. Это он потом вспомнит, что не услышал щенка. Сейчас же он лишь мельком оглядел весь дом спереди. Дым, насколько он смог судить, валил с противоположной стороны, как раз там, где жилые комнаты. И горела именно крыша. По крайней мере, так он решил на первый взгляд.

Сунуться сразу в дом или сперва обойти его по периметру? Что делать?

Плюнув на сомнения, Игнат дохромал до двери и без труда открыл её. И на этот раз даже сумел порадоваться местной беспечности: в селе, насколько он уже успел узнать, мало кто запирает дверь на ночь. Мол, все свои и вреда никто никому не желает.

Не мешкая, он пробился по коридору и в зале сразу же повернул направо. Толкнул деревянное полотно и стремительно зашёл в детскую комнату. Пацаны безмятежно спали на своих кроватях.

— Лёшка! Подъём! — скомандовал он, переводя дыхание и подходя к кровати младшего из братьев.

Пашка сонно завозмушался, когда он взял его на руки. Старший же подскочил с кровати, испуганно озираясь вокруг. Наверное, хапанул дыма, потому что закашлялся сразу же. Кстати, окно у них тоже было открыто настежь. Отлично.

Выбив москитную сетку, он со своей ношей обернулся к Лёшке.

— Прыгай из окна и принимай брата. Хватаешь его за руку и бежишь на улицу. Всё

понятно? — как строгий учитель дал он поручение.

Лёшка, выглядевшей перепуганным не на шутку, сперва утвердительно кивнул, а потом отрицательно замотал головой.

— Мама! — в панике прохрипел он и уже хотел броситься из комнаты, но Игнат его успел схватить за плечо.

— Я заберу вашу маму, а ты — отвечаешь за брата. Понял?

Лёшка кивнул, хотя по нему было видно, что в нём борются два чувства: страх и боязнь за родительницу. Но хорошо, что пререкаться он больше не стал. Ловко залез на подоконник, с которого уже через мгновение спрыгнул на улицу. Тут же повернулся лицом и махнул рукой, мол, пусть теперь и Пашка прыгает.

Удивительно, но младший вёл себя тихо, но перепуганным был до ужаса. В округлых глазах, наполненных слезами, буйствовала паника.

Игнат осторожно поставил его на подоконник и одобрительно улыбнулся. Взлохматил белокурую чёлку.

— Всё хорошо будет, — пообещал на полном серьёзе.

Пашка кивнул. Вытер мокрые щёки и на короткий миг прижался к нему. А потом резко развернулся и спрыгнул.

Игнат ещё несколько секунд стоял и смотрел, как старший, взяв брата за руку, потянул за собой. Остаётся надеяться, что дед уже вызвал помощь и прибежал сюда. Или что соседи проснулись и встретят мальчишек. За них было боязно — дети всё же, а он, по факту, бросил их на произвол судьбы. Но страх за их мать победил. Если она ещё не здесь, то точно не проснулась.

Развернувшись, он сделал первый шаг и тут же ухватился за первый попавший предмет под руку.

Чёртова нога!

Пришлось ещё немного повременить, буквально пару секунд, пока мушки перед глазами перестанут плясать. А потом, тряхнув головой, он продолжил свой путь. Дышать становится всё труднее. Значит, времени у него осталось ничтожно мало.

С трудом преодолев пространство детской и зала, толкнул дверь и буквально ввалился в комнату хозяйки дома. Но проснулась она не от его наглого появления, а от грохота. Кажется, он вовремя успел закрыть за собою двери — за спиной что-то упало очень тяжелое. Обвалилась балка? Выглянуть? Нет. Как-то пока не хочется.

— Что? — растерянно и испуганно выдохнула Людмила, уставившись на него такими же округлыми глазами (правда без слёз), как и её младший сын пару минут назад.

— Надо выбираться, — вместо пояснений сказал Игнат и похромал к окну. Но уже на подходе к нему он нахмурился, приглядываясь. Ставни были закрытыми. А подойдя, понял, что закрыты они оказались снаружи.

— Ты любишь жару? — поинтересовался, поворачиваясь к ней лицом. Благо, Людмила уже стояла подле него.

— Нет. Я оставила окно открытым на ночь, — ответила срывающимся голосом, кивком головы указывая на окно. Правая створка и впрямь была полностью открыта вовнутрь.

Вывод напрашивался один и совсем не радужный: ставни закрыли снаружи намеренно. Значит, и пожар не случайный. И это в миролюбивой деревне, где практически все дружны.

* * *

Людмила в ужасе посмотрела на закрытое наглухо окно, а потом, кажется,

окончательно проснулась. Вздрогнув всем телом, она подняла полный паники взор на него, Игната, и резко развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Мальчики! — с отчаянием выдохнула она, явно намереваясь бежать в детскую комнату.

Благо, Игнат вовремя успел поймать её за предплечье и дёрнуть на себя. От столкновения двух тел оба поморщились. А мужчина ещё и глухо простонал: Людмила нечаянно наступила на больную ногу. Сам виноват.

— Пусти, — взмолилась она, пытаясь высвободиться из его захвата. Удивительно, но такой на вид худой и неспортивный, а силы в нём оказалось достаточно, чтобы с лёгкостью скрутить её, чтобы не рыпалась. Не зря говорят, что внешность обманчива.

— Успокойся. С ними всё в порядке. Они на улице. И дед с ними, — заверил, прижимая ещё ближе к себе.

Людмила замерла в его руках. Несмело задрала голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Точно? — переспросила с затаённой надеждой.

— Точнее не бывает. Я сначала к ним зашёл. Они у тебя молодцы. Не пререкались и не геройствовали. Сделали всё, что я велел. Так что они в безопасности. Осталось и нам выбраться, — более развёрнуто ответил он.

Провёл ладонью по взлохмаченным волосам. Поцеловал в макушку. Успокаивал, а сам в это время думал, как выбить окно. На первый взгляд ставни не выглядели ветхими. Можно, конечно, попробовать выбить ногами. Но тогда есть вероятность вообще на всю жизнь остаться калекой. Таким он точно к Людмиле не посмеет сунуться. Обузой быть не собирался. А отказываться от желанной женщины — нет, для этого он слишком эгоист. Попробовать выглянуть из комнаты, чтобы разведать обстановку? Но есть ли резон? Дым из-под двери просачивается уж слишком густой. Да и жарковато становится.

Остаётся одно: пробовать выбить ставни. Медлить нельзя. И так застоялись они. Хорошо, хоть Людмила поверила ему на слово и взяла себя в руки.

— Ладно, — выдохнул ей в макушку. — Где ты хранишь документы?

Людмила встрепенулась. Легко выскользнула из его рук, благо, он ослабил хватку. Подарив ему благодарную улыбку, бросилась к шкафу. Там, на одной из полок, она хранила все нужные документы, собранные в одну небольшую сумку из-под ноутбука. Привычка эта осталась ещё с тех пор, как был жив муж. Чего ожидать от него, когда он находился в невменяемом состоянии, она не знала, поэтому старалась быть готовой ко всему. Вплоть до побега куда угодно. К слову, убежать пару раз и вправду приходилось. Пашка тогда совсем маленьким был, а вот Лёшка, возможно, помнит, как они сперва прятались в кукурузе, радуясь, что она уже довольно высокая. Сколько там просидели, сложно сказать, но муж успел заметить, что с детьми убегала она в огород. Звал и бранился долго, обещая не тронуть, но его словам она давно поняла, что грош цена. А потом они просились на ночлег к Инге. В первый раз, правда, Людмила сгруппировалась и пошла к свекрови. Пожалуй, это была вторая самая большая ошибка в её жизни. Первой, надо полагать, не трудно было догадаться, что было замужество. Правда, и ошибкой она его не считала, как таковой потому, что покойному мужу была чрезмерно благодарна за таких замечательных сыновей. В общем, свекровь тогда закатила такой скандал и выставила такой неблагодарной дрянью, что показываться людям на глаза она долго ещё стеснялась, хотя и приходилось...

Пока она брала сумку с документами и ноутбук — хоть как-то ещё ценное имущество, если им удастся выбраться унести, Игнат пытался выбить ставни. Было неудобно не только

из-за ноги, но и из-за довольно широкого подоконника. Кое-как приноровившись, он всё же собирался предпринять попытку выбить ставни, но этого уже и не понадобилось. В самом начале, когда только показалось, что ставни дрогнули, он замер. А через секунду облегчённо выдохнул, когда те распахнулись и ему взору предстал какой-то озабоченный незнакомый мужик, рядом с которым маячил обеспокоенный дед и Лёшка.

— Живы, — выдохнул старик, прижимая к себе мальчишку. — Выбирайтесь скорее, пока вся крыша не завалилась.

Игнат посторонился, сильно припадая на правую ногу. Сперва передали сумку и ноутбук. Потом помог Людмиле и лишь после выбрался сам. Оказавшись на улице, даже не успел перевести дыхание, а Лёшка уже поднырнул под руку и, обняв за талию, потянул подальше от дома. За помощь Игнат был благодарен. Правда, лучше бы на Лёшкином месте был кто-то постарше и посильнее.

Дед шёл рядом с вещами Людмилы, тихо что-то бурча себе под нос. Сама же хозяйка дома шла с младшим сыном в обнимку. Хорошо хоть на руки не взяла, а то бы пришлось на неё шикнуть.

Он едва добрёл до калитки, где его перехватил один из мужиков тоже ему не знакомых. Ступив же на улицу, он отмахнулся от помощи и буквально рухнул на цветник. В душе, конечно, что-то встрепенулось и возразило против такого варварского отношения к цветам, но Игнат был настолько обессиленным, что только отмахнулся от этого чувства.

Выдохнул. Рядом сразу же приземлился Лёшка, с тревогой смотрящий на него. Пришлось выдавить из себя улыбку и притянуть пацанёнка под бок. Хорошо, что он не стал сопротивляться. Спрятал лицо у него на груди и обнял в ответ. Испугался пацан не на шутку. Ещё бы.

По другую сторону опустилась и Людмила с Пашкой. Правда, она только осторожно накрыла его руку своей ладонью, которой он опирался о землю. Он подарил улыбку и ей. Кажется, Пашка из них всех был самым спокойным. Может, не окончательно понял, какой именно участи они все избежали. А может и по другим причинам. В любом случае, его спокойствие радовало. Истерику он бы с трудом сейчас перенёс.

— Всё хорошо, — хрипло выдохнул, начиная верить в удачу. В этот раз действительно всё оказалось не так страшно и трудно. Только в самом начале перенервничал сильно. — Кто догадался насчёт окна? — спросил, обводя близких внимательным взглядом, и напрочь игнорируя всех остальных. Наверное, на зрелище сбежалась вся деревня. Да и пожарная машина уже подъезжала. Это тоже хорошо. Значит, пожар не перекинется на другие постройки и дома.

— Я подумал, что вы с мамой выберетесь тоже через окно. А вас всё не было и не было. Вот я и побежал туда. За мной — дядя Саша и Леонид Захарович, — пробурчал его в грудь Лёшка.

— Молодец, — похвалил Игнат и каким-то привычным жестом прижался губами к белобрысой макушке. Своему поступку удивился краем сознания. Всё же до этого момента он никогда и ни к кому из детей таких эмоций не проявлял. Наверное, всё же прикипел к пацану душой, а сам этого и не заметил. Не думал, что его привязанность настолько сильная. Возможно, это и к лучшему.

Вздохнув и тряхнув головой, он обвёл зевак цепким взглядом.

— И кого у нас здесь не хватает? — задал вопрос на грани слышимости, но Лёшка опять удивил: нехотя отстранился и тоже огляделся:

— Так и не пришёл сосед — дядя Ваня. Наверное, опять забухал.

Игнат задумчиво кивнул, принимая его ответ. Тихо промолвил:

— Разберёмся. — А потом, на миг прикрыв глаза, окончательно пришёл в себя и притянул Людмилу к себе под бок. Так спокойнее. — В гробу я видел вашу деревню. Будем жить в городе, — выдохнул хрипло и судорожно, зарываясь носом в копну белокурых волос своей женщины.

Ему никто не возразил. Может, несогласные и были, но все разговоры они будут вести потом.

— Наш клад! — внезапно закричал Пашка, подрываясь с место.

Игнат отреагировал быстрее всех. Воспользовавшись тем, что и Людмила от него отстранилась вслед за сыном, наверное, тоже собиралась броситься за ним, он схватил пацана за руку и дёрнул на себя. Пашка приземлился ему на ноги, отчего Игнат тихо и протяжно застонал. Но держал мальчишку крепко.

— Не рыпайся, — сквозь зубы скомандовал.

Младший посмотрел на него с такой безнадегой, что впору было и самому лить слёзы.

— Там же наш клад. Мы маме хотели... — шмыгнул он носом и не договорил — взвыл в голос раненой белугой.

Вот вам и истерика. Рано он радовался и зря.

— Не рыдай. Я тебе новый клад закопаю, если так хочется. А нет — так денег дам, отдашь их матери, — строго сказал он, не зная, как успокоить ребёнка.

Правда, мальчишка не успел переварить его слова. Первым это сделал его брат:

— А вы откуда знаете о деньгах?

— Я тебе потом расскажу, — пообещал Игнат и улыбнулся подозрительной Людмиле.

Краем глаза он видел, да и слышал, как старший успокаивает брата, но решил пока сосредоточиться на их матери. Вновь привлёк её к себе и поцеловал в висок. Вспомнил, что по дороге дед успел сказать, что вызвал не только спасателей, но и Басов.

— Сейчас приедет Демьян, поедem в больницу, — сказал в ультимативной форме. — А потом... видно будет.

Думать не хотелось. Наступил «откат». И хотя он понимал, что как мужчина должен все проблемы взять на себя, но малодушно отодвинул их решение на потом. Сперва нужно окончательно успокоиться и поверить, что всё и вправду закончилось хорошо. Вот только одна навязчивая мысль всё никак не хотела улетучиваться: возвращаться в деревню совсем не хотелось. По крайней мере, пока не поймают поджигателя. А там... в общем, видно будет.

Сразу уехать в город не получилось, хотя Демьян и быстро приехал. Но пока разобрались с участковым. Потом мальчишки бросились искать щенка. В ограждении того не нашлось. На зов он не прибежал. В общем, младший опять чуть ли в истерику не скатился. Пришлось вновь его успокаивать. Одно радовало — Лёшка вёл себя рассудительно. Но и это пугало, откровенно говоря. По представлению Игната ребёнок не может себя вести так взрослому.

На поиски пса потратили почти два часа. Искали едва ли не всей деревней. Увы, пропажу не нашли. Слез было... Расстроился, кажется, даже дед. Но терпение Игната подошло к логическому концу, и он погнал всё своё семейство к машине. В деревне остался только старик, который напрочь отказался оставлять свою хибару. Пришлось пойти на уступки. Но строго наказать сидеть тихо и никуда не влезать. Дед клятвенно заверял, что так и поступит, но уж больно глаза были хитрыми. Скрепя сердцем, Игнат оставил родственника самого.

Всю дорогу он оглядывался на заднее сиденье, где разместились Броцманы, будто каждый раз удостоверяться, что они на месте, рядом. Страх, что на рассвете сковал его сердце, отступал медленно и явно нехотя. А ещё мужчина понимал, что впереди им предстоит серьёзный разговор. Он не лукавил, когда в сердцах сказал, что не желает жить в деревне всё время. Нет, там, безусловно, замечательно. Но, во-первых, далеко от работы. А во-вторых, оставлять надолго семейство он теперь откровенно боялся. Пусть виновника пожара и поймают, но страх-то останется. Мало ли дураков на свете?

В больнице провозились ещё дольше. Игнат буквально замучил врачей своими требованиями, но добился, чтобы мальчишек и их маму проверили со всей тщательностью и щепетильностью.

После всех процедур все были вымотаны не только морально, но и физически. К тому же не стоит забывать, что утреннее событие оставило свой жирный отпечаток. И хоть Игнату было жаль своё новое семейство, над которым он взял шефство без спроса и объяснений (пока), но погнал всех по магазинам. Нужно было купить самый необходимый минимум для всех. Здесь приятно удивила Людмила, которая быстро сориентировалась на местности и командовала на удивление чётко и без долгих раздумываний. В итоге на покупки они потратили всего час времени. И то из-за того, что в самом конце Игнат умудрился слегка повздорить с нею. А вот не нужно себя принижать и обделять! К ни го ед . нет

В общем, к нему в квартиру они приехали уже к вечеру — все измотанные и молчаливые. Ещё по дороге сюда Игнат додумался заказать еду. Так что ещё тратить силы на приготовление ужина не пришлось. Мальчишек сразу отправили купаться. Сами же обустроились в кухне. Вернее, Людмила пошла распаковывать еду и накрывать на стол, а он увязался следом, хотя врач настоятельно рекомендовал ему покой. Нет уж, позволит себе он отдых только вместе с нею под боком.

Было видно, что Людмила дует на него за сцену в магазине, но это только позабавило. На него она не смотрела, предпочтя сконцентрироваться на продуктах. Он же, постояв в дверном проёме, привалившись к косяку, пару минут, понял, что напряжение потихоньку покидает его тело. Оказывается, видеть желанную женщину на своей территории —

опьяняющее чувство. В нём проснулся собственник, гордо задравший голову и оскалившийся в довольной улыбке. Вот то, чего ему не хватало, а он, дурень, этого не понимал.

Тряхнув головой, он отлип от косяка и медленно подошёл, обнял со спины, устроив подбородок на её плече.

— Не обижайся. Я же для тебя хочу как лучше, — ласково попросил, невесомо целуя в шею.

Людмила вздрогнула, но искоса глянула на него совсем не любяще.

— А ты уверен, что знаешь, как для меня лучше? — спросила строго.

— Пока не очень, но, думаю, халат точно лишним не будет, потому что в ином случае я могу начать приставать к тебе совсем не в подходящий момент. А так этот балахон будет удерживать свою фантазию. Надеюсь.

Она вздохнул. Повернулась в его руках и, обняв за шею, открыто заглянула в глаза.

— Мне кажется, что ты уже всё решил без нас и за нас. И это пугает. Нет, я тебе чрезмерно благодарна за спасение, но сейчас ты меня пугаешь.

Игнат поморщился. На миг сжал её в своих объятиях крепче, чем следовало бы, и поцеловал в кончик носа.

— Извини. Я действительно перегнул палку. Надо мною до сих пор властвует страх, поэтому заносит. Но, Люда, я не уверен, что вам стоит возвращаться в деревню, по крайней мере, пока не поймают поджигателя. Я же весь изведусь от нервов и переживаний.

Промолчал о том, что вообще не хочет их возвращать туда. Ему, как и любому коренному жителю города, казалось, что лучше жить среди каменных джунглей — перспектив больше, да и все инстанции под рукою. И теперь главная проблема: как в этом убедить и Людмилу? Пацанов-то легче будет уговорить. В городе больше развлечений, но тоже не факт. Они же привыкли к свободе...

Впрочем, не рано ли он задумался над этим?

— Понимаю, — со вздохом сдала и она свои позиции. Положила голову ему на плечо. Ладони скользнули вниз, чтобы встретиться на его поясице. Его объятия дарили чувства защищённости и надёжности. — Страшно представить, чтобы было с нами, если бы не ты. Кстати, как ты оказался у нас в такую рань?

Пришлось поведать ей о своей бессоннице, разговоре с дедом, да и о собственных мыслях. В общем, решил строить отношения на откровениях. А потом и мальчишки подтянулись к ним. Уставшие, но чистые. Они откровенно клевали носами, и взрослые не стали настаивать, чтобы они хорошо поели, посчитав, что перекусов за день, которые происходили на территории больницы и торгового центра, им могло вполне хватить. Захотят ночью есть — холодильник и кухня всегда в их распоряжении. Что и где лежит Игнат вкратце им объяснил, хотя Пашка и не слушал, и повёл в отведённую для них комнату. Проследил, чтобы они с комфортом улеглись и даже постоял на пороге пару минут, бездумно смотря на них. И если Лёшка ответил ему таким же взглядом, правда, сонным, то младший сразу же отвернулся к стенке. Все знали, что Пашка тяжело воспринял пропажу щенка. И хоть более-менее успокоить его получилось, но не развеселить. Он весь день был непривычно молчалив, хмур и раздражителен. Но взрослые посчитали, что стоит проявить снисхождение к нему. Всё же стресс ребёнок пережил. И всё равно было неприятно, если не больно, смотреть на грустного ребёнка. Хотелось встряхнуть его или что-то ещё сделать, чтобы вернуть в привычное радушное состояние. Но Игнат раньше не имел дел с детьми, поэтому не знал, что предпринять. Стоял в растерянности, терзаемым двумя желаниями:

подойти и обнять Пашку или всё же уйти и не мешать им отдыхать.

Его дилемму решила Людмила. Она проскользнула мимо него и легла с сыновьями. Причём Лёшка сразу понял желание мамы и встал, чтобы уступить ей место. Младший тут же повернулся, хотя она ничего и не успела сказать или сделать, и крепко прижался к ней. Старший пристроился с другого бока. Но обнял не только мать, но и частично брата, накрыв его руку, своей.

Картина получилась настолько красивой, что вызвала невольную улыбку. Правда, получилась она грустной: в этот момент он особенно остро почувствовал себя посторонним. Он пока не является частью этой дружной и любящей семьи, хотя уже настойчиво и пытается ею стать. И обязательно станет, но...

Проглотив ком в пересохшем горле, он тихо прикрыл за собою дверь. Им нужно побыть одним — это и без слов понятно. Стресс так быстро не проходит и понадобится некоторое время, чтобы страх в душе улёгся, если не прошёл полностью.

Пройдя в кухню, он выключил свет и присел на подоконник. Вечер был уже довольно поздний, но Игнат сомневался, что дед уже спит. Хотя, кто его знает, но всё равно достал телефон из кармана и набрал его номер.

Старик ответил практически сразу же. И хоть старался говорить бодро, но голос всё же время от времени срывался. А Игнат слушал его и слабо улыбался, чувствуя, как в груди начинает теплеть. У него тоже есть семья. Пусть такая маленькая, но крепкая. Они с дедом многое пережили и всегда стоят друг за друга горой.

Слушал ворчание старика и теперь уже по-настоящему улыбался, позволив себе немного помечтать о том, как совсем скоро две их семьи объединятся. Вот деду будет радость. Особенно, если Людмила согласится родить ещё одного ребёнка. И ведь до сегодняшнего вечера он действительно никогда не задумывался о собственных детях, а вот сейчас подумалось, что два пацана у них уже есть. Не мешало бы девчонку им родить. А то какое-то мужское царство получается...

— Игнаша, а ты ничего не хочешь мне сказать? — вкрадчиво заговорил дед, когда рассказал все новости.

— Что? — не сразу понял о чём речь он.

— О том, что ты обнимал Людмилу не как простую знакомую. Уж больно собственнически. — Ехидство так и пёрло из него. Что, в принципе, не удивительно: старик более-менее успокоился и вернулся к привычному для него стилю общения.

Игнат хмыкнул, но решил пока повременить с откровениями. Не по телефону же во всём признаваться. Он умело ушёл от прямого ответа, ловко переключив внимание родственника на другой вопрос. Так что теперь пришлось деду оправдываться и заверять, что у него всё хорошо и чувствует он себя замечательно. В это верилось, но не полностью, поэтому сразу же после «отбоя», Игнат позвонил и прорабу, радуясь, что бригада ещё не уехала. Тот клятвенно пообещал за стариком присмотреть.

И вроде бы уже всё хорошо, а на душе всё равно муторно. Хотя нет, не хорошо. Хорошо будет, когда поджигателя задержат, а пока... Пока ему нужно как-то уговорить Людмилу переехать в город или задушить на корню свою паранойю, которую он, кстати, заработать легко и быстро сегодня. Но как это сделать, не представлял. Давить не хотелось. Да и понял уже, что не стоит. Женщина ему досталась с характером — своё отстоит. Или уйдёт от него без лишних скандалов и доказательств своей правоты.

М-да, какой же тяжёлый и нескончаемый день...

Он слышал, как тихо вошла Людмила и подошла к нему. Осторожно поднырнула к нему под руку и прильнула, обеими руками обняв. Игнат улыбнулся. Поцеловал в макушку, чувствуя, что с её приходом дышать стало легче, спокойнее.

— Почему ты здесь стоишь один в темноте? — спросила полушёпотом, пытливо взглянув на него.

— Пытаюсь придушить в себе желание запереть вас здесь и никуда не выпускать, — честно признался таким же полушёпотом.

Людмила улыбнулась уголками рта. Дотянулась до его подбородка и поцеловала. То ли желая таким способом его подбодрить, то ли успокоить.

— Давай об этом пока не думать. Пойдём спать, — мягко произнесла.

— Вместе? — прищурившись, уточнил.

— Конечно. Чтобы обоим было спокойнее.

Игнату осталось только согласно кивнуть.

Пока по очереди приняли душ, пока перепроверили мальчишек, пока перестелили постельное бельё — ещё один час прошёл. Но, удивительно, ложились без неловкостей и стеснений. Возможно, усталость так сильно обоих подкосила. Или за этот день они окончательно привыкли друг к другу. Но легли сразу рядом. Людмила с превеликим удовольствием и удобством устроилась на его плече, обняв поперёк груди. Так, обнявшись, и уснули. Причём довольно быстро и крепко.

А утро началось рано и с поцелуев. Кажется, солнце только собиралось выкатываться из-за горизонта, когда Людмила резко открыла глаза. Многолетняя привычка ей не изменила, несмотря на насыщенность предыдущего дня и короткий сон. Вспоминать и осматриваться не пришлось. Память ей не изменила. А вот аккуратно повернуться лицом к мужчине, пришлось, потому что во сне она явно не раз переворачивалась. Да и Игнат оказался на другом краю кровати. Вот что значит привычка спать одним.

Она пару минут полежала тихонечко, любуясь умиротворённым лицом Игната. Да и просто полюбовалась. Когда такая возможность ещё выпадет? А потом всё же не выдержала и подлезла к нему поближе. Да, помнила о его любви с утра подольше поспать. Да, было в какой-то степени жаль его будить. Но эгоистичное желание провести это утро в своём удовольствии, было сильнее.

* * *

В деревню они вернулись после обеда. Удивительно, но мальчишки заспались основательно. Павлик и вставать не хотел, хотя обычно энергия из него так и плещет. Тут же, проснулся уже невесёлым и уставился в окно, повернувшись на бок. Старший брат поначалу попробовал растормошить его, но после десяти минут проб, махнул рукой.

Как выяснилось ближе к обеду, Демьян рванул в деревню ранним утром. Поднял на ноги всю местную власть, заставляя тех не просто проснуться, но шевелить руками-ногами и извилинами. Спустя полтора часа участковый его уже откровенно ненавидел, а местные старушки попрятались по хатам, не желая иметь хоть какое-то дело с пристающим и беспринципным хамом. Хотя по первой их и заинтересовал новый человек на деревне. Увы, по хамству он прилично обогнал своего приятеля. Так что разговаривать с ним нормально смогла только подруга Людмилы — Инга. К их обоюдному удивлению и удовольствию, но общий язык они нашли сразу и легко. Совместное дело сближает — факт. В общем, к расследованию они, кажется, отнеслись серьёзнее и дотошнее, чем стоило бы гражданским лицам. Там расспросили, там переспросили, там подтвердили то, что уже узнали. Так и

выудили на свет общий небольшой заговор. Конечно, не заговор, но двое обиженных, как им кажется, людей, тем более под воздействием горячительных напитков, готовы не только план мести придумать, но и воплотить его.

А дело было так. Оскорблённая бывшая свекровь, как истинное зло, не дремала все эти годы. Особенно после смерти своего единственного и горячо любимого сыночка. Тем более она свято верила в то, что в его смерти повинна именно невестка — змея подколотная и ведьма проклятая. И когда заметила, да и люди нашептали, что повадился к Людмиле ходить приезжий хахат, то люто рассердилась. А тут, как говорится, встретились два одиночества, то есть в тот злополучный вечер повстречала она возле магазина соседа Броцманов — Ивана. Иван мужик, в принципе, не плохой, да дурной уж слишком, когда выпьет. И питал он глубокую симпатию к своей белокурой соседке. Мальчишек её недолюбливал — избалованные и шумные. А вот она — тоненькая, как тростиночка, добрая и улыбочивая. Ну как такой не увлечься? Особенно, если собственная жена больше похожа на расфуфыренную свинью, а не на изящную лань? Да и не хозяйка вовсе. В общем, не чета соседке. Людмила знаков внимания не замечала (или делала вид, что не замечает), а на прямые предложения вместе хорошо провести время отвечала категорическим отказом. А в последнее время вообще перестала обращаться к нему за помощью. Немного пристального внимания, и выяснилось, что она таки связалась с этим калекой городским. Напился он знатно, пошёл в магазин за добавкой, зацепился языками со старой Броцманшой, у которой они и сидели дома. Вот и придумали, как гадине отомстить.

Повезло, что пёс совсем ещё маленький. Старуха его угостила куском варёной курицы. Погладила, да и в мешок сунула. Куда потом тот подевала — не запомнила. В это время Иван тихонько, что удивительно, смог закрыть ставни на окне у Людмилы. Прикурил. Достал из заднего кармана жидкость для розжига, за которой предварительно заходил в свой гараж. Дальше дело за малым. Они даже несколько минут постояли, чтобы удостовериться, что огонь не погаснет. И только потом юркнули к нему на участок. Засели в летней кухне, открыв новую бутылку водки. Правда, выпить успели по стопке, да так и уснули за столом.

Быть может, никто бы на них и не подумал. Ведь кто мог подумать, что тщедушная старушка способна на такое? Да и Иван был на хорошем счету. Работяга, семьянин, добродушный и отзывчивый.

Иван выдал себя сам. Проспавшись, он вспомнил, на что его подбила старуха и, сломя голову, бросился на соседний участок. И побежал не напрямик, через огород, а как цивилизованный человек — по улице. Как раз в этот момент Демьян вместе с Ингой и участковым стояли напротив двора Броцманов. Слова за слово, и Иван во всём покаялся, не забыв в деталях рассказать и о своей сообщнице.

К приезду Игната с семейством, обоих задержали. И стоит сказать, что задержание старушки было фееричным. Таких бранных слов, наверное, многие в деревне не знали. Конечно, больше всего проклятий сыпала она на голову своей бывшей невестке. Сказать, что многие жители удивились такому отношению — тактично промолчать. Нет, многие знали, что она недолюбливает Людмилу, но не до такой же степени! Тем более все прекрасно знали её непутёвого сына. А Людмила всегда была на хорошем счету. И тут такое...

Людмила пребывала в шоке. В участке смотрела на свою бывшую свекровь округлыми глазами, до конца не веря в происходящее. Ладно, она, но как же мальчишки? Они же кровь и плоть её любимого сына! В чём могут быть виноваты дети?

Нет, мозг категорически отказывался понимать и принимать это. Хорошо хоть

мальчиков додумались оставить с Леонидом Захаровичем. Втроём они организовали очередные поиски щенка.

— И что вы предлагаете? Посадить в тюрьму восьмидесятилетнюю старушку? — сипло спросила Людмила, в растерянности глядя то на Игната, то на полицейского. Нет, она была зла на бывшую свекровь, но...

— Это уже будет решать суд, — безапелляционно заявил Басов, находившейся тут же. Вообще он, кажется, примерил на себя роль их адвоката и телохранителя в одном лице. И, надо признать, эти две роли ему шли. Он сбросил маску юмориста и стал предельно серьёзным и собранным человеком. Решал всё за всех и ставил в известность в ультимативной форме.

Игнат спорить с ним не стал, хотя пару раз и хотелось. Но, видно, Демьяна окончательно все достали, так что под горячую руку лезть не хотелось. Пусть выплёскивает свой негатив на других. С чем он прекрасно и справлялся. Правда, Людмила попыталась вступить с ним в спор насчёт судьбы своей бывшей свекрови, но один колючий взгляд и один веский аргумент — и у неё тоже желание пропало. Со стороны, как говорится, виднее как лучше.

Щенка не нашли, хотя мешок валялся в саду у Ивана. И, несмотря на то, что на ночь опять уехали в город, но мальчишкам пообещали, что поиски они не прекратят. Всё же теперь нужно отстраивать дом. Или новый покупать, что точнее, потому что Людмила оказалась суеверной. Но для этого им сперва стоит определиться, где они окончательно обоснуются: в городе или всё же в деревне.

Женщина прекрасна, когда счастлива. Эту простую истину знают многие, если не все. И на самом деле для счастья ей нужно не так уж много. Любовь и внимание её мужчины, здоровые дети и стабильность.

Рядом с правильным мужчиной женщина хорошеет. Эту простую истину Людмила поняла спустя год совместной жизни с Игнатом. А потом, когда наконец-то родилась их дочка, то и подтвердила эту истину. Всё же наблюдать за мужчиной с маленьким ребёнком, — это поистине увлекательно и умирительно. И главное, что её мальчишек он не стал обделять своим вниманием. Да, был строг с ними, но справедлив. Часто разговаривал, давал советы и ходил на рыбалку. Их учёбу он тоже взял на себя. Хотя, Лёшка и без того взялся за ум. Удивительно, но за год он сильно повзрослел. И когда на семейном совете было принято решение основную часть года жить в городе, он объявил, что хочет поступить в военное училище. Сперва никто не воспринял его слова всерьёз, тем более Людмила. Но старший проявил настойчивость и упорство. В школе подтянул основные дисциплины. Попросил Игната найти для него курсы самообороны и пошёл на плавание. В общем, основательно взялся за саморазвитие. И таки выбрал военную стезю.

Младший хоть и восхищался силой воли брата, но брать пример с него не спешил. Вместо этого он с удовольствием посещал фабрику Игната. Можно сказать, всё своё свободное время он проводил там, донимая всех вопросами и уточнениями. Удивительно, но все только умилялись его энтузиазму, но никак не нервничали. Хотя, порой и не обходилось без эксцессов. Увлёкся проектированием и дизайном, и после в выпускных классах сказал, что пойдёт по стопам отчима. К тому моменту, кстати, он Игната уже называл «отцом».

Алексей тоже считал Игната отцом, но называл так редко. В основном обращался по имени, или по привычке «дядя Игнат». Дома объявлялся крайне редко, от чего очень грустила Людмила, но сына поддерживала в его выборе.

Любовь — именно так они назвали дочку, больше всех боготворила именно старшего брата. Она буквально с рук его не слезала, когда он приезжал. А он позволял ей многое. И выдуманные чаи «гонял» с её куклами, и стоически переносил игру в парикмахера и стилиста, и рисовал с нею, и укладывал спать тоже он. Его она слушалась, как бога. Он её тоже боготворил.

Со средним же братом Любовь больше воевала, капризничала и не слушалась. А Пашка и не стремился наладить с нею отношения. В подростковом возрасте характер дал сбой, и из солнечного и ласкового мальчишки он превратился в ехидного пацана. Управу на него мог найти только отчим. От старшего брата тоже доставалось, когда тот приезжал домой. И Пашке оставалось только радоваться, что Лёшка крайне редко переступает порог их дома. К счастью, переходной возраст прошёл довольно быстро и нрав младшего более-менее укротился.

По грунтовой дороге, вдоль поля цветущих подсолнухов, Людмила с Игнатом шли за руку. Солнце светило жарко. В небе парили птицы, радуя всех своим мелодичным пением. Пашка с Любовью убежали вперёд, балуясь и споря. Время от времени Любовь возвращалась к родителям, чтобы запрыгнуть на руку к отцу и начать жаловаться. В такие минуты Игнату приходилось отдавать корзинку с провиантом жене. На попытки давить на жалость младшенькой он отвечал снисходительной улыбкой и безапелляционным напоминанием,

что ябед он не любит. Пашка, прибегающий вслед за сестрой, только довольно улыбался, показывая сестре язык. На что Людмила грозила ему кулаком. Тот лишь снисходительно улыбался. Удивительно, но её мальчишки грозились перегнуть не только её в росте (что уже благополучно сделали оба, причем, старший основательно так), но и отчима. И в кого они такие пошли? Их родной отец не отличался высоким ростом. Она сама тоже довольно низенькая, как по её мнению. Да и если вспомнить других родственников, то великанов среди них не было, но братья били все рекорды. И, что лукавить, глаз радовался, глядя на них, таких статных и самоуверенных...

Шли они на пикник. Раз все собрались (почти все) можно и устроить маленький семейный праздник, пока сын не побежал на свои гульки, мужа не вызвали по работе и что-то ещё не произошло, что всегда происходит, когда что-то планируешь сделать хорошее.

Дети опять убежали, оставив родителей наслаждаться неспешной прогулкой и просто погожим днём. Игнат вновь забрал у неё корзину и, мимолётно поцеловав, потянул за собою. Людмила с нежностью посмотрела на него, такого улыбчивого, любимого и родного. И пусть без ссор не обходится, пусть он по-прежнему часто хмурится, но лучше с ним, чем как было до него...

Когда перемены стучатся в ваши двери, не бойтесь им открыть. Лучше рискнуть, чем потом жалеть об упущенной возможности.

Больше книг на сайте - Knigoed.net